PERIODICAL ROOM

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

№ 60

СОДЕРЖАНИЕ

Испано-британский конфликт 1898—1899 гг.— Джизакское восстание 1916 г.—Из записок А. Ф. Редигера.—Царская цензура и жандармы о Кларе Цеткин.—Записки А. И. Козьмина (1917 г.).—Крестьяне о Брестском мире в 1918 г.

ЦЕНТРАРХИВ

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТРУДЫ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

С. ТОМСИНСКИЙ. Проблемы источниковедения.

В. ЗАБИРОВ. Новые источники об участии националов в пугачевщине.

Б. ТИХОМИРОВ. Источники по истории разинщины.

Н. ЧАЕВ. Ядринские акты как источник по истории чувашей в XVII в.

А. ВВЕДЕНСКИЙ. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв.

К. БАЗИЛЕВИЧ. Таможенные книги как источник экономической истории России.

И. МОРОЗОВ. Актовый материал на службе помещичье-буржуазной историографии.

М. ДЖЕРВИС. О некоторых вопросах источниковедения по истории Польши.

А. КУДРЯВЦЕВ. Задачи марксистского источниковедения в изучении английской революции.

Н. ФРОЛОВ. Предварительные материалы для библиографии источниковедения.

ОГИЗ—ЛЕНСОЦЭКГИЗ. 1933. Стр. 212. Ц. 4 р.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГОСУДАРСТВ. ИЗД-В

ПОЧТОВЫЕ ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва 64, Покровка, 28 „Книга—почтой". Ленинград. Проспект 25 Октября, 28 „Универкнига—почтой", Харьков. Сергиевская ул., 3, отдел „Книга—почтой".

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ
(ШЕСТИДЕСЯТЫЙ)

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1933

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Испано-британский конфликт 1898—1899 г г.	3
Джизакское восстание 1916 г. С предисловием *А. Шестакова*	60
Из записок А. Ф. Редигера. С предисловием *Р. Зверева*.	92
Царская цензура и жандармы о Кларе Цеткин . . .	134
Из записной книжки архивиста	
Записки А. И. Козьмина (1917 г.). С предисловием *Вл. Максакова*	142
Крестьяне о Брестском мире в 1918 г.	156

Государственное социально-экономическое издательство. Техред. С. Топаз.
Сдано в произв. 2/IX—1/XI 1933 г. Подписано в печать 2 XII—3 XII 1933 г.
Статфор. Б$_5$ 176×250 10 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э.(п.) № 132. Зак. 1362
Уполн. Главлита Б—35008 Тираж 2.200

Интернацион. (39-я) тип. „Мособлполиграф", ул. Скворцова-Степанова, 3

Испано-британский конфликт 1898—1899 гг.

Если главные пути исторического развития империализма, ведшие к первой всемирной империалистической войне как бы по прямой линии, в общем изучены уже довольно основательно, то этого никак нельзя сказать относительно многочисленных побочных направлений и эпизодических зигзагов международно-политической истории империалистической эпохи. В этом отношении можно открыть поразительные пробелы в наиболее солидных трудах буржуазных историков и в официальных публикациях дипломатических документов буржуазных государств. А между тем исследование различных побочных путей или, если можно так выразиться, проселочных дорог мировой политики имеет большое научно-историческое и политическое значение. История империалистической эпохи чрезвычайно богата такими «случайными осложнениями», «местными конфликтами» и т. п. событиями, которые на первый взгляд как будто бесследно канули в вечность, а на самом деле имели значительное влияние на общий ход международной политики. Нередко именно в подобных событиях ярче всего обнаруживаются сокровенные замыслы и хитроумные планы тех или иных империалистических хищников, а порой изучение этих «забытых историй» приводит марксистского исследователя к открытию наиболее утонченных приемов фальсификации истории, применяемых буржуазными учеными заинтересованных стран.

Поучительный пример подобной «забытой», вернее, до сих пор сознательно скрытой истории представляет резкое дипломатическое столкновение, разыгравшееся в 1898—1899 гг. между могущественнейшей мировой державой того времени — Великобританией и одряхлевшей колониальной империей — Испанией, как раз тогда терявшей (в неудачной войне с САСШ) свои последние заокеанские владения и вместе с тем свое былое великодержавное положение на мировой арене.

В самом деле этот конфликт, происходивший как бы в стороне от главных направлений империалистической борьбы за передел мира, составлял все же довольно крупное звено в общей цепи международных столкновений того периода. Не подлежит также сомнению, что эти испано-британские «осложнения» конца XIX века, ярко выявившие далеко идущие захватнические планы британского империализма по отношению к государствам Пиринейского полуострова, в значительной мере повлияли на определение позиции Испании в дальнейшей борьбе обоих основных империалистических коалиций, Тройственного союза и Тройственного согласия. Однако, если бы мы захотели найти то или иное освещение этого конфликта в сочинениях, скажем, английских историков, то наши поиски остались бы безрезультатными; излагая очень подробно различные другие мировые события того же периода, они обходят молчанием всю эту историю. Повидимому, им очень хотелось бы, чтобы мир вообще забыл об этом

эпизоде, в котором британский империализм выступает в крайне неприглядном виде.

Конечно, и эти ученые люди, претендующие на роль объективных исследователей прошлого, могут найти всякие оттоворки, вроде того, что упомянутый конфликт разыгрался почти целиком за кулисами тайной дипломатии и что до сих пор не были доступны соответствующие материалы о нем и т. п. Но к подобным аргументам во всяком случае не могут прибегнуть составители официальной публикации британских дипломатических документов: «British Documents of the Origin of the War 1914-1918», однако и они представили британо-испанский конфликт 1898 г. в совершенно искаженном виде. Правда, их нельзя упрекнуть в полном замалчивании этой истории. Они, несомненно, понимали, что такой грубый прием явно не годится в данном случае: полное умолчание об испано-британских отношениях за эти годы слишком бросалось бы в глаза, особенно после того, как некоторые эпизоды конфликта в германской официальной публикации уже были освещены (тоже неполно и односторонне, с явным стремлением замазать широкие захватнические планы германского империализма по отношению «к испанскому наследству»). Но как же поступили те весьма авторитетные английские историки, которым поручено редактирование британских документов? Они, во-первых, постарались изобразить весь этот конфликт, продолжавшийся более года и по временам принимавший очень острый характер, как ничтожный и совсем случайный инцидент: из большого количества материала, который, несомненно, д о л ж е н б ы т ь в архивах «правительства его величества», они включили в свою публикацию всего несколько документов. Но мало этого, соответствующие документы подобраны таким образом, чтобы у их читателя не возникло никаких сомнений относительно миролюбия и благородства британской дипломатии. Если судить по этим документам, то британская политика вовсе не была направлена против Испании, а, напротив, преследовала цель оказать ей содействие и поддержку, защитить ее от возможных злокозненных захватчиков, особенно от высадки врагов «на побережьи Алжезирасской бухты или всякого иного нападения на побережье со стороны моря».

Получается прямо идиллическая картина: могущественная Великобритания самопроизвольно и по собственному почину выступает на защиту слабой Испании! Ясно, что редакторы британских документов тут перестарались. Теперь хорошо известна та позиция, которую занял британский империализм во время испано-американской войны. Подготовляя южно-африканскую войну с бурами, английский империализм этим самым в значительной мере предопределил свое благожелательное отношение к развязыванию той войны с Испанией, которую предпринял молодой американский империализм, только что выступивший на мировой арене и самым своим выступлением положивший исходный этап в борьбе за передел уже поделенного мира.

Политические наблюдатели того времени, заинтересованные в том, чтобы выяснить истинную закулисную позицию английского империализма, уже в самом начале развернувшегося вооруженного конфликта имели возможность констатировать англо-американское сближение. В частности, венценосный вождь германского империализма со всей свойственной ему солдатской резкостью по-своему правильно определил роль Англии в возникновении испано-американской войны. «Англия, — писал тогда Вильгельм II, — хочет сыграть такую же роль, как и в прошлом году, когда она сознательно провоцировала начало греко-турецкой войны. Она будирует все державы, притворно принимает с ними участие до той поры, пока они не скомпрометируют себя перед воюющими сторонами; затем она отступает, фарисейски бьет себя в грудь и говорит о том, будто она ни в чем не участвовала, — тайно связывается с одним из борющихся, естественно,

всегда с сильнейшим, и натравливает его на континентальные державы, в то время как себе выпрашивает на их счет торговые выгоды».

Теперь хорошо известны те политические мотивы, которые заставили тогдашнее германское правительство столь изобличающе оценивать позицию Англии, в частности в испанском вопросе. Это вызывалось серьезными опасениями, как бы британский соперник не помешал захватить ту часть «испанского наследства», которую имел в виду германский империализм, предполагавший воспользоваться сокрушительными военными ударами, нанесенными одряхлевшей Испании мощными САСШ при политическом содействии того же британского империализма.

В результате сильного политического нажима, сложной дипломатической игры и довольно явного шантажа германскому империализму впоследствии, во время и после аукциона «мирных» переговоров, протекавших в Париже, все же удалось захватить довольно значительный кусок испанских колоний на Тихом океане. В этом смысле можно признать, что закулисная политическая активность германского империализма закончилась известным успехом: ограничившись посылкой военной эскадры, германский империализм сумел избежать войны, которая представлялась ему преждевременной; вместе с тем он сумел достигнуть своих захватнических целей, используя сложность международно-политических противоречий. После неудачной попытки разложить англо-американский политический блок, имевший место в самом конце XIX века, на заре эпохи империализма, Германия сначала добилась от Испании территориальных компенсаций, взамен обещанной политической помощи против наседавшего американского империализма, а затем добилась от этого последнего санкции своим захватническим притязаниям в качестве компенсации за то, что обещанной политической помощи побежденной Испании не оказала. Таким образом, реакционное испанское правительство, которое по-настоящему боялось лишь одного — революции и, чтобы избежать этого, готово было итти на любые закулисные сделки с империалистическими государствами, потерпело поражение не только во время войны, но и во время заключения мира, — и не только от своего прямого противника — САСШ, но и от своего сомнительного «друга» — германского империализма.

Публикуемые ниже документы показывают, что свое третье поражение в течение одного года Испания получила уже после окончания войны и после заключения мирного договора. На сей раз удар был нанесен британским империализмом, и этот удар был настолько чувствителен, что испанское правительство, из боязни быть сметенным революционным возмущением, вынуждено было скрыть его глубоко за кулисами секретных дипломатических переговоров. С другой стороны, публикуемые ниже документы освещают истинные методы британского империализма в его борьбе за укрепление своих мировых стратегических позиций в той борьбе за передел мира, необходимость которой выкристаллизовалась уже на пороге XX века. А это, в свою очередь, объясняет те манипуляции, к которым вынуждены были прибегнуть публикаторы официальных документов британского правительства в своем стремлении прикрыть обычную империалистическую агрессию маской пацифизма и политического альтруизма. Наконец, публикуемые ниже документы показывают, в каких узловых пунктах некоторые, как бы побочные, обычно в буржуазной историографии не освещаемые, линии международной политики смыкаются и переплетаются с основными империалистическими противоречиями, которые, развернувшись на основе закончившегося раздела мира, уже в конце прошлого века со всей неизбежностью вели человечество к мировой вооруженной схватке 1914—1918 гг. в целях п е р е д е л а мира между главнейшими империалистическими державами.

Этим самым с большей исторической конкретностью выступает тот сложный переплет международно-политических противоречий, который сформировался в предыдущий период и который являлся исходным для развернувшейся империалистической борьбы вплоть до мировой войны всех против всех.

Совершенно очевидно, что в той борьбе за раздел «испанского наследства», в которой наряду с САСШ принимала участие и Германия, британский империализм не мог остаться и не остался в стороне. Новое поражение, которое было нанесено Испании после заключения мирного договора с САСШ, было британским империализмом предуготовлено по меньшей мере еще в течение испано-американской войны. В то время как британский министр колоний Джозеф Чемберлен, которого русский дипломат называл «пресловутым радикалом и аферистом», открыто пропагандировал идею англо-американского союза, британский посол в Мадриде Генри Друммонд Вольф уже в течение войны добивался посреднической роли между САСШ и Испанией, с тем, конечно, чтобы британский империализм мог извлечь определенные выгоды, не только пользуясь обстоятельствами войны, но и условиями подготовляемого мира.

«Честное маклерство Альбиона, — указывал русский посол в Мадриде Шевич в конце мая 1898 г.,—конечно, будет стоить Испании натурою довольно дорого, но в общем процессе разложения несчастная жертва своего «донкишотизма» едва ли будет в состоянии торговаться, лишь бы только от нее не требовали территориальных уступок по направлению к Гибралтарскому хинтерланду».

Недалекое будущее показало, что даже политический представитель русского царизма, питавший столь страстную ненависть к Англии, все же недооценил истинных размеров английских захватнических планов на Пиринейском полуострове, а вместе с тем, питая явные классово-политические симпатии к реакционно-монархическому режиму, господствовавшему в Испании, переоценил политическую стойкость мадридского правительства. Последнее, вероятно, даже надеялось, воспользовавшись противоречиями между основными империалистическими державами, компенсировать себя в Африке за неизбежные территориальные уступки в пользу САСШ. Аргументация при этом была довольно простая: Англия, пользуясь обстоятельствами, может захватить Танжер, а так как это окончательно утвердит ее господство в Гибралтарском проливе, то всем, кто является врагом, соперником и противником Англии, выгоднее передать Танжер в руки Испании. Но предоставлять таких подарков разбитой Испании тогда никто не собирался, и прежде всего обе соперничавшие в Африке силы, которые больше всех остальных заинтересованы были в марокканском вопросе.

«В настоящий момент, — писал 25 июня 1898 г. русский генеральный резидент в Танжере Бахерахт, — различные симптомы заставляют предполагать наличие очень широких замыслов на обширной шахматной доске британской политики... Никто не удивился бы, например, если бы Англия предложила Франции захватить Марокко, взамен окончательной санкции на водружение английского знамени в Египте, включая в него и Судан». Такое решение вопроса, как известно, пришло лишь шесть лет спустя в виде англо-французского соглашения 1904 г., положившего основу для системы Антанты.

Но на пути к этому соглашению лежало обострение англо-французских империалистических противоречий, нашедшее свое наиболее резкое выражение в Фашодском кризисе. Англо-французское соперничество, в частности, выразилось в борьбе за то посредничество по ликвидации испано-американской войны, которое должно было принести политическому маклеру достаточно большие выгоды. Опасаясь осуществления слишком явно выступающих агрессивных английских замыслов, Испания передала дело посредничества в руки Франции: «гер-

логу Альмодовару [1]), как хорошему знатоку Англии, должно быть известно, — комментировал Шевич, — что английское гостеприимство обходится весьма дорого тем, которые им пользуются».

Английский империализм уже во время испано-американской войны предполагал воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы, окончательно утвердившись в районе Гибралтарского пролива, превратить Средиземное море в английское озеро. Как только выяснилось, что «усилия... навязать посредничество Англии не увенчались успехом», что это посредничество, на условиях, оставшихся в Лондоне неизвестными, перешло в руки французского правительства, британский империализм делает первый шаг для прямого достижения поставленной цели. Выступая «в самом дружеском» и «добрососедском» духе, английское правительство выставило требования, которые в Мадриде вызвали «удручающее впечатление»,—требование отказа Испании от возведения укреплений в районе Гибралтара. Испанское правительство, которое ожидало дальнейшего развития событий «с трепетом», опасалось, что выступление Англии может привести к ультиматуму, за которым последует захват Англией Цеуты или Канарских островов. Под прикрытием туманных дипломатических фраз испанское правительство вынуждено было итти на уступки, — тем более, что это было, очевидно, инспирировано Францией. «Здесь, — писал русский посол в Париже Урусов,— крайне встревожены позицией, занятой Англией по отношению к Испании... Он [2]) опасается, как бы за совершенно невероятной по грубости нотой сэра Друммонда Вольфа, которую можно рассматривать за ультиматум, не последовало бы немедленных действий, что поставило бы Францию в исключительно тяжелое положение».

Это последнее замечание чрезвычайно интересно, оно свидетельствует о том, что весь конфликт являлся лишь составной частью общих англо-французских противоречий, наиболее остро развернувшихся к концу XIX века. Быстрое нарастание этих противоречий, дошедших до Фашодского кризиса, еще более подчеркнуло агрессивность английского империализма в отношении Испании: последней было предложено заключить с Англией союз, «одним словом, английский протекторат, великодушно предлагаемый Испании». Этот навязываемый союз, который очень напоминает союз всадника и лошади, должен был обязать Испанию участвовать в войне на стороне английского империализма, отказаться от возведения укреплений в районе Гибралтара и предоставить Англии право «вербовать войска на испанской территории». «Взамен» этого Англия великодушно предложила взять «на себя обязательства: 1) защищать Алжезирасскую бухту против нападения со стороны другой державы, 2) защищать также Балеарские и Канарские острова».

Нетрудно видеть, что английский империализм этим союзом добивался предоставления в свое распоряжение испанской армии и одновременно, под видом своих собственных встречных обязательств, имел в виду захватить важные в стратегическом отношении позиции, принадлежащие несчастному «союзнику». Неудивительно, что в результате этого настойчивого предложения, которое теперь английские историки изображают в качестве проявления британского политического альтруизма, «отношения Испании к Англии приняли ныне крайне критический характер». В условиях обострения англо-французских противоречий прежде всего в Африке и англо-русских противоречий на Дальнем Востоке, в условиях напряженной подготовки Англией войны против бурской республики опасность превращения Испании в ландскнехта британского империализма и

[1]) Председатель совета министров в Испании.
[2]) Французский министр иностранных дел Делькассе.

опасность превращения Средиземноморского бассейна в английское озеро сразу довели испано-британский конфликт до размеров огромного политического значения. Британская политика на Пиринейском полуострове, только что одержавшая победу заключением соглашения с Португалией, оказалась одним из звеньев в общей цепи основных империалистических противоречий того времени и прежде всего сплеталась с противоречием между Англией и Францией. «Настроение во Франции продолжает быть весьма тревожным в связи с внешним политическим положением, — сообщал русский посол в Париже кн. Урусов 24 ноября 1898 г. — Здесь ожидают войны и даже к ней готовятся... Соображения министра иностранных дел по поводу отношений между Испанией и Англией... свидетельствуют о крайней тревоге, царящей здесь. Решено избегнуть вооруженного конфликта, но здесь полагают, что если Великобритания откажется от повода для ссоры с Францией, то она обернется в сторону России. Тем временем... здесь приводят в полную боевую готовность морские порты».

Как известно, до войны дело не дошло. Французский империализм пошел на уступки, и исход Фашодского кризиса только еще больше подчеркнул английские домогательства. Предъявляя к Испании требования «не иметь вовсе укреплений вокруг Алжезирасской бухты», Англия сопровождала их фактической угрозой оккупации части испанской территории, расположенной вокруг Алжезирасской бухты. Реально политическое содержание испано-британских отношений того времени, которые теперь изображаются в качестве школьного примера британского политического альтруизма в отношении непонятливого испанского правительства, раскрыл не кто иной, как непосредственный проводник политики британского империализма в Испании Друммонд Вольф: «...При первом появлении какой-нибудь опасности для Англии со стороны третьей державы английское правительство, не колеблясь ни минуты и без всяких дальнейших переговоров с Испанией, примет все надлежащие меры для фактического обеспечения безопасности Гибралтара». «Мой собеседник прибавил, — сообщает далее Шевич, — что меры эти будут, вероятно, состоять в том, что английские власти займут некоторые стратегические пункты на известном расстоянии от крепости, не дожидаясь, чтобы пункты эти были заняты кем-нибудь другим».

Французский империализм от реальной поддержки Испании вынужден был отказаться. Царская Россия, завязшая на Дальнем Востоке в сетях противоречий с Англией, вынуждена была действовать и выступать крайне осторожно (даже дипломатические инспирации она проводила в большом секрете из опасений раздразнить своего английского соперника). Так же осторожно выступал и германский империализм, боясь упустить только что столь легко приобретенную у Испании колониальную добычу. Что касается клерикальной Австро-Венгрии, то у нее, как определял русский посол Шевич, — была в отношении Испании лишь одна забота, а именно— обеспечить «мирное преуспеяние во что бы то ни стало в течение еще 3-х лет правления королевы-регентши».

Таким образом позиция испанского правительства в отношении британских домогательств по существу была предопределена. За военным поражением Испании, учиненным САСШ, последовало поражение на парижских мирных переговорах, в закулисных дипломатических переговорах с Германией, а также, как теперь выясняется, в переговорах с Англией. Старая колониальная держава — Испания, которая только что вынуждена была согласиться на потерю огромных владений не только в пользу САСШ, с которыми она вела неудачную войну, но и в пользу Германии, на которую пыталась в этой войне политически опираться, вынуждена была в марте 1899 г. удовлетворить «периодические домогательства» британского империализма в отношении Гибралтарского хинтерланда, получив «непрошенное обещание» от Англии «защищать в Алжезирасской бухте

нейтралитет Испании», что означало не что иное, как воскрешение в иной форме первоначального английского проекта — захватить контроль над политикой Испании во время войны и укрепиться на позициях, имеющих первоклассное военно-стратегическое значение.

Таков истинный смысл событий, которые изображаются в качестве политической идиллии. События эти представляют собою иллюстрацию тех отношений, присущих капиталистическому обществу, столь яркую и краткую характеристику которых дал тов. Сталин: «Таков уж закон эксплоататоров — бить отсталых и слабых».

I. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 4(16) мая 1898 г. № 34 [1]).

Милостивый государь

граф Михаил Николаевич.

Испанское правительство, уже немало взволнованное недавней речью в заседании Primrose League великобританского премьера, в коей он довольно бесцеремонно намекнул на ничтожность и испорченность доживающих свой век «мелких европейских государств», в каковом намеке Испания с трогательным смирением узнала себя, было совершенно ошеломлено новым изумительным произведением политического красноречия английских государственных людей, каким является речь, произнесенная на-днях в Бирмингаме министром колоний, пресловутым радикалом — аферистом Чемберленом.

С наглостью, поразительной даже для английского политикана, этот член великобританского кабинета провозглашает необходимость для Англии заключить союз с Соединенными Штатами именно в ту минуту, когда держава эта находится в войне с другим государством, и если притом в течение своей речи он прямо указывает на Россию, как на соперника, с которым Англии придется сразиться, тем не менее Испании, как воюющей стороне, суждено быть первой жертвой рекомендуемого г. Чемберленом союза.

Здешнее общественное мнение все более и более возбуждено против Англии, особенно теперь, что английская печать почти единодушно одобряет бирмингамскую речь. Это обстоятельство в глазах испанцев означает, что стремление великобританского правительства к сопричастности в разделе испанских колоний санкционируется ныне общественным мнением [2]).

---

[1]) Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве революции и внешней политики. Текст их подготовил к печати Ф. В. Кельин.

[2]) В депеше от 14)26 апреля 1898 г. за № 30 царский посол в Лондоне Сталь писал, что главной причиной благожелательного нейтралитета Англии по отношению к Соединенным Штатам являются «ее торговые и политические интересы, а также чрезвычайная важность северо-американского рынка для английской торговли». «Сегодня более, чем когда либо,— писал Сталь,— эволюция, имевшая место в положении на Дальнем Востоке, заставляет Англию искать дружбы Соединенных Штатов. Министры королевы отлично понимают, что позиция, занятая ими в эпоху настоящего кризиса, отразится на отношениях с обоими государствами в момент установления мира». Подводя итог всему сказанному, Сталь пи-

Негодование испанцев имеет однако одну утешительную для них сторону: они начинают надеяться, что вследствие новой [illegible]твенной программы г. Чемберлена другие европейские державы, с Россией во главе, будут втянуты в настоящие осложнения, ввиду чего Соединенные Штаты должны будут покончить с Испанией сравнительно на более благоприятных для сей последней условиях.

В этом смысле, вероятно, истолковывает здесь созданное бирмингамской речью положение и прибывший на днях в Мадрид великобританский посол сэр Генри Друммонд Вольф, присутствие коего не замедлило сделаться ощутительным на почве интриг, наветов и баснословных комбинаций.

Разговаривая с представителями великих держав, г. Друммонд Вольф относится, конечно, к выходке г. Чемберлена как к произведению фантазии этого министра, вовсе не разделяемой ни лордом Сольсбери, ни лондонским кабинетом, причем он официально подтверждает сделанное премьером на прошлой неделе австрийскому и германскому послам в Лондоне, как мне передали вчера граф Дубский и г. Радовиц, заявление в том смысле, что: «Англия и не думает заключать союза с Соединенными Штатами».

В своем неудержимом стремлении к разыгрыванию роли спасителя Испании сэр Генри Друммонд Вольф не щадит даже правды. Так, на первой же ауденции у королевы-регентши он заявил, как я узнал несколько часов спустя, что английскому правительству известно из самого верного источника, что между Россиею и Францией состоялось тайное соглашение, в силу коего первая займет Балеарские острова, а вторая Цеуту.

На следующий же день я поздравил моего английского коллегу с этой забавной выдумкой, прибавив, что она никого не удивила, так как всем известно, что он имеет особенный талант в разговоре отвлекать своих собеседников от более серьезных предметов. Сэр Генри Друммонд Вольф отвечал, что никогда подобных сведений он не передавал, но что может дать мне категорическое заверение в том, что Германия точит зубы на Филиппинские острова[1]).

Шевич.

2. Письмо генерального резидента в Танжере Бахерахта министру иностранных дел гр. Муравьеву от 5 (17) мая 1898 г.[2])

Осмеливаюсь представить мою первую экспедицию из Танжера[3]) на особо благожелательное рассмотрение вашего превосходительства.

Я опасаюсь, что моя речь может показаться слишком напыщенной. Но напыщенность свойственна местным нравам, а я, как это я и отметил

сал следующее: «Нейтралитет, несомненно, признается здесь за аксиому, но если судьба Испании вызывает вздохи и некоторые сожаления, то доводы рассудка и даже пожелания идут навстречу наиболее сильного из двух соперников».

[1]) О видах Германии на Филиппинские острова см. „Die Grosse Politik der europäischen Kabinette", т. XV, гл. 93, особенно №№ 4145, 4151, 4154, а также воспоминания Бюлова (Fürst Bülow „Denkwürdigkeiten", Bd. I, cap. XIV, S. 219—222).

[2]) Перевод с французского.

[3]) Российское ген. консульство в Танжере было учреждено в конце 1897 г.; раньше охрана русских интересов поручалась испанскому дипломатическому представителю в Марокко.

в моей депеше за № 1 [1]), ставил своею целью разрушить в пределах возможного возникшую в части европейской печати версию, согласно коей наше представительство в Марокко будет только отделением французской миссии, без всякой независимости в действиях и взглядах[2]). Клан наших политических противников постарался, как мне передавали, умалить положение, занимаемое Россией в мировой политике, и ввиду этого я приложил все свои усилия к тому, чтобы возвеличить ее могущество, не касаясь однако ее миролюбия, так как этого не поймут в этой части Востока.

Будучи осведомлен, что кн. Урусов [3]) посвящен в мои инструкции, я при своем недавнем проезде через Париж обратился к нему за советом, не своевременно ли будет мне нанести визит г. Ганото [4]).

Ввиду того, что кн. Урусов нашел этот мой шаг как нельзя более уместным, я и направился во дворец на Кэ д'Орсэ, где мне был оказан самый радушный прием.

Министр с большой готовностью рассмотрел со мной основные, неразрешенные еще вопросы в Марокко. Он, между прочим, говорил со мной о подозрительном отношении Испании к французской политике в этой стране, неправильно подозреваемой в стремлении к экспансии. Г. Ганото просил меня воспользоваться хорошими отношениями, которые я призван буду поддерживать с испанской миссией, чтобы рассеять эти подозрения.

Я ответил, что, естественно, сделаю все от меня зависящее как в этом случае, так и во всяком другом, который может представиться, чтобы быть полезным и приятным моему французскому коллеге. Я прибавил, что, на мой взгляд, чем большим престижем и независимостью будет окружено положение представителя России в Танжере, тем более способен будет он оказать в нужном случае услуги французской политике. Г. Ганото вполне, повидимому, разделяет это мнение.

В заключение он говорил со мною о бдительности, с которой следует относиться к Англии, которая, по мнению министра, воспользовавшись каким-либо непредвиденным событием в ходе испано-американской войны, весьма возможно, попытается утвердиться под каким-либо предлогом по соседству с Марокко, — например, на Канарских островах. Вот почему, — прибавил он, — Франция была бы очень довольна, если бы русский флаг присоединился к ее флагу в марокканских водах с тем, чтобы показать Англии, что мы начеку.

Ваше превосходительство, конечно, знаете, что вице-адмирал Авелан [5]) сообщил мне о своем намерении направить крейсер «Светлану» после участия в лиссабонских празднествах в Танжерскую бухту. По моем приезде в Гибралтар я узнал, что «Светлана» находится в Тулоне и готовится к выходу в Лиссабон. Тогда я телеграфировал нашему консулу в Тулон, чтобы узнать, не зайдет ли этот корабль на обратном пути в Гибралтар, как это он сделал, следуя в Тулон. В этом случае командир его, несомненно, согласился бы высадить меня на берег при

---

[1]) Депешей от 4(16) мая за № 1 Бахерахт сообщил о своем приезде в Танжер и вручении им копий своих верительных грамот исполняющему обязанности марокканского министра иностранных дел Сиду-Мохамету Торресу.

[2]) Ср. „Красный архив", т. XLVII—XLVIII, доклад Муравьева царю, стр. 84.

[3]) Посол в Париже.

[4]) Французский министр иностр. дел.

[5]) Управляющий морским министерством.

своем проходе через Танжер, что, конечно, имело бы превосходные последствия для престижа нашего нового представительства. Но мне было отвечено, что «Светлана» пойдет прямо в Лиссабон.

В ожидании ответа задержался я на три дня в Гибралтаре. Так как моё присутствие в этом городе не могло остаться незамеченным, я счел нелишним совершенно частным образом и в костюме туриста нанести визит губернатору. Сэр Роберт Биддульф принял меня весьма любезно, и я таким образом получил возможность осмотреть во всех подробностях эту любопытную крепость. Что сразу поражает в ней, так это та мощь, с которой британский лев уцепился за эту скалу. Через несколько лет благодаря гигантским работам, на которые английский парламент отпустил десять миллионов фунтов стерлингов, здесь будет совершенно закрытый военный порт, с двумя доками, способными вместить два самых больших корабля. Гарнизон его равен 6 000 человек.

У меня есть все основания быть вполне удовлетворенным тем приемом, который я встретил по своем приезде сюда. Местные французские и испанские газеты поместили весьма сочувственные статьи об учреждении русского представительства. Наоборот, английский орган не мог не внести своей кисло-сладкой ноты.

Когда я больше войду в дела, я почту своим долгом сообщить вам в подробностях об окончательной неудаче, которую потерпел набег Спильсбери в Сусс [1]) — северо-западная часть Марокко. Это история в духе Роддса [2]).

В настоящий момент мои французский и германский коллеги находятся со специальной миссией при султане в Маракеше. Представитель Испании следит с известной долей недоверия за шагами своего французского коллеги, так как он вообще склонен обвинять французскую политику в отсутствии у нее полной гармонии с успокоительными заверениями, идущими из Парижа, глашатаем которых я здесь стал, вступив таким образом в естественную для меня роль миротворца.

Я прямо потерял счет любезностям, предметом которых я являюсь со стороны моего испанского коллеги. Г. де Охеда впрочем является горячим поклонником России и хранит самые восторженные воспоминания

---

[1]) Речь идет об английском майоре Спильсбери, прибывшем ко двору марокканского султана около 1893 г. Здесь он ходатайствовал разрешить ему эксплоатацию земель Сусса расположенных у подножья одного из хребтов Атласа, несколько севернее Канарских островов. Когда ходатайство его, несмотря на поддержку английского посланника, потерпело неудачу, Спильсбери обратился к главарям племен, населяющих Сусс, с просьбой продать ему земли, взамен чего он обязался снабдить туземцев ружьями. Для доставки ружей он зафрахтовал яхту «Турмалин», на которой предпринял три поездки. Последняя в декабре 1897—январе 1898 г. кончилась для него трагически, так как султанское правительство, предупрежденное французами, направило навстречу Спильсбери отряд своих войск. Произошло сражение между правительственными войсками и местными кабилами в результате которого сопровождавшие Спильсбери иностранцы были взяты в плен, а сам он едва спасся на яхту. Спильсбери и его помощники были по требованию султана привлечены к ответственности и преданы консульскому суду, который приговорил их к тюремному заключению сроком от 21 дня до 4 месяцев. По сведениям Бахерахта, Спильсбери действовал в качестве агента английской полуправительственной компании „Globe Venture Company", ставившей своей целью эксплоатацию „никому не принадлежащих земель". (Депеша Бахерахта от 24 июня (6 июля) 1898 г.).

[2]) Сесиль Родс — английский государственный деятель и финансист, являвшийся в девяностых годах XIX в. виднейшим проводником английской колониальной экспансии, в Южной Африке. Захваченная им территория, получившая наименование „Родезии", простиралась от мыса Доброй Надежды до Танганайки.

о той эпохе, когда, находясь в Афинах[1]), он имел счастье приблизиться к особе нашего августейшего повелителя.

Г. де Охеда вам крайне признателен за то почетное отличие, которое его императорское величество всемилостивейше ему даровал, и просил меня передать вашему превосходительству выражения его почтительнейших чувств благодарности.

Бахерахт.

3. Письмо посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 13(25) мая 1898 г.

Доверительно.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Пользуюсь отъезжающим завтра в Париж французским курьером, чтобы поделиться с вами некоторыми мыслями и соображениями, внушенными мне главным образом состоявшимся вчера назначением нового испанского министра иностранных дел[2]).

Герцог де Альмодовар-дель Рио — сын виноторговца г. Хереса, женатый на испанской гранде герцогине де Альмодовар, от которой он получил достоинство гранда и самое имя свое, человек еще молодой и достаточно образованный, хотя не особенно развитой. Воспитывался он в Англии, откуда вывез самое пристрастное предпочтение к англичанам и ко всему английскому, вследствие чего постоянно находился в теснейших отношениях с здешним великобританским представителем.

Деятельность герцога Альмодовара за последние 20 лет, т. е. с тех пор, как он сделался членом палаты депутатов, особенно отличалась полезными работами на почве экономической и торговой. Присутствуя во всех специальных комиссиях по коммерческим вопросам, он вместе с тогдашним министром иностранных дел г. Моретом деятельно способствовал заключению в 1893 г. договора с Германиею, провалившегося потом благодаря протекционистскому направлению политики нового консервативного кабинета.

Это обстоятельство, в связи с некоторой галлофобиею, свойственной всякому последовательному англофилу, позволило герцогу Альмодовару поддерживать и с здешним германским послом самые интимные отношения, которые, без всякого сомнения, не преминут ныне принести г. Радовицу ожидаемую от них пользу.

Приняв без малейшего колебания предложенный ему, вследствие упорного отказа г. Леон-и-Кастильо[3]), портфель иностранных дел, гер-

---

[1]) Де Охеда был посланником в Афинах в 1888—1890 гг.

[2]) 16—18 мая нов. ст. 1898 г. в Испании в связи с военными неудачами произошел министерский кризис. Сформирование нового кабинета было поручено главе б. министерства Сагасте. В сформировавшемся кабинете пост министра иностранных дел занял герцог Альмодовар-дель Рио.

[3]) Леон-и-Кастильо объясняет в своих мемуарах („Mis tumpiños" v. II, p. 109—110) свой отказ тем, что „он понимал, что в тот момент его работа в министерстве явилась бы бесплодной и что от мог принести гораздо больше пользы своей стране, возглавляя посольство в Париже и продолжая уже начатые переговоры". Шевич был склонен объяснять отказ Леона-и-Кастильо нежеланием принимать на себя ответственность за исход неудачной войны с Соед. Штатами. По словам Леон-и-Кастильо, Сагаста предлагал ему „любой портфель в новом кабинете".

цог Альмодовар с сожалением должен был констатировать, что столь любимая им Англия занимает в испано-американском конфликте далеко не благосклонное Испании положение, о чем свидетельствуют, впрочем, и последние публичные заявления английских министров.

Относительно этого обстоятельства однако герцог Альмодовар, по-видимому, не унывает. В течение продолжительного разговора, который я имел с ним вчера, он сказал мне, что решительно отказывается верить, чтобы Англия столь коварно и предательски поступила по отношению к Испании. В речи г. Чемберлена он видит скорее проявление личной фантазии этого закоренелого фрондера, чем обдуманную программу члена английского кабинета, «так как лорд Сольсбери слишком хорошо знает, что общественное мнение Англии в подобном направлении за ним не последует».

В подтверждение последнего предположения герцог Альмодовар сказал мне, что он ежедневно получает кипу писем от своих друзей из Англии, в которых категорически утверждается, что новый курс, «будто бы избранный английской политикой, есть чистейшая утопия», над которой вся Англия издевается, так как никто не допускает и мысли, чтобы Соединенные Штаты впутались в союз с европейской державой.

Относительно же возможности того, чтобы, согласно общему смыслу речи г. Чемберлена, Англия вошла в соглашение с какой-нибудь другой великой державой в Европе, мой собеседник не счел удобным выражать своего мнения тем более, что подобная случайность, которая, быть может согласовалась бы с его личными симпатиями и воззрениями, могла бы однако показаться ему немного не совсем указанною[1]) для разговора со мною.

Как бы то ни было, сближение, состоявшееся между Соединенными Штатами и Англией, может, мне кажется, легко повлечь за собою для Испании последствия совершенно иного характера, чем те, которых большинство испанцев опасается. Вместо того, чтобы способствовать ее военному разгрому, Англия, быть может, воспользуется этим сближением для того, чтобы выступить посредницею между нею и Америкою и склонить сию последнюю к умеренности и снисхождению, особенно поскольку касается денежного вознаграждения за убытки войны. Честное маклерство Альбиона, конечно, будет стоить Испании натурою довольно дорого, но в общем процессе разложения несчастная жертва своего «донкишотизма» едва ли будет в состоянии торговаться, лишь бы только от нее не требовали территориальных уступок по направлению к Гибралтарскому хинтерланду.

Взяв на себя денежную часть ликвидации и заручившись приличным вознаграждением посредством присвоения себе какого-нибудь лакомого куска испанских колоний, Англии останется лишь задобрить Германию, предоставив и ей известную долю добычи. Последняя задача едва ли окажется очень трудною, так как Германия, вероятно, не будет слишком требовательна и ограничит свои претензии станциею на Канарских островах[2]), или на Филиппинах и заключением выгодного для нее торгового договора с Испанией.

Очень может быть, что все вышеизложенные, чисто гипотетические пока, соображения окажутся неуместными и даже фантастическими в бу-

[1]) Так в подлиннике.

[2]) О видах Германии на Канарские острова см. „Grosse Politik", т. XV, гл. 93, особенно №№ 4168, 4183, 4184, 4185.

дущем, но вступление во власть в Испании англофила герцога Альмодовара, в связи с Бирмингамской программой, показалась мне фактом слишком знаменательным, чтобы упустить обратить на него ваше внимание, тем более, что мой французский коллега, с которым я конфиденциально переговорил обо всем этом, разделяет мои мысли и предположения и сегодня же сообщает об оных, как он мне сказал, своему правительству. Г. Патенотр полагает, кроме того, что перспектива отстранить Францию от деятельной роли в деле примирения Испании с Соединенными Штатами была бы уже одна достаточной обоюдной приманкой для Англии и Германии, чтобы побудить их приступить к косвенно рекомендуемому г. Чемберленом соглашению между ними, не говоря уже о прочих направленных против России и Франции мотивах для них обоих заключить союз.

С тех пор как благодаря искусным стратегическим маневрам своим адмиралу Сервере с испанской эскадрой удалось укрыться в недоступный, как говорят, порт Сантияго де Куба, здесь наступил снова период затишья и сравнительного успокоения.

Вчера по случаю визита, сделанного мною морскому министру вместе с прибывшим на-днях в Мадрид нашим морским агентом лейтенантом Похвистневым, г. Ауньон сказал мне, что, по всем вероятиям, соединенные американские эскадры (63 вымпела) в настоящую минуту блокируют Сантияго с укрывшейся в нем 6-ти судовой испанской эскадрой. Заявление это, сделанное с довольно удрученным видом, само по себе достаточно красноречиво, чтобы не требовать комментарий. Запасная и последняя эскадра Испании, состоящая из 2-х броненосцев и трех вооруженных наскоро крейсеров, все еще пребывает в Кадиксе и неизвестно, когда и куда выйдет[1]).

Известие о приходе через несколько дней в Гибралтар на военном судне, будто бы для осмотра работ, великобританского морского министра Гошена в сопровождении 2-го лорда адмиралтейства Чемберлена junior произвело здесь весьма неприятное впечатление. Официозная газета „El Correo“ в своем вчерашнем номере выражается относительно оного в следующих словах:

«Визит английского морского министра г. Гошена начинает служить поводом для различных толков в европейской печати. При нормальных обстоятельствах эта поездка не вызвала бы подозрений, питаемых, не без оснований, теперь. Ввиду непрочности отношений между великими державами, благодаря китайскому и нигерскому вопросам[2]), вполне понятно, что путешествие г. Гошена вызывает подозрения, которые доходят до того, что прямо опасаются нападения и захвата (golpe de

---

[1]) Эта эскадра (адм. Камары) так и не дошла до своего назначения. В состав ее входили совершенно устаревшие и небоеспособные суда (2 броненосца, 8 вспомогательных крейсеров и 4 миноносца). 2(15) июня 1898 г. адм. Камара, находившийся в Кадиксе, получил приказание выйти в Тихий океан, но его суда не были пропущены правительством египетского хедива (другими словами — британским правительством) через Суэцкий канал, вследствие чего он должен был вернуться 11(23) июня в Испанию. Непропуск эскадры адм. Камары явился лишним доказательством благожелательного нейтралитета Англии по отношению к Соединенным Штатам. Что касается эскадры адм. Серверы, то она при попытке прорваться из Сантияго была уничтожена силами американского адм. Шлея 21 июня (3 июля).

[2]) Шевич имеет в виду русско-английские отношения в Китае и франко-английские отношения в Африке.

mano) Танжера, чтобы упрочить и укрепить положение англичан в Гибралтарском проливе.

Как бы то ни было, нас не удивляет, что при данных обстоятельствах поездка г. Гошена вызывает разнообразные толки и предположения».

В этой официозной заметке преобладает, как вы изволите усмотреть, явная тенденция придавать исключительно общеевропейский интерес предстоящей английской демонстрации в Гибралтаре. Хотя, конечно, цель поездки г. Гошена может, действительно, иметь более широкий международный характер, однако я должен заметить, что она совпадает с некоторыми военными приготовлениями и вооружениями, делаемыми ныне с большой поспешностью, — вероятно, ввиду могущих возникнуть осложнений, — испанским правительством вокруг Гибралтара, а именно на Сиерре Карбонере в Алжезирасе и на Гибралтарской равнине, равно как и в Цеуте, — вооружениями, которые будто бы уже мотивировали здесь конфиденциальный запрос со стороны английского посольства. Может также случиться, что Англия воспользуется этими предлогами и обстоятельствами, чтобы произвести на испанское правительство давление в смысле подчинения его тем условиям, на которых она соблаговолит свою новую союзницу даровать Испании не слишком унизительный мир.

Шевич.

4. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 31 мая (12 июня) 1898 г. № 44.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Несмотря на явные старания некоторых иностранных представителей здесь убедить испанское правительство в своевременности какого-нибудь изъявления с его стороны о желании своем касательно мира, мадридский кабинет не обнаруживает, повидимому, до сих пор никакой наклонности воспользоваться этими дружескими советами.

Основываясь на довольно курьезной теории, будто великим державам подобает принять на себя инициативу мирных предложений, испанское правительство не выступит вперед самопроизвольно с ходатайством перед кем бы то ни было о посредничестве, так как оно полагает, что, навязывая Испании перед войной свои советы, державы тем самым взяли на себя ответственность за последствия оной и должны теперь склонить Соединенные Штаты на почетный для Испании мир.

Эта теория, конечно, сильно критикуется здешними иностранными представителями, каждый из коих с нетерпением ожидает, чтобы испанское правительство обратилось к его правительству с просьбою о посредничестве. Частные попытки, делаемые в этом смысле наиболее нетерпеливыми, в разговорах с министром иностранных дел встречали до сих пор с его стороны одинаковый ответ, а именно, что Испания еще далеко не побеждена и не видит надобности делать первые шаги в смысле примирения, разве ее принудят на таковое решение сами великие державы. Наидеятельнейшим миротворцем является, конечно, великобританский посол сэр Генри Друммонд Вольф. Он почти ежедневно увещевает министра иностранных дел поручить ему важную задачу приискать при-

личную формулу мира, которая была бы принята также Соединенными Штатами. Выставляя на вид дружеские отношения, существующие ныне между Америкою и Англиею, благодаря коим сей последней не особенно трудно было бы, говорит он, склонить вашингтонский кабинет к умеренным условиям, сэр Генри Друммонд Вольф чуть ли не утверждает, что желание быть полезным Испании было одним из главных мотивов, почему Англия искала сближения с Соединенными Штатами.

Несмотря на свои личные английские симпатии, министр иностранных дел относится однако до сих пор с благоразумной сдержанностью к предложениям английского посла, в каковом решении его с редким единодушием поддерживают прочие представители заинтересованных держав.

Тем не менее я должен констатировать, что между многочисленными проектами, коими занимается сэр Генри Д. Вольф, есть один, будто бы исходящий от английского Foreign Office, который показался многим здесь, даже некоторым испанцам, в принципе не совсем неосуществимым.

Газета «Times» и парижская «Temps» воспроизвели на-днях в почти тождественной форме этот проект, состоящий из трех главных условий:

1) Куба будет объявлена независимой под управлением на первое время Соединенных Штатов.

2) Порто-Рико будет уступлено Соединенным Штатам в виде вознаграждения за войну.

3) Филиппинские острова останутся в руках Испании под условием предоставления Соединенным Штатам как в этом архипелаге, так и на Каролинских островах морских станций.

Как мне передают из достоверного источника, министр иностранных дел, коему английский посол доверительно сообщил на-днях свои мысли относительно этого проекта, наотрез отказался разбирать заключающиеся в нем условия и вообще ни на шаг не отступил от программы пассивного выжидания, которой испанское правительство решило, повидимому, придерживаться впредь до будущих событий на театрах войны.

Последняя сухопутная катастрофа на Филиппинских островах[1]), дающая повод ожидать со дня на день известия о капитуляции столицы и с нею испанского владычества в архипелаге, не произвела однако на здешнее общественное мнение того впечатления, которого следовало бы ожидать. Фатализм и апатия начинают царить в Испании по мере того, как становится безвыходным ее положение. Общество привыкает к войне, как оно привыкло, было, к восстаниям в колониях, благодаря вероятно тому, что все это происходит за морями. Гул бомбардировок, повидимому, не достигает Мадрида, жители коего продолжают веселиться в театрах и на боях быков, будто ни в чем не бывало, причем единственными ощутительными признаками ненормального состояния являются возрастающая дороговизна, недостаток в обороте серебряной монеты и некоторое усугубление обычного недоброжелательства испанцев к иностранцам.

Вчера, по случаю представления мною королеве-регентше полковника генерального штаба Жилинского и лейтенанта Похвистнева, ее ве-

[1]) Депеша имеет в виду восстание тагальских племен на Филиппинах. 13(25) мая 1898 г. в Кавите высадился со своим штабом вождь повстанцев Агинальдо, живший до того времени в Гонконге. К концу мая повстанческие силы приблизились на расстояние 3 километров к Маниле, благодаря чему город оказался совершенно отрезанным с суши; с моря его блокировала американская эскадра адм. Дьюя. К концу июня на помощь к тагалам подошли американские экспедиционные силы, вследствие чего положение испанских войск на Филиппинах сделалось окончательно безнадежным.

личество с поразительным спокойствием говорила о войне, о презрении американцами международных обычаев и правил, о жестокостях, творимых союзниками Америки на Филиппинских островах дикими тагалами, но о возможности или желательности мира ее величество не проронила ни одного слова и не сделала ни одного намека, несмотря даже на выраженную мною в разговоре надежду, что ужасы войны вскоре прекратятся.

Напротив того, королева-регентша, узнав, что оба офицера наши уезжают через неделю на Кубу, в высшей степени милостиво пожелала им доброго пути, причем изволила поручить полковнику Жилинскому передать антильскому генерал-губернатору маршалу Бланко поклон ее величества.

В заключение настоящего донесения не считаю излишним уведомить ваше сиятельство, что появившиеся во всех испанских и в некоторых французских и немецких газетах сведения о каких-то важных переговорах, которые я будто бы имел с здешними министрами, лишены, само собою разумеется, всякого основания. Слухи эти были, вероятно, вызваны тем обстоятельством, что за последнее время по случаю приезда сюда наших офицеров и представления их мною поочередно министрам иностранных дел, военному и морскому меня несколько раз встречали в сказанных министерствах.

Шевич.

5. Письмо генерального резидента в Танжере Бахерахта министру иностранных дел гр. Муравьеву от 31 мая (12 июня) 1898 г.[1]).

Доверительно.

Мой испанский коллега на этих днях говорил со мною вполне откровенно о тех опасениях, которые порождают в нем английские притязания. Г. де Охеда убежден, что, воспользовавшись каким-нибудь европейским пожаром или потрясением, Англия овладеет, если ей разрешат это сделать, под каким-либо предлогом Танжером, что превратит ее в абсолютную хозяйку Гибралтарского пролива. Согласно мнению моего коллеги, единственный способ гарантировать себя от подобного захвата, это заранее постановить, что при известных условиях, подлежащих в дальнейшем определению, Испании, действующей по полномочию Европы, будет поручено временно занять Танжер военными силами. Для этого было бы достаточно одного только дня пути. Г. де Охеда поделился этой мыслью со своим правительством, которое, по его словам, отнеслось к ней весьма сочувственно и предполагало дать ей ход, позондировав на этот счет почву у различных заинтересованных кабинетов. В связи с объявлением американской войны проект этот был временно оставлен.

Не позволяя себе входить в обсуждение практической стороны мысли, высказанной моим коллегою, я склонен думать, что она встретит немало противников. Я сомневаюсь даже, чтобы Франция отнеслась к ней с большой доброжелательностью в случае ее осуществления.

---

[1]) Перевод с французского.

Что касается Германии, то вообще здесь полагают, что она переживет довольно спокойно английскую оккупацию Танжера, завладев одним или несколькими портами марокканского побережья Атлантического океана.

Так, например, имеется порт Рабат, уже укрепляемый втечение нескольких лет руками состоящего на службе у мароккского султана германского инженера г. Ротенбурга, поселившегося здесь и вооружающего в качестве представителя фирмы Круппа эту крепость орудиями и блиндажами, являющимися продукцией этого завода.

Если у Германии существует задняя мысль, то этой последней нельзя отказать в большой практичности.

Возвращаясь к проекту г. де Охеды, приходится спросить, не представлялась ли бы простая нейтрализация Танжера гораздо проще осуществимым решением вопроса. Согласие между державами гораздо легче было бы достигнуть именно по этому вопросу, и, возможно, это явилось бы единственным средством, если таковое существует, гарантировать эту бухту, — предмет стольких вожделений, — от захвата со стороны Гибралтара.

Может быть, и сама Англия не отказалась бы от этой нейтрализации, если правда, как это утверждает мой британский коллега, что его страна только в том случае овладеет Танжером, если Франция или какая-либо другая держава проявит желание его занять.

Несколько дней назад в Танжере разнесся слух, что англичане намерены здесь высадиться[1]). Представитель султана имел крайнюю наивность запросить английского посланника, насколько это соответствует действительности. Сэр Артур Никольсон сам рассказал мне об этом не без некоторой доли лукавства.

Этот дипломат, исполненный тонкости и энергии в защите интересов своей страны, будто бы обладает тем недостатком, что иногда с излишней откровенностью выражает свои чувства. Так, например, несколько времени тому назад он сказал французскому посланнику, говорившему с ним на тему об инциденте с риффами, о котором сообщает мое донесение за № 4[2]) от сегодняшнего дня: «Но я вовсе не настаиваю на уничтожении этих пиратов, — как раз наоборот, если бы их не существовало, я бы их изобрел».

---

[1]) Слухи эти, повидимому, объяснялись периодическими посылками солдат гибралтарского гарнизона, партиями в 150—200 человек, на отдых в Танжер, производившимися английским военным начальством 2—3 раза в месяц. Бахерахт, не придавая политического значения этому факту, тем не менее отмечал, что некоторые из его коллег „довольно косо смотрят на эти частые посещения мароккского берега английскими солдатами“ и что один из них в частном разговоре даже возбуждал вопрос о том, нельзя ли как-нибудь помешать подобному превращению Танжера в увеселительный сад гибралтарского гарнизона. (Депеша 31 мая (12 июня) 1898 г. № 5.)

[2]) Депешей от 31 мая (12 июня) 1898 г. за № 4 Бахерахт сообщил об истреблении султанскими войсками (аскарисами) риффского племени бокоясов, захвативших несколько французских, итальянских, испанских и португальских матросов с парусного корабля в качестве отплаты за конфискацию испанскими властями г. Мелильи ружей, купленных и оплаченных риффами. Несмотря на то, что пленники были отпущены бокоясами на свободу, главным образом благодаря вмешательству французского правительства, и самим туземцам было обещано полное прощение, марокский султан воспользовался этим предлогом, чтобы свести счеты с риффами, в чем Бахерахт усматривал злую волю англичан, якобы стремившихся этим путем подорвать в глазах населения престиж Франции, гарантировавшей бокоясам помилование.

Эта тирада представляется мне достаточно типичной, чтобы заслужить особого упоминания...[1])

Бахерахт.

6. Письмо генерального резидента в Танжере Бахерахта министру иностранных дел гр. Муравьеву от 25 июня (7 июля) 1898 г.[2]).

Весьма доверительно.

Основываясь прежде всего на словах г. Ганото, сказанных мне при моем проезде через Париж весной этого года[3]), полагаю, что французское правительство совершенно искренне одушевлено желанием не нарушать коренным образом статус-кво в Марокко из опасений тех европейских осложнений, которые могла бы породить более активная политика с его стороны.

Тем не менее очевидно, что Франция отнеслась бы с большим удовлетворением к факту приближения ее алжирских границ к их естественному пределу, т. е. к реке Молуйи, включая город Уджу, — это открыло бы перед ней доступ в долину, ведущую к Фецу, а также к переходу оазиса Туат под ее владычество.

Если официально Франция и сдерживает свои притязания, то, с другой стороны, не менее верно и то, что, по словам испанцев, следящих всегда ревнивым взглядом за действиями французских агентов, эти последние дают себя увлечь, подготовляя втихомолку планы экспансии. Военные власти Алжира расширяют круг покровительства, даруемого соседним племенам, и доходят до того, что производят вербовку в самом Риффе, а консульские и дипломатические агенты из вполне понятного чувства соревнования покровительствуют усилению французского политического влияния в Марокко в качестве компенсации за ослабление торгового влияния Франции, первенство в котором у нее все более и более оспаривается Англией, а за последнее время и Германией. Впрочем эта вторая держава в Марокко, как и в других местах, ищет только выхода для своей промышленности, выхода, прокладываемого и поддерживаемого при помощи пресловутого «бронированного кулака».

Возможно, что вожделения держав будут, как прежде, нейтрализовать друг друга, и современное положение дел в Марокко продержится еще много лет. Но может случиться и так, — это мнение разделяют многие, — что какое-нибудь более или менее непредвиденное обстоятельство изменит положение в самый неожиданный момент.

Французы—я считаю себя в праве это утверждать—все время имеют ввиду возможность того, что они называют разделом Марокко, и, совершенно естественно, отнесутся с весьма малым сочувствием ко всякой комбинации, способной отодвинуть на слишком долгий срок час этого раздела.

Неоднократно, когда испанское правительство считало себя в праве обращать внимание французского правительства на слишком актив-

---

[1]) Последняя часть письма, содержащая в себе соображения Бахерахта о необходимости для царского правительства принять участие в содержании маяка на мысе Спартель, а также жалобы его на поведение сэра Артура Никольсона, всячески стремившегося умалить значение русского представителя в Марокко, опускается.

[2]) Перевод с французского.

[3]) См. № 2.

ную, по его мнению, деятельность французских агентов в Марокко, ему отвечали из Парижа, что Франция охотно поддержит Испанию, если та со своей стороны также решится двинуться вперед.

В настоящий момент различные симптомы заставляют предполагать наличие очень широких замыслов на обширной шахматной доске британской политики. Невольно спрашиваешь себя, не суждено ли Марокко, в случае вмешательства Англии в будущие мирные переговоры между Америкой и Испанией, сделаться ставкой в комбинациях известного рода.

Никто не удивился бы, например, если бы Англия предложила Франции захватить Марокко, взамен окончательной санкции на водружение английского знамени в Египте, включая в него Судан [1]).

Некоторые доходят даже до предположения, что, обосновавшись раз навсегда в Египте, Англия, может быть, согласится отказаться от Гибралтара в пользу Испании, обменяв его на одно из тех владений, которые последняя сейчас теряет. Гигантские работы, завершающиеся в Гибралтаре, в таком случае — говорю это со слов людей, считающихся хорошо осведомленными — послужат только для увеличения его ценности в момент эвентуального обмена.

Совершенно несомненен тот факт, — как мне это поведал г. Ганото,— что нужно ждать попытки со стороны Англии использовать так или иначе испанско-американский конфликт. Французский министр иностранных дел упомянул Канарские острова. Здесь говорят о Цеуте, которую якобы подвергнет бомбардировке американский флот в интересах англичан.

Невольно даже здесь создается впечатление, что Англия замышляет что-то, и ряд моих коллег разделяет это мое впечатление.

Вполне, конечно, возможно, что все эти соображения умозрительного характера относятся более или менее к области фантазии. Однако, чтобы не быть ни в коем случае застигнутым врасплох, не мешало бы, по моему мнению, рассмотреть с точки зрения наших русских интересов будущие возможности.

Совершенно очевидно, что ни под каким предлогом нельзя было бы допустить перехода Цеуты во власть Англии. Это означало бы разрешить повесить замок на Гибралтарский пролив.

Танжер должен быть нейтрализован, чему, вероятно, Англия не станет противиться. Что меня укрепляет в этой моей мысли, это тот доказанный факт, что офицер английского генерального штаба полковник Уэст Ригвей, живший здесь несколько лет тому назад, пришел в своем рапорте к выводу о невозможности реально защищать Танжер с суши. Тот же офицер назвал химеричными те выгоды, которые представил бы большой военный порт в Гибралтаре, ввиду того, что этот рейд открыт со стороны Испании и над ним господствуют окружающие высоты.

Этот первый пункт, т. е. нейтрализация Танжера и, возможно даже всего средиземноморского побережья Марокко, должен и может быть, повидимому, достигнут без особых трудностей.

Остается другой пункт: входит ли в наши виды получить в случае расчленения Мароккской империи территориальную уступку для учреждения угольной станции на каком-нибудь пункте мароккского побережья?

[1]) Ср. англо-французское соглашение от 8 апреля 1904 г.

Если «да», то уже теперь надлежало бы определить, каковы те пункты, которые наши морские авторитеты считали бы особенно подходящими для учреждения подобной станции. В моем сегодняшнем донесении за № 8[1]) я упомянул о слухах, распространившихся в Танжере, согласно коим Германия якобы получила от султана участок на устройство угольного склада.

Этот слух, не имеющий, может быть, сегодня обоснования, но возникающий время от времени, как будто указывает, что в случае расчленения Марокко Германия воспользуется этим обстоятельством, чтобы дать ход подобного рода проекту.

Но далее, если бы осуществление аналогичной комбинации и мало отвечало видам наших компетентных властей, осмелюсь просить ваше высокопревосходительство снабдить меня инструкциями на этот счет с тем, чтобы я или мои преемники могли действовать в подходящий момент в желательном смысле.

Бахерахт.

7. Депеша генерального резидента в Танжере Бахерахта министру иностранных дел гр. Муравьеву от 25 июня (7 июля) 1898 г. № 10.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Упорно держится в Танжере слух о прибытии сюда американской эскадры для выжидания в здешней бухте дальнейших приказаний относительно бомбардировки одного или нескольких испанских портов

Марокканская империя, естественно, не издала декларации о нейтралитете, почему Танжерская бухта и может считаться американцами некоторым образом за «res nullius»[2]).

Присутствие американской эскадры в Танжере было бы почти равносильно фактической блокаде южно-испанских портов и послужило бы для нее весьма удобным операционным базисом.

Испанский посланник поэтому не преминет протестовать против сверх 24-часовой стоянки здесь неприятельской эскадры.

Марокканское же правительство в таком случае, вероятно, обратится за советом к дипломатическому корпусу, через что[3]) возникает довольно сложный вопрос международного права.

Мне кажется, что его следовало бы решить согласно объявленному представляемыми нами здесь правительствами нейтралитету[4]) и пред-

---

[1]) Депеша Бахерахта от 25 июня (7 июля) за № 8 сообщает о возвращении французского и германского посланников из поездки к султанскому двору. Передавая циркулировавший в Танжере слух о „приобретении Германией угольной станции на марокканском побережьи неподалеку от алжирской границы", Бахерахт отмечал, что французский посланник относится к этому слуху довольно скептически.

[2]) „Ничья собственность".

[3]) Так в подлиннике.

[4]) Депешей от 16 (28) июля за № 13 Бахерахт сообщил, что в связи с решением де Охеда вызвать в Танжер испанский военный корабль, правительство султана поспешило заявить, что „оно не допустит стоянки в Танжерской бухте иностранного судна свыше предусмотренных нейтралитетом 24 часов". Ввиду этого в тот же день испанский военный корабль ушел в Кадикс. Одновременно с провозглашением нейтралитета марокканское правительство, по сведениям Бахерахта, послало несколько отрядов „для ограждения нейтральной полосы" в районе Цеуты и Мелильи, а испанцы со своей стороны усилили гарнизон Цеуты, приведя ее в полную боевую готовность. Мера, принятая султаном, однако не помешала пребыванию в Танжерской бухте английского броненосца „Illustrious".

ложить поэтому командующему эскадрой удалиться по истечении 24 часов.

Сомневаюсь однако, чтобы подобное решение могло быть нами принято единогласно, ввиду явных симпатий, проявляемых английским коллегою нашим в сторону северо-американцев.

Очень вероятно, впрочем, что слух, о котором идет речь, не оправдается, в особенности теперь, после полного успеха американцев в Сантияго.

Здешний северо-американский генеральный консул однако не отрицает возможности появления его эскадры в марокканских водах в случае непрекращения в ближайшем будущем военных действий.

Бахерахт.

8. Секретная телеграмма посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 26 июня (8 июля) 1898 г.[1]).

Испанское правительство было секретным путем осведомлено, что Соединенные Штаты намерены сделать из Танжера свою операционную базу против Испании. Опасаясь, что Марокко, подстрекаемое Англией, допустит это нарушение нейтралитета, Альмодовар обратился ко всем здешним послам, за исключением английского, с просьбою, чтобы мы телеграфировали нашим правительствам, прося их от имени испанского правительства предупредить шерифское правительство, что во всех отношениях желательно сохранить на деле нейтралитет марокского побережья[2]).

Шевич.

9. Секретная телеграмма министра иностранных дел гр. Муравьева послу в Мадриде Шевичу от 27 июня (9 июля) 1898 г. № 1112[3]).

Считаем неудобным исключение Англии при обращении испанского министра иностранных дел в целях обеспечить нейтралитет марокканского побережья. Казалось бы предпочтительным, чтобы этот шаг был сделан перед всеми без исключения державами, объявившими себя нейтральными.

Муравьев.

10. Секретная телеграмма посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 28 июня (10 июля) 1898 г.[4])

Альмодовар, прекрасно понимая справедливость вашего замечания, предполагает, — как только он получит ответы остальных держав на доверительный шаг, предпринятый им в пятницу, — распространить на Англию свое обращение в целях обеспечения нейтралитета марокканского побережья, хотя он и предвидит, что его проект натолкнется на недобро-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Телеграммой от 4(16) июля Шевич сообщил, что в связи с угрозой появления американской эскадры у испанского побережья в Испании и на прилегающих к ней островах было объявлено осадное положение, „с временным прекращением конституционных гарантий".

[3]) Перевод с французского. На подлиннике помета Николая Романова: „Согласен". „Петергоф 27 июня 1898 г."

[4]) Перевод с французского.

желательное отношение, проявлямое вообще английским кабинетом по отношению к Испании в течение настоящей войны.

Шевич.

11. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 28 июня (10 июля) 1898 г. № 51.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

В прошлую пятницу по случаю еженедельного дипломатического приема у министра иностранных дел он сказал мне, что, по полученным им секретным сведениям из Танжера, правительство Соединенных Штатов предполагает ввиду предстоящего нападения морских сил своих на испанские берега занять указанный порт, чтобы сделать из него операционный базис для военных действий против Испании.

Ввиду таковой случайности, осуществление коей не преминуло бы в высшей степени осложнить положение Испании, правительство решило обратиться конфиденциальным путем к великим державам с ходатайством о возбуждении вопроса о нейтрализации берегов Марокко и о серьезных представлениях султанскому правительству ввиду соблюдения им строгого нейтралитета по отношению к обеим воюющим сторонам.

Герцог Альмодовар прибавил, что надеялся, что я не откажусь передать императорскому кабинету настоящую просьбу его, которую все мои коллеги согласились сегодня же представить на «благоусмотрение» своих правительств, за исключением одного английского посла, коему министр иностранных дел не счел вовсе нужным сообщить о намерении испанского правительства, «так как можно наперед быть уверенным,— как выразился мой собеседник, — в том, что английский кабинет не только откажет в своем согласии, но будет, напротив того, поддерживать марокканское правительство в решении открыть свои порта американским военным судам».

Я ответил министру иностранных дел, что, хотя положительно не вижу возможности того, чтобы проект его получил благоприятный исход без содействия Англии или — что еще хуже — при враждебном к оному отношении сей державы, тем не менее я соглашаюсь представить просьбу его на усмотрение императорского правительства, но под условием, чтобы он вручил мне перед тем письменное изложение оной.

Герцог Альмодовар тут же написал и передал мне записку следующего содержания: «Il s'agit de prévenir les autorités du Maröc qu'il ne serait pas permis de rompre l'equilibre de cet Empire en faisant de ses côtes la base d'operations des belligérants, et que les Puissances seraient prêtes à donner les moyens de renforcer les lois de néutralité» [1]).

Принимая записку от министра, я не скрыл от него, что выражения ее кажутся мне слишком решительными (péremptoires) и что, во всяком случае, я ограничусь передачею вашему сиятельству лишь общего смысла его заявления, а не текста врученной мне записки.

---

[1]) „Следует предупредить марокканские власти, что державы не позволят нарушить равновесие в этой империи путем превращения ее побережья в операционную базу воюющих сторон и будут готовы предоставить средства для обеспечения существующих правил о нейтралитете".

Встретившись в тот же вечер с германским, австрийским и итальянским послами, я сообщил им мое мнение как относительно выражений переданной мне герцогом Альмодоваром записки, так и немыслимости того, чтобы Англия была устранена от переговоров по вопросу о нейтрализации мароккских портов. Коллеги мои согласились, повидимому, со мною, посколько касается изложения просьбы испанскго министра иностранных дел, и сказали, что уведомят свои правительства в той же форме, в которой я только-что протелеграфировал вашему сиятельству, но относительно несвоевременности устранения Англии они не высказали определенного мнения.

Получив сегодня утром секретную телеграмму вашего сиятельства от 27 июня (9 июля), я утром навестил министра иностранных дел и прочел ему содержание оной. К моему немалому удовлетворению, герцог Альмодовар тотчас же сказал, что он вполне разделяет наше мнение и что я, «вероятно, припомню», что, когда в прошлую пятницу я делал ему «некоторые возражения» относительно исключения Англии из числа держав, к которым обращается Испания в настоящем деле, то он отвечал мне, что исключение это лишь временное и что, в конце концов, Англия, конечно, должна будет быть поставлена в известность о шагах, сделанных испанским правительством. Так как подобных заявлений от герцога Альмодовара в прошлую пятницу я не расслышал, то я просил его повторить мне в ответ на мое сегодняшнее «строго конфиденциальное», сообщение, каким образом он предполагает действовать впредь в настоящем деле.

Мой собеседник отвечал, что предоставляет мне уведомить мое правительство, что, лишь только он получит от прочих держав отзывы на третьеводняшнее предложение свое, «как он сегодня получил от русского правительства», то немедленно обратится к английскому правительству с таковым же предложением. Он прибавил, что должен считать наш ответ в принципе благоприятным его проекту, так как, советуя Испании обратиться в этом деле ко всем нейтральным державам без исключения, императорский кабинет тем самым изъявляет свое одобрение оного «a priori».

Я возразил министру, что до сих пор императорское правительство не может смотреть на настоящий конфиденциальный обмен мыслей, как на какое-нибудь формальное предложение со стороны Испании, и что мы будем ожидать дальнейшего развития этого вопроса, после того, как он будет официально представлен на рассмотрение всех великих держав.

В заключение нашего разговора герцог Альмодовар не скрыл от меня, что он предвидит со стороны Англии и в этом деле полное неблагорасположение, которое повлечет за собою, как он с «горечью» предполагает, отречение и прочих держав.

«Я должен при этом констатировать,— прибавил мой собеседник,— грустнейший факт, что с некоторых пор в Европе преобладает тенденция преувеличивать как могущество, так и воинственный дух Англии, благодаря каковой тенденции многие благие намерения остаются мертвою буквою в важнейших международных вопросах последних лет».

После этого философского размышления, относительно основательности коего не мне судить, но которое звучит довольно назидательно в устах столь недавнего англофила, каким являлся герцог Альмодовар, я распростился с министром, заметив ему, при прощании, что лучший способ для Испании избавиться, наконец, от всех забот и треволнений,

которые ее осаждают, было бы, по моему мнению, твердое решение с ее стороны при первой возможности заключить мир.

Шевич.

12. Секретная телеграмма генерального резидента в Танжере Бахерахта министру иностранных дел гр. Муравьеву от 2 (14) июля 1898 г.[1]).

Предположения, высказанные в моей экспедиции от 25 июня [2]), посланной через Париж, относительно возможности прихода в Танжер американской эскадры, подтверждаются. Известия, точность которых я проверить не могу, утверждают, что в Гибралтаре находятся пакеты, адресованные на имя командующего эскадрой в Танжере. Можно предвидеть бомбардировку Цеуты, желательную для Англии [3]).

Бахерахт.

13. Депеша посла в Риме Нелидова министру иностранных дел гр. Муравьеву от 7 (19) июля 1898 г. № 61.

Доверительно.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Испанский посол сделал недавно итальянскому министру иностранных дел следующее сообщение, которое, по его словам, передано было и правительствам других великих держав, за исключением Англии.

По полученным в Мадриде сведениям, американская эскадра отправленная к берегам Испании, имеет намерение взять точкой опоры для своих действий против испанских портов Танжер, на что будто бы в Вашингтоне заручились согласием лондонского кабинета. Испанское правительство обращает на этот предмет внимание великих держав, в надежде, что они воспротивятся приведению в исполнение столь опасного для их интересов в Средиземном море англо-американского предприятия и потребуют от Марокко строгого сохранения нейтралитета. Выразив г. Дель Масо сомнение насчет достоверности полученных в Мадриде сведений, адмирал Каневаро запросил итальянских представителей при дворах великих держав, как относились [4]) к этому сообщению другие кабинеты, и получил уже от некоторых из них ответ, что опасения испанского правительства считают [4]) совершенно неосновательными.

На сообщение, сделанное мне об этом министром иностранных дел в частном разговоре, я счел долгом ему заметить, что, как ни странно приписываемое в Мадриде Соединенным Штатам намерение, его не следует оставлять совсем без внимания. В печати уже была речь о желании американцев требовать при заключении мира уступки Сеуты [4]). Старания же англичан под каким-нибудь предлогом приобрести местность на африканском берегу против Гибралтара всем известны. При

---

[1]) Перевод с французского.
[2]) См. № 7.
[3]) Депешей от 16(28) июля за № 13 Бахерахт сообщил, что „причиненные здесь слухами о прибытии сюда американской эскадры тревоги несколько улеглись, и упование на близкое заключение мира заставляет надеяться, что предвещенная морская демонстрация у испанских берегов, быть может, вовсе не состоится».
[4]) Так в подлиннике.

выказываемом ныне в Англии сочувствии к Соединенным Штатам не было бы удивительно, если бы, допустив американцев занять какую-нибудь прибрежную точку в северо-западном углу Африки, лондонский кабинет заявил, что в обеспечение своих интересов в Средиземном море великобританское правительство тоже должно там получить стоянку для своих судов и овладело бы под этим предлогом одною из намеченных им местностей.

Адмиралу Каневаро подобное предположение показалось маловероятным. По его мнению, английское правительство, имея в своей власти Гибралтар и владея кроме того станциями, как Мальта, Кипр и Александрия, вовсе не нуждается в новых приобретениях в Средиземном море и никаких завоевательных видов там не имеет.

Я обратил внимание министра на сношения и переговоры, которые не раз происходили и беспрестанно возобновляются, по поводу желания английского правительства укрепиться на юго-западном прибрежьи Средиземного моря, чтобы, владея обоими берегами у входа в него из океана, стать полновластным его хозяином. «А для Италии, — заключил я, — которая вся омывается водами Средиземного моря, это равносильно было бы совершенному подчинению Англии».

Если я позволил себе, милостивый государь, с некоторой настойчивостью представить итальянскому министру, — быть может, и в несколько преувеличенном виде, — опасность от несомненно существующих в Лондоне вожделений относительно северо-западного берега Африки, то это главным образом ввиду проявленного им явного пристрастия к Англии и ослепления насчет ее намерений. При неустановившейся у адмирала Каневаро определенной политической программе, мне казалось не бесполезным поколебать личные его взгляды, наиболее расходящиеся с пользами [1]) и видами императорского правительства, направленными к сохранению мира и равновесия. Быть может, рассуждения мои, здесь лишь вкратце приведенные, и не остались без некоторого воздействия на ум итальянского министра иностранных дел.

Нелидов.

14. Секретная телеграмма министра иностранных дел гр. Муравьева послу в Мадриде Шевичу от 7 (19) июля 1898 г. № 1153 [2]).

Французское правительство весьма озабочено позицией английского посла в Мадриде, который, по полученным в Париже сведениям, не перестает предлагать свои добрые услуги испанскому правительству, в то время как великобританский представитель в Вашингтоне действует со своей стороны. Несмотря на то, что испанское правительство до сих пор отклоняло всякие предложения, в Париже опасаются, что понимая, что оно может быть в любой момент поставлено перед необходимостью принять немедленное решение, испанское правительство сможет быть вынуждено согласиться на посредничество Англии, как единственное, ему предложенное. Благоволите договориться с вашим французским коллегой о наблюдении за шагами английского посла и об изыскании мер, которые должны быть приняты в результате последних.

Муравьев.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Перевод с французского. На подлиннике помета Николая Романова: „Согласен". „Петергоф, 7 июля 1898 г.".

15. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 11 (23) июля 1898 г. № 55.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

В ту самую минуту, как вследствие секретной телеграммы вашего сиятельства от 7 июля французский посол и я совещались относительно принятия подобающих мер для разрушения своекорыстных планов здешнего великобританского посла, ввиду посредничества Англии между Испанией и Соединенными Штатами, испанское правительство решило сделать первые официальные шаги в смысле умиротворения.

Вчера министр иностранных дел уведомил сначала французского посла, а потом по случаю еженедельного приема и всех прочих представителей великих держав, что испанское правительство, получив предварительно разрешение французского правительства, только что отправило через посредство сего последнего президенту Соединенных Штатов «послание» («message»), в коем оно выражает желание положить конец существующей гибельной войне посредством почетного для Испании обоюдного соглашения и изъявляет готовность начать переговоры на основании окончательного урегулирования политического положения Кубы» («du réglement définitif de l'état politique de Cuba»).

Передавая мне дословно вышеприведенные выражения, министр иностранных дел прибавил, что французский посол в Вашингтоне, который уполномочен своим правительством передать президенту Соединенных Штатов через посредство государственного секретаря Дэя испанское послание, объяснит устно от имени испанского правительства, что Испания заранее решила «уступить» Кубу Соединенным Штатам на том основании, что она убеждена, что испанское народонаселение острова, судьбою коего она не может не интересоваться, будет гораздо счастливее под владычеством Соединенных Штатов, чем под независимым управлением, к которому оно еще далеко не приготовлено.

Делая самопроизвольно эту важную территориальную уступку победителю, испанское правительство, повидимому, льстит себя надеждою, что этим ограничатся жертвы, которые от него потребуют Соединенные Штаты. Насколько эта надежда осуществима и насколько вообще сделанный Испанией шаг может увенчаться успехом, трудно предсказать, но, судя по общему тону американских газет и по догадкам самой испанской печати, является весьма сомнительным, чтобы американцы довольствовались подобным результатом, который к тому же был, так сказать, предрешенным вопросом уже с самого начала войны.

Впрочем, выступая с нынешними предложениями, испанское правительство не преминуло уполномочить французского посла в Вашингтоне принять и доставить сюда те «контр-предложения и общие сведения, которые дойдут до него», что ясно доказывает, мне кажется, что оно допускает необходимость расширить до известной степени круг делаемых им уступок.

Сообщая мне доверительно вышеизложенные сведения, о которых я поспешил уведомить ваше сиятельство моею вчерашнею телеграммою [1]), герцог Альмодовар счел нужным объяснить, что действие в на-

[1]) Содержание телеграммы Шевича от 10(22) июля покрывается публикуемой депешей.

стоящем случае французского правительства не составляет посредничества в строгом смысле этого слова и что испанское правительство, обращаясь к «посредничеству» (intermédiaire) французского посла в Вашингтоне в качестве его представителя во время войны испанских интересов[1]), отнюдь не отступает от принятого им решения договориться непосредственно с правительством Соединенных Штатов без «медиации» третьей державы и если в этом отношении выбор пал на французского посла скорее, чем на австро-венгерского посланника, равным образом представляющего испанские интересы в Америке, то это было только потому, что г. Камбон снабжен испанским шифром, тогда как г. Генгельмиллер «оного не имеет»...

Сомневаюсь, чтобы этот благовидный предлог вполне удовлетворил здешнего австро-венгерского посла графа Дубского, явного недоброжелателя Франции и деятельного поборника идеи австро-папского посредничества[2]).

Принятая ныне испанским правительством мера была вполне одобрена, как мне сказал министр иностранных дел, не только единодушно всеми членами кабинета, но и главными военными авторитетами страны, вследствие чего всякая опасность в настоящее время министерского кризиса миновала. Все зависит теперь от Соединенных Штатов и от степени сговорчивости американских политиканов, к сожалению, так часто влияющих на решения президента, и герцог Альмодовар надеется на поддержку дружественных Испании держав, особенно России, мощный голос которой не преминул бы в настоящую минуту оказать Испании жизненную услугу в смысле увенчания Соединенных Штатов отнестись с человеколюбивой умеренностью к предложениям испанского правительства.

Решение мадридского кабинета произвело в здешних дипломатических кружках[3]) сильное впечатление, и нельзя сказать, чтобы впечатление это было одинаково благоприятно.

Большинство моих коллег, хотя и выражает удовольствие по поводу этого первого шага к мирному разрешению, не совсем одобряет, как кажется, направление, приданное этому шагу, и предпочло бы, чтобы испанское правительство обратилось к посредничеству папы. Что же касается английского посла, то он с трудом скрывает свое глубокое разочарование по поводу того, что усилия его навязать посредничество Англии не увенчались успехом и привели лишь к тому, что ненавистная ему Франция была облечена именно в ту роль, которой он столь настойчиво домогался.

Негодование сэра Генри Друммонда Вольфа, конечно, обнаружилось в переписке с своим правительством, и на месте герцога Альмодовара я не был бы совершенно спокоен относительно последующих действий в Вашингтоне британской дипломатии, разве испанское прави-

---

[1]) Защита испанских интересов в Соединенных Штатах была поручена 8(20) апреля 1898 г. французскому послу и австро-венгерскому посланнику в Вашингтоне.

[2]) О посредничестве Австро-Венгрии см. № 31, стр. 50. Что касается посредничества папы, то архиепископ Айрленд, по предписанию кардинала Рамполлы, обратился в начале апреля от имени Льва XIII к президенту Мак Кинлею с предложением добиться согласия Испании на установление перемирия с повстанцами на острове Кубе. Испанское правительство нотой от 9 апреля уведомило папу о своем согласии на предложенную меру, но посредничество папы имело так же мало успеха в Вашингтоне, как и выступление 6 великих держав.

[3]) Так в подлиннике.

тельство заручится в то же время сочувствием Англии посредством какого-нибудь возмездия («considération»), каковое предположение, хотя в настоящую минуту неправдоподобно, но не выходит однако из ряда человеческих соображений [1]).

Шевич.

16. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 3 (15) августа 1898 г. № 61.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

На прояснившемся только-что политическом горизонте Испании собираются, повидимому, новые тучи.

Как я имел честь уведомить ваше сиятельство моей вчерашней секретной телеграммой [2]), великобританское правительство, озлобленное вероятною сдержанностью и вполне заслуженным недоверием, с коими относилось к нему за последнее время испанское правительство, а главное — выступлением вперед Франции в роли посредницы при мирных переговорах между Испанией и Соединенными Штатами, каковой роли оно само так настойчиво добивалось, сочло ныне своевременным обратиться официальным путем к здешнему правительству с запросом относительно значения и цели сооружаемых, как говорят, в окрестностях Гибралтара, а именно на Сиерре Карбонеро (Silla de la Reina) и в «Punta Mala» батарей. Как мне передал посетивший меня вчера английский посол, запросу этому была дана форма меморандума («note verbale»), в котором также упоминаются вкратце причины, побудившие лондонский кабинет обратить внимание «на производящиеся в вышеозначенных пунктах фортификационные работы, не имеющие, по его мнению, более никакого смысла, так как всякая опасность нападения американцев на Алжезирасскую бухту отныне миновала».

Причина вмешательства в это дело английского правительства, по словам сэра Друммонда Вольфа, двоякая: во-первых, новые укрепления угрожают, как он полагает, прямо Гибралтару, а во-вторых, навесный огонь батарей на Сиерре Карбонере, принимая в соображение нынешние дальнострельные орудия, может оказаться действительным в ущерб безопасности как Гибралтарского пролива, так и порта.

Мой английский коллега прибавил, что переписка по сему предмету производится в самом дружеском и «добрососедственном» духе и что испанское правительство уже дало успокоительные заверения относительно своих намерений, а также свойства и калибра орудий, коими будут вооружены сказанные батареи.

С другой стороны, я узнал, что настоящий шаг английского посла произвел на здешнее правительство удручающее впечатление.

---

[1]) Вашингтонский кабинет 18 (30)июля 1898 г. ответил, что он потребует от Испании: 1) отказа от суверенных прав на остров Кубу, 2) уступки Порто-Рико и других островов Вест-Индии в качестве возмещения за военные издержки и 3) права занятия города, бухты и порта Манилы до окончательного урегулирования мирным договором форм контроля государственного устройства и управления Филиппинами. На основе этой программы и был подписан предварительный протокол от 31 июля (12 августа) 1898 г.

[2]) Содержание телеграммы Шевича от 2 (14) августа покрывается публикуемой депешей.

До сих пор министр иностранных дел соблюдает относительно оного крайнюю сдержанность, но, как мне доверительно передал вчера же австрийский посол граф Дубский, сведения коего обыкновенно почерпнуты из самого верного источника [1]), правительство крайне возмущено этим бесцеремонным «и основанным лишь на праве сильнейшего» вмешательством Англии и твердо решило не уступать ее требованиям. Поэтому граф Дубский сильно сомневается в достоверности примирительного, будто бы, ответа, якобы данного сэру г. Друммсэнду Вольфу, и полагает, напротив того, что вопросу этому еще суждено пройти через довольно тревожные фазисы, так как испанское правительство едва ли добровольно согласится, как этого потребует, вероятно, Англия, на какое-либо новое обязательство с своей стороны относительно расширения нейтралитета зоны вокруг Гибралтара или ограничения права Испании возводить укрепления на известном расстоянии от английской территории. Подобные требования, по мнению графа Дубского, были бы тем более несправедливыми, что со своей стороны Англия нисколько не стесняется возводить и вооружать сделавшиеся ныне почти недоступными укрепления по северному фронту Гибралтара, без всякого со стороны Испании протеста, ни представлений по сему поводу. Я не мог не заметить однако моему собеседнику, хотя вполне разделяю его мнение относительно беззаконности вмешательства Англии в это дело, что поскольку оно касается северных укреплений Гибралтара, то Англия не преминет при случае заявить, что они направлены не против Испании, а против какой-нибудь третьей державы, которая могла бы произвести нападение на английские владения даже, быть может, и вопреки желанию Испании, недостаточно сильной для того, чтобы материально гарантировать свой нейтралитет и неприкосновенность своей территории.

Как бы то ни было, граф Дубский не скрыл от меня, что в данном случае ему было бы невозможно, если бы кто-нибудь спросил относительно оного его мнение, советовать уступить требованиям Англии, так как он убежден, что всякая уступчивость в этом вопросе повлекла бы за собой для короля и королевы неизмеримые последствия. В своей восторженной лойяльности, стоившей в некоторой мере Испании, как я убежден, уже немало жертв и разорений, мой австрийский коллега доходит до крайнего пароксизма [2]). Он выражает мнение, что даже если бы дело дошло до войны, то Испания, неуязвимая внутри, не имея более флота («n'ayant plus de flote à perdre» [3]), могла бы без особенной для себя опасности рисковать сразиться с Англией, так как за неизбежную, конечно, в этом случае потерю прилежащих островов она могла бы вознаградить себя добровольным или насильственным присоединением к Испании... португальского королевства. При этом однако граф Дубский умалчивает о весьма правдоподобной случайности непрерывающейся блокады и бомбардировки всех испанских портов, опираясь главным образом при изложении своей

---

[1]) Гр. Дубский черпал свои сведения из кругов, близких к королеве-регентше Марии-Христине, или непосредственно от нее. Особое положение гр. Дубского при мадридском дворе объяснялось тем, что королева-регентша была по рождению своему австрийской эрцгерцогиней.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Об уничтожении испанских морских сил адм. Монтохо и Серверы см. стр. 15, прим. 1.

воинственной — для Испании — программы на предположение, что Европа (читай: Франция) не останется на этот раз равнодушной к участи державы, в существовании коей она столь заинтересована.

Я бы не утруждал внимание вашего сиятельства сообщением вышеизложенной несколько фантастической программы графа Дубского, если бы недавний опыт не доказал на деле, что не всегда удачные идеи этого более 12-ти лет исповедующего в Мадриде свою беспредельную и исключительную преданность королеве-регентше дипломата слишком часто падают на благоприятную почву.

О дальнейшем развитии возникающего, повидимому, ныне англо-испанского инцидента я не примину довести до сведения императорского министерства.

Шевич.

17. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 7 (19) августа 1898 г. № 62.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Министр иностранных дел, с которым я встретился третьего дня на вечере у германского посла, просил меня зайти к нему на следующий день, «чтобы переговорить об одном обстоятельстве, представляющем для испанского правительства крайнюю важность». На состоявшемся вслед за тем вчера свидании в министерстве герцог Альмодовар счел нужным изложить передо мною суть возникшего между испанским правительством и английским послом инцидента по поводу мнимых испанских укреплений вокруг Гибралтара, причем он прочел мне обмененные словесные ноты.

Нота за подписью сэра Г. Друммонда Вольфа, помеченная 3-м августа, но врученная лишь 12-го [1]), в вежливых, «хотя довольно холодных выражениях», извещает испанское правительство о том, что великобританское правительство не без удивления узнало, что в непосредственном соседстве с Гибралтаром на Сиерре Карбонере («Silla de la Reina de Espâna») и в «Punta Mala» возводятся новые укрепления, цель коих не является вполне дознанной, ввиду того, что Испании нечего опасаться нападения со стороны американцев в английских водах Алжезирасской бухты, так как Англия никогда не допустила бы подобного нарушения ее нейтралитета. Английская нота заключается следующими словами, продиктованными мне с подлинника герцогом Альмодоваром: «Her Majesty's Government have no doubt that the Spanish Government will not consider necessary to continue the construction of the works specially mentioned after receiving the aforesaid assurance» [2]).

На следующий же день испанское правительство отвечало в той же форме, что никакие укрепления не возводятся на Сиерре Карбонере, вершина коей, названная «Silla de la Reina de Espana», впрочем, не может угрожать Гибралтару, так как она находится ниже уровня гиб-

[1]) В день подписания прелиминарного мира.

[2]) „Правительство его величества не сомневается, что по получении вышеуказанного заверения испанское правительство не сочтет нужным продолжать возведение специально оговоренных здесь укреплений".

ралтарской скалы. Что же касается береговой батареи в «Punta Mala», то испанская нота уверяет, что она была возведена и вооружена орудиями среднего калибра единственно с целью отбить предполагаемую высадку американцев. Испанское правительство выражает далее свою признательность великобританскому за его заявления касательно соблюдения им и защиты в случае нападения американцев нейтралитета в своих водах и, напомнив мимоходом, что с своей стороны Испания никогда не протестовала против английских укреплений по северному фронту Гибралтара, заканчивает свою ноту формальным заверением в мирных намерениях Испании по отношению к Англии, причем однако оговаривает державные права Испании, поскольку касается принимаемых у себя дома мер ввиду самозащиты [1]).

На ответную ноту испанского правительства не последовало еще отзыва из Лондона, и герцог Альмодовар льстит себе надеждою, хотя весьма слабою, что этим и окончится этот неприятный инцидент, который, как выразился мой собеседник, послужил новым доказательством коварства и наглости Англии, воспользовавшейся в данном случае бедствиями, обрушившимися на Испанию, чтобы с своей стороны пустить в нее эту отравленную стрелу.

Насколько надежда министра иностранных дел осуществима, скажется в будущем, но сам он не скрывает своего опасения, что Англия, которая ничего не делает необдуманно, не удовлетворится настоящим ответом испанского правительства и потребует от него каких нибудь гарантий вроде, например, формального обязательства не возводить укреплений на известном расстоянии от Гибралтара или уступки того или другого стратегического пункта на Алжезирасской бухте.

Так как подобные требования были бы категорически отвергнуты Испанией, то, по мнению герцога Альмодовара, предвидимая им случайность легко может повлечь за собою крупные осложнения, в которых не только Испания, но и вся Европа могли бы быть заинтересованы.

Из всего вышеизложенного вашему сиятельству угодно будет усмотреть, что в общей сложности официальная версия настоящего инцидента лишь мало отличается от версий, сообщенных мне 2(14) августа, каждая с своей специальной точки зрения, английским и австрийским послами, о разговорах с коими я имел честь довести до сведения императорского министерства донесением от 3 (15) августа с. г. за № 61 [2]).

Хотя герцог Альмодовар в своей ответной ноте действительно высказал, как сказал мне сэр Г. Друммонд Вольф, самые примирительные наклонности, тем не менее ответ его не лишен некоторого достоинства, а что касается заявлений, сделанных мне лично по этому поводу министром иностранных дел, то они ясно указывают, мне кажется, на твердое намерение испанского правительства, согласно выраженному мне графом Дубским убеждению, во что бы то ни стало отвергнуть могущие быть предъявленными Англиею требования, несовместимые с достоинством Испании.

Как мне показалось, министр иностранных дел, разбирая со мною могущие представиться в будущем случайности, не довольно серьезно

[1]) Так в подлиннике.
[2]) См. № 16.

или, лучше сказать, слишком доверчиво относился к возможности того, чтобы Испания была вовлечена в новые осложнения.

Эта воинственная струнка особенно проявилась в нашем разговоре, когда упомянулось о Португалии и о положении, занимаемом этой державой по отношению к Англии.

Ваше сиятельство могли усмотреть из сегодняшней секретной [моей] телеграммы [1]), насколько положение это, по сведениям здешнего правительства, сделалось серьезным и небезопасным для интересов прочих держав.

Шевич.

18. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 9 (21) августа 1898 г. № 64.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

До сих пор английское правительство не дало никакого ответа на ответную ноту испанского правительства касательно укреплений вокруг Гибралтара, о содержании коей я имел честь довести до сведения императорского правительства в донесении от 7 (19) августа с. г. за № 62, но здешний великобританский посол получил вчера телеграмму из Лондона, коею он уполномочивается категорически опровергнуть здесь распускаемый газетами слух, будто бы Англия добивается от Испании уступки г. Тарифы [2]) или какого бы то ни было другого пункта испанской территории.

Как мне сказал мой английский коллега, он сегодня же сделает устное в этом смысле заявление министру иностранных дел, причем также обратит его внимание на неприличность появившейся вчера в газете «El Imparcial», а за нею и в других газетах заметки, в которой совершенно верно передается недавний инцидент по поводу вышеупомянутых обмененных нот, но с следующим тенденциозным замечанием: «Повидимому, английское правительство озлоблено против испанского правительства потому, что сие последнее не обратилось к великобританскому послу в Вашингтоне с просьбою о посредничестве в мирных переговорах и отклонило предложение американцев, чтобы смешанная комиссия, коей будут поручены окончательные переговоры, заседала в Лондоне [3]). Как видно, доказательства этого озлобления уже получены в Мадриде».

---

[1]) Телеграммой от 7 (19) августа Шевич передал секретное сообщение Альмодовара о состоявшемся или предстоявшем в ближайшем времени заключении англо-португальского договора на основе предоставления Португалии „значительного займа, гарантированного доходами с Лоренцо Маркеза", и признания за Англией в случае войны „абсолютного пользования угольной станцией и всеми портами, принадлежащими Португалии".

[2]) Тарифа — город провинции Кадис, расположенный на европейском берегу Гибралтарского пролива при выходе из последнего в Атлантический океан, является пунктом большой стратегической важности и одним из ключей к проливу.

[3]) Вопрос о месте будущих мирных переговоров сильно тревожил мадридский кабинет, где предвидели нажим со стороны английского правительства. Шевич депешей от 22 июля (3 августа) за № 56 сообщил, что в беседе с ним Альмодовар, говоря о дискуссии, шедшей по этому поводу в северо-американской печати, удивлялся, что местом переговоров называют Лондон. Далее Шевич писал следующее: „Почему Лондон? — сказал мне министр иностранных дел. — Был бы гораздо естественнее выбор Парижа с той минуты, как Франция столь обязательно и дружески взяла на себя роль посредника". „Но и тут, — при-

Нельзя не признать, что публикация этой заметки в мадридских газетах, которые вследствие осадного положения подлежат строжайшей предварительной цензуре, является довольно бестактной и, во всяком случае, мало созданной для того, чтобы произвести успокоительные действия как на здешнее общественное мнение, так и на раздраженное расположение духа англичан.

Шевич.

19. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 18 (30) августа 1898 г. № 68.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Ваше сиятельство изволите усмотреть из вчерашней секретной телеграммы моей[1]), что английское правительство возобновило свои требования по поводу испанских укреплений в соседстве с Гибралтаром. По просьбе министра иностранных дел, я посетил его вчера, и во время нашего свидания он прочел мне переписку, обмененную 15(27) августа между английским послом и министерством иностранных дел по сему предмету.

Означенного числа сэр Г. Друммонд Вольф вручил лично герцогу Альмодовару pro memoria, в котором от имени своего правительства он делает следующие заявления.

С тех пор, как английское правительство впервые обратило внимание мадридского кабинета на несвоевременность возведенных вокруг Гибралтара укреплений, военные власти города уведомили правительство о том, что новые батареи сооружаются в Punta Carnero и на других пунктах, окружающих Алжезирасскую бухту, особенно на западном берегу ее. Эти батареи прямо угрожают Гибралтару и не имеют с точки зрения защитительной для Испании никакого значения, так как важность Алжезирасса отнюдь не оправдывает ни количества, ни силы возведенных укреплений.

Вследствие этого и ввиду того, что всякая угроза Гибралтару является также угрозою английской империи, великобританское правительство выражает твердую надежду, что испанское правительство вовсе откажется («will renounce») от возведения сказанных укреплений, которые иначе должны будут считаться Англиею как прямо враждебной по отношению к ней демонстрацией со стороны Испании.

Что касается английских укреплений, то испанскому правительству должно быть хорошо известно, что укрепления эти, которые уже 194 года[2]) производятся в Гибралтаре, направлены не против Испании.

бавил с грустью мой собеседник, — мы должны будем, вероятно, сообразоваться с обстоятельствами в случае, если бы между Соединенными Штатами и Англией было условлено, что переговоры и заседания смешанной комиссии должны происходить в Лондоне". Шевич в ответ на это заметил, что, „действительно, выбор Лондона мог бы показаться Франции несколько несообразным при нынешних условиях и что, во всяком случае, герцогу Альмодовару, как хорошему знатоку Англии, должно быть известно, что английское гостеприимство обходится весьма дорого тем, которые им пользуются".

[1]) Телеграмма Шевича от 17(29) августа полностью покрывается публикуемой депешей.

[2]) Гибралтар был взят соединенными силами английского и голландского флотов в 1704 г.

Герцог Альмодовар отвечал английскому послу в тот же день и в той же форме pro memoria, составленного в 3 пунктах.

В первом пункте министр иностранных дел ссылается на объяснения, заключающиеся в предыдущей его ответной ноте[1]), касательно чисто защитительного характера испанских укреплений, прибавляя, что сии последние предназначаются не только для обороны испанских берегов от нападения, но также для защиты нейтралитета Испании в случае, если какая-нибудь третья держава попытается нарушить оный с целью произвести нападение как с суши, так и со стороны моря на английскую территорию — это заявление аналогично тому, которое заключается в первой английской ноте, где говорится, что Англия никогда не допустит, чтобы американцы атаковали испанский берег Алжезирасской бухты путем английских территориальных вод.

Во втором пункте герцог Альмодовар, ссылаясь на недавнее заверение, данное ему английским послом (донесение мое от 9(21) августа за № 64[2]), в смысле, что «Англия не имеет никакого намерения присвоить себе какую-либо часть испанской территории», заявляет, что с своей стороны Испания «не имеет никаких агрессивных намерений против английской территории».

В третьем и последнем пункте своего pro memoria министр иностранных дел говорит, что после представленных им вышеизложенных объяснений всякая дальнейшая настойчивость со стороны великобританского правительства «будет истолкована испанским правительством в смысле посягательства на державные права Испании, ставящего сию последнюю в положение неравенства (inferioridad) по отношению к другой державе».

Последняя несколько туманная часть этой фразы была мне пояснена[3]) герцогом Альмодоваром в том смысле, что в сравнении с Португалией и Франциею, имеющие[4]) полное право возводит: укрепления против Испании, сия последняя очутилась бы по отношению к Англии в положении неравенства.

Министр иностранных дел, послав далеко не примирительный, как мне показалось, ответ свой великобританскому послу, с трепетом ожидает ныне дальнейшего решения английского правительства. Он убежден, что этим не ограничится Англия и что дело дойдет до категорического требования или ultimamut'a, на которое испанское правительство, как оно уверяет, должно будет отвечать отказом.

Ввиду таковой случайности герцог Альмодовар опасается самых серьезных последствий, как, например, занятия Англиею в виде залога Цеуты или Канарийских островов, в каковом случае, по его мнению, вопрос неизбежно примет общеевропейский характер.

Шевич.

---

[1]) См. стр. 32.
[2]) См. № 18.
[3]) В подлиннике за словом „пояснена" стоит знак вопроса в скобках рукой Шевича.
[4]) Так в подлиннике.

20. Выдержка из письма посла в Париже кн. Урусова министру иностранных дел г. Муравьеву от 27 августа (8 сентября) 1898 г. [1]).

... [2]) Здесь крайне встревожены позицией, занятой Англией по отношению к Испании. Г. Делькассе не скрыл от меня, что ему крайне трудно последовать совету, данному вашим превосходительством французскому послу. Он не видит способа довести официозным путем до сведения королевы-регентши совет обратиться по алжезирасскому делу к императору Францу-Иосифу, Он опасается, как бы за совершенно невероятной по грубости нотой сэра Друммонда Вольфа, которую можно рассматривать за ультиматум, не последовало бы немедленных действий, что поставило бы Францию в исключительно тяжелое положение.

Урусов.

21. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 14 (26) сентября 1898 г. № 80.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Как ваше сиятельство изволили усмотреть из секретной телеграммы моей от 19 (31) августа с. г. [3]) касательно англо-испанского инцидента, великобританский посол сэр Генри Друммонд Вольф накануне этого дня снова обратился к здешнему правительству с pro memoria, в котором настаивая на агрессивном, по его мнению, характере испанских вооружений вокруг Гибралтара, категорически требовал разоружения и скрытия возведенных укреплений, при чем изъявлял желание, чтобы английским властям было разрешено осмотреть указанные им места. Как оказывается, решительно-угрожающее положение, занятое Англиею в настоящем вопросе, произвело на испанское правительство на этот раз уломляющее действие [4]), которому также немало способствовали, вероятно, и дружеские внушения представителей великих держав, с которыми министр иностранных дел советовался по этому поводу и которые в интересах самой Испании сочли полезным высказаться в примирительном смысле.

Вместо того, чтобы немедленно ответить ab irato на последнее английское заявление, министр иностранных дел сказал сэру Г. Друммонду Вольфу, что важные дела по предстоящему заключению мирного договора с Америкой [5]) не позволяют совету министров заняться так скоро рассмотрением и решением возникших недоразумений с Англией по поводу Алжезирасских укреплений и что он вследствие этого просит посла подождать некоторое время, на каковую просьбу сэр Г. Друммонд Вольф тем охотнее согласился, что маркиз Сольсбери отсутствовал из Лондона.

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Начало письма, касающееся созыва 1-й Гаагской конференции, опубликовано в „Красном архиве", т. L—LI, стр. 80, и потому нами опускается.

[3]) Содержание телеграммы Шевича от 19 (31) августа покрывается публикуемой депешей, за исключением имеющегося в ней указания, что английский посол потребовал на этот раз от испанского правительства „безотлагательного ответа".

[4]) Так в подлиннике.

[5]) Работы мирной конференции начались в Париже 19 сентября (1 октября).

С тех пор прошло более трех недель, втечение коих ее величество королева-регентша обратилась лично к королеве Виктории с просьбою «уговорить» своего премьера не настаивать на унизительных для Испании требованиях, предъявленных английским послом. На письмо королевы-регентши английская королева отвечала на-днях, как мне передают из самого верного источника, в весьма сердечных выражениях, обещая, что с ее стороны все будет сделано для улажения возникшего затруднения.

Между тем испанский военный министр[1]), «не видя надобности в настоящее время сохранять вокруг Алжезирасской бухты вооруженных батарей, самопроизвольно распорядился, чтобы все орудия были с них сняты, что и было сделано на-днях», прибавил министр иностранных дел, передавая мне эти подробности на нашем последнем свидании третьего дня.

Герцог Альмодовар сказал мне, кроме того, относительно требуемого срытия самих укреплений, что он надеется, что английское правительство не будет настаивать на исполнении этого условия, тем более, что вследствие принятой теперь меры касательно разоружения батарей, доступ к сим последним сделается отныне «свободным для всех без исключения желающих осмотреть занимаемую ими местность».

Таким образом, этот неприятный для Испании инцидент может, я думаю, считаться фактически улаженным, разве английское правительство потребует еще от Испании какого-нибудь удостоверения или формальной гарантии в том, что и впредь не будут возводиться укрепления в окрестностях Гибралтара.

Шевич.

22. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 14 (26) сентября 1898 г. № 81.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Шум, произведенный в Европе известием о состоявшемся между Англиею и Германиею соглашении касательно некоторых колониальных вопросов, интересующих обе державы[2]), имел и в Испании довольно сильный отголосок.

Не говоря уже о существующих здесь, несмотря на успокоительные заверения германского представителя, опасениях относительно возможности того, чтобы между предусматриваемыми сказанным соглашением вопросами находился также и филиппинский, англо-берлинская сделка особенно тревожит испанское правительство, поскольку она может касаться только-что совершившегося, если верить преобладающим слухам, сближения или, правильнее сказать, политического поглощения Англиею соседней с Испанией Португалии.

---

[1]) Ген. Д. Мигель Корреа.

[2]) Соглашение, о котором говорит Шевич, было подписано 30 августа 1898 г. и состояло из двух конвенций, вторая из которых носила секретный характер. Оно касалось разграничения сфер влияния и будущей судьбы португальских колониальных владений в Восточной Африке (Анголы и Мозамбика), а также острова Тимора. Об англо-германских переговорах 1898 г. см. „Gr. Pol.", Bd. XIV, I Kap., SS. 91, 92; „B. D.", v. I, c. 2, №№ 62—112; „Красный архив", т. LVI, стр. 65 – 79.

По сведениям, полученным афинским правительством, условия заключенного будто бы между Португалиею и Англиею договора таковы, что они ставят первую чуть ли не в вассальное положение по отношению ко второй.

Независмо от фактической уступки Англии бухты Делагоа и г. Лоренцо Маркеза Португалия обязалась также открыть ей на случай войны все свои порты и угольные станции, а если верить газетным слухам, поставить даже в ее распоряжение известный контингент сухопутных войск [1]).

Герцог Альмодовар не без основания полагает, что, если условия англо-португальского соглашения действительно таковы, какими их представляют дошедшие до него сведения, то положение Испании между Гибралтаром, с одной стороны, и Португалией, сделавшейся, так сказать, английскою провинциею, с другой, — станет крайне опасным.

До сих пор во всех вопросах, касающихся ее отношений к Англии, Испания могла до некоторой степени рассчитывать на нравственную поддержку Германии [2]), ввиду существующего между сей последней и Англией соперничества на колониальной почве.

Самостоятельность Португалии представляла для Испании главнейшее условие и гарантию безопасности своей западной границы, и в этом отношении Германия, которая до сих пор бдительно следила в Лиссабоне за происками англичан и всеми силами старалась предохранить Португалию от политических и торговых захватов Англии, являлась могучей подпорой консервативной политики, которой держалась Испания в Португалии.

К несчастью, критическое финансовое положение сей последней, ее неблагонадежность по отношению к чужеземным кредиторам и некоторая изменчивость в ее международных отношениях, повидимому,

---

[1]) Об англо-португальском соглашении 1898—99 г. см. материалы, опубликованные в „B. D.", v. I, c. I—II, №№ 113—121. Сведения, полученные испанским правительством, нашли себе подтверждение в сообщении, сделанном Шевичу португальским посланником в Мадриде гр. Маседо, ездившим в Лиссабон „осведомиться относительно настоящего положения вопроса о соглашении между Португалией и Англией по африканским делам". (Депеша Шевича от 8 (20) октября 1898 г. № 86).

[2]) У Испании были и более основательные причины рассчитывать на „нравственную поддержку Германии", так как еще в 1887 г. она связала себя определенными договорными обязательствами с державами Тройственного союза, по крайней мере, в вопросе о сохранении статус кво на Средиземном море. Соглашение это, несмотря на ухудшение испано-германских отношений вначале 90-х годов XIX в. в связи с отклонением Испанией торгового договора с Германией, было возобновлено в 1891 и 1895 гг. сроком на четыре года, т. е. юридически сохраняло свою силу до 1899 г. Секретными телеграммами от 4(16), 5(17) и 11 (23) июня 1898 г., а также депешей от 13 (25) июня за № 46 Шевич уведомил Муравьева о настроениях, царивших в испанских официальных кругах, где якобы были склонны считать, что германская эскадра адм. Ф. Дидерихса, сосредоточенная в Филиппинских водах, „призвана спасти Манилу от грозящих ей со стороны инсургентов приступа и разрушения". Альмодовар, запрошенный на этот счет Шевичем, заявил, что Испания не ведет „никаких переговоров и что, во всяком случае, не может быть и речи о каких бы то ни было территориальных уступках или концессиях на Филиппинах, которые испанское правительство будто бы обещало Германии взамен содействия ее в Маниле". „Подобных уступок, — прибавил министр, — Испания не сделает никому, так как она твердо намерена, поскольку это окажется фактически возможным, сохранить Филиппинский архипелаг всецело за собою". (Депеша Шевича № 46). Как это явствует из документов, опубликованных в „Gr. Pol.", Bd. XV, K. 98, Германия была весьма заинтересована в приобретении угольной станции на Филиппинах. Кроме того, как известно, германское правительство использовало затруднительное положение Испании, приобретя у нее на весьма выгодных для себя условиях Марианские и Каролинские острова, а также группу Паллау.

убедили, наконец, Германию, что с точки зрения материальных интересов она поступила бы более практично, предоставив Португалию своей судьбе и довольствуясь материальной пользой, которую вынесут из финансовой стороны англо-португальского соглашения германские кредиторы, не говоря уже о прочих выгодах в других частях света, взамен коих Германия, вероятно, согласилась ныне дать Англии carte blanche в Португалии и Мозамбике.

Созданное теперь обоими соглашениями положение является в глазах испанского правительства в высшей степени серьезным, и министр иностранных дел не скрыл от меня, что он будет, вероятно, вынужден конфиденциально запросить отсутствующего в настоящее время здешнего португальского посланника относительно основательности слухов об англо-португальском соглашении.

Шевич.

23. Депеша посла в Мадриде Шевича товарищу министра иностранных дел гр. Ламздорфу от 3 (15) октября 1898 г. № 85.

Милостивый государь

граф Владимир Николаевич.

По поводу прибытия в Мадрид из Гибралтара одного из высших чиновников английского военного министерства m-r Fleetwood Wilson министр иностранных дел сказал мне, что лицо это было послано английским правительством с целью «приискать на марокканских берегах удобную местность для постройки домов, необходимых для жен английских офицеров, квартированных в Гибралтаре, где испытывается будто бы большой недостаток в приличных для дам помещениях».

По сведениям, только-что полученным герцогом Альмодоваром из Танжера, местность эта уже была выбрана английским посланцем. Это город и порт Ларашь (El Arish) на северо-западном берегу Марокко, в незначительном расстоянии на юг от Танжера.

Повидимому, марокккское правительство не прочь согласиться на арендование Англией нужного для сказанных построек пространства, и министр иностранных дел не сомневается в том, что «дамские дома» в Лараше, если контракт будет действительно заключен, сделаются зародышем великобританского settlement'a, которое не замедлит принять вскоре размеры и характер морской станции.

Ввиду сего предположения герцог Альмодовар и счел нужным доверительно переговорить со мною о новых замыслах, приписываемых им Англии, на случай, если я признаю своевременным довести об оных до сведения императорского правительства.

Ко всему вышеизложенному не считаю излишним прибавить, что посетивший меня вчера же английский посол, опровергая слухи о том, что m-r Fleetwood Wilson послан сюда будто бы для переговоров по вопросу об испанских укреплениях вокруг Алжезирасской бухты, сказал мне, что сановник этот был командирован с единственной целью «при-

искать где-нибудь по близости» приличные помещения для офицерских дам гибралтарского гарнизона [1]).

Это заявление моего английского коллеги может служить косвенным подтверждением сведений и догадок испанского министра иностранных дел.

Шевич.

24. Секретная телеграмма посла в Париже кн. Урусова министру иностранных дел гр. Муравьеву от 25 октября (6 ноября) 1898 г. [2]).

Ввиду отсутствия Вильягонсало [3]) в Петербурге, у меня был испанский посол, который говорил со мною по поручению своего правительства о филиппинском вопросе. Испания надеется, что Европа, весьма заинтересованная в этом вопросе, предпримет шаги в Вашингтоне, чтобы напомнить об обязательстве, принятом на себя и не выполненном Соединенными Штатами. Прелиминарный мирный протокол оставлял ненарушимыми суверенные права Испании на архипелаг. Я ответил, что, по моему мнению, главная трудность при выполнении этой просьбы будет заключаться в вероятном отказе Англии присоединиться к подобным шагам [4]). Посол заметил, что он отдает себе отчет в справедливости этих возражений, но что, так как отношения между Испанией и Англией не позволяют первой обратиться непосредственно к английскому правительству, то мадридский кабинет надеется ,что Россия согласится позондировать почву в Лондоне в целях совместного выступления всех великих держав. Это — последний шанс, который остается у Испании.

Урусов.

25. Депеша посла в Мадриде Шевича товарищу министра иностранных дел гр. Ламздорфу от 8 (20) ноября 1898 г. № 91.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Из донесения моего от 14 (26) сентября с. г. за № 80 [5]) ваше сиятельство изволите припомнить, что возникший прошлым летом между

[1]) Бахерахт в доверительном письме от 26 ноября (8 декабря) 1898 г. на имя гр. Муравьева сообщил следующие сведения по поводу поездки Флитвуда Вильсона: „Указанное должностное лицо, принадлежащее к английскому военному интендантству, действительно этим летом приезжало инспектировать Гибралтарскую крепость, а отсюда нанесло визит английскому посланнику в Танжере, но, насколько я знаю из достоверного источника, на него не было возложено здесь никакой миссии. Слухи, идущие на этот счет из Мадрида, покоятся таким образом на мистификации. Вследствие этого мне не пришлось упомянуть о них".

[2]) Перевод с французского. На подлиннике помета Николая Романова: „России филиппинский вопрос, к счастью, не касается".

[3]) Испанский посол в Петербурге.

[4]) Позиция, занятая Англией в филиппинском вопросе, вызвала сильную тревогу в Мадриде, где подозревали наличие между Лондоном и Вашингтоном секретных переговоров о судьбе архипелага. Депешей от 24 октября (5 ноября) за № 89 Шевич сообщал о „нелишенных некоторого вероятия" слухах, упорно циркулировавших в Мадриде, согласно которым „Соединенные Штаты непрочь согласиться на предложения, якобы сделанные Англией, поменяться с нею колониями, т. е. уступить ей вновь захваченный Филиппинский архипелаг взамен английской Антильи". Депешей от 17 (29) ноября за № 92 Шевич уточнил эти сведения, говоря, что „Филиппинским островам едва ли миновать рано или поздно сделаться достоянием Великобритании взамен Ямайки, которую она с готовностью уступит Соединенным Штатам".

[5]) См. № 21.

испанским и английским правительствами инцидент по поводу укреплений вокруг Алжезирасской бухты, был, повидимому, улажен посредством фактического выполнения Испанией требований Англии касательно разоружения батарей и предоставления «всем желающим осмотреть занимаемую укреплениями местность» права это делать беспрепятственно.

С тех пор англо-испанский инцидент казался покончен ным — «разве», как я прибавлял в вышеупомянутом донесении моем, «английское правительство потребует еще от Испании какого-нибудь удостоверения или формальной гарантии в том, что и впредь не будут возводиться укрепления в окрестностях Гибралтара».

Оговорка эта оказалась ныне вполне основательной. Как ваше сиятельство изволили усмотреть из вчерашней секретной телеграммы моей [1]), акредитованный здесь английский посол возобновил самым решительным образом свои требования относительно испанских укреплений, предлагая на этот раз здешнему правительству заключить с Англией договор, в силу коего испанское правительство обязалось бы не вооружать батарей орудиями большого калибра на расстоянии до 7 морских миль вокруг Гибралтара и предоставило бы английскому правительству право «инспектировать» укрепления в пределах вышеупомянутого расстояния.

До крайности встревоженный этим заявлением, сделанным ему третьего дня, министр иностранных дел пригласил меня в тот же день навестить его и на свидании, состоявшемся между нами вчера в министерстве иностранных дел, сообщил мне доверительно следующие подробности.

В последних числах истекшего октября английский посол сделал испанскому правительству предложение заключить «договор», в силу коего Испания обязалась бы:

1) оказать Англии помощь в случае войны,

2) не возводить укреплений на расстоянии 7 морских миль вокруг Гибралтара,

3) разрешить Англии вербовать войска на испанской территории.

Взамен вышеизложенных условий великобританское правительство взяло бы за себя обязательства:

1) защищать Алжезирасскую бухту против нападения со стороны другой державы,

2) защищать также Балеарские и Канарские острова

«Одним словом английский протекторат, великодушно предлагаемый Испании» — прибавил герцог Альмодовар.

Предложение английского посла было немедленно отвергнуто испанским правительством, которое отвечало, что, чувствуя себя достаточно сильным, чтобы защищать на суше свой нейтралитет против какого бы то ни было покушения, оно согласилось бы лишь на следующие условия:

1) обязательство со стороны Испании защищать с оружием в руках на суше [2]) нейтралитет свой в случае войны,

2) обязательство со стороны Англии воздержаться от всяких военных операций на испанской территории, как на полуострове, так и на островах,

---

[1]) Содержание телеграммы Шевича от 7 (19) ноября покрывается публикуемой депешей.

[2]) Подчеркнуто в подлиннике.

3) на случай, если другая держава пыталась бы нарушить нейтралитет Испании, то Англия обязалась бы оказать Испании содействие своего флота, но только по просьбе испанского правительства[1]).

Как объяснил мне далее министр иностранных дел, сэр Друммонд Вольф, повидимому, не удовольствовался контр-предложением испанского правительства и выступил вперед третьего дня, как я уже сказал ранее, с окончательным предложением о «договоре» на основах, изложенных в начале настоящего донесения. Сообщая мне об этом новом важнейшем фазисе англо-испанского инцидента касательно Гибралтара, министр иностранных дел убедительно просил меня довести об оном до сведения императорского правительства, причем он не скрыл от меня, что отношения Испании к Англии приняли ныне крайне критический характер, так как он не сомневается в том, что в самом непродолжительном времени английское правительство потребует в виде ультиматума категорического ответа на последнее предложение свое о договоре.

Если великие державы не сочтут возможным и в этом вопросе оказать Испании нравственную поддержку, то, по словам герцога Альмодовара, испанскому правительству не останется иного исхода, как преклониться перед волей Великобритании, как оно делает теперь по отношению к требованиям Соединенных Штатов, и подписать навязываемый ему ныне договор, который не замедлит, по его глубокому убеждению, принять в недалеком будущем характер и форму предъявленного ему английским послом две недели тому назад союзного проекта, главные пункты коего он мне сообщил.

«Если великим державам, имеющим в Средиземном море столь важные интересы, безразлично, чтобы море это сделалось английским озером, то не Испании судить, насколько последняя случайность совместима с этими интересами. Для нас настал психологический момент, может быть, важнейший в истории Испании; придется вскоре решить, следует ли нам продолжать разыгрывать роль хранителя ключа Средиземного моря и в то же время независимости Испании, или, покорившись жестокой необходимости — de guerre las, — броситься в объятия Англии, как это, несомненно, сделают Португалия и все прочие мелкие государства, доживающие свой век[1]), по красноречивому, несколько раз повторенному изречению маркиза Сольсбери».

«От великих держав зависит теперь дальнейшее решение Испании в вопросе о своей самостоятельности и о своем политическом значении в Европе»,—заключил министр иностранных дел, прибавив, что он не преминул сегодня же уведомить обо всем этом представителей Франции и Германии, которые обещали ему безотлагательно поставить свои правительства в известность относительно настоящего положения Испании.

Я заявил министру иностранных дел о готовности моей уведомить императорское правительство о случившемся, причем заметил, что Россия, при всем своем желании быть приятной Испании и вместе с тем

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.
[2]) В речи, произнесенной Сольсбери в „Примроз Лиг". См. стр. 9.

избегнуть осложнений, могущих чем-либо нарушить политическое положение и status quo на Средиземном море, едва ли сочтет однако возможным принять на себя инициативу какого-нибудь предложения, имеющего целью помешать заключению обоюдного соглашения между Испанией и Англией, тем более, что из слов министра иностранных дел я мог заключить, что испанское правительство уже изъявило свое согласие на некоторые пункты такого соглашения.

Германский посол сказал мне вчера вечером, что, считая сообщения министра иностранных дел очень важными, он немедленно телеграфировал об оных статс-секретарю Бюлову в Полу, куда сей последний имеет прибыть с императором Вильгельмом [1]).

Шевич.

Ввиду сложности и некоторой неясности в показаниях министра иностранных дел, я просил его изложить письменно переданные им мне сведения, что и было сделано вчера вечером герцогом Альмодоваром, пославшим мне краткую записку, копию коей считаю долгом представить у сего на усмотрение императорского министерства.

Шевич.

Записка, сообщенная тайному советнику Д. Е. Шевичу испанским министром иностранных дел [2]).

19 [7] ноября 1898 г.

В прошлом августе великобританский посол поднял вопрос об укреплениях, которые, по его словам, могут угрожать Гибралтарской крепости. Он подтвердил свои замечания ссылкой на права, предоставляемые, по его мнению, Англии Утрехтским трактатом [3]), а также на то обстоятельство, что испанское правительство признало себя обязанным не возводить в Алжезирасской бухте укреплений, которые могли бы быть использованы когда-либо для враждебных целей против Гибралтарской крепости и прилегающих к ней вод.

Утрехтский трактат говорит только о праве Англии беспрепятственно владеть Гибралтаром, а с английской точки зрения выходит, что таковым препятствием следовало бы признать возведение укреплений на испанском побережьи, имевшее место уже после заключения указанного договора в Линее и других пунктах бухты. Кроме того мнимое согласие испанского правительства не возводить военных сооружений не помешало ему сделать обратное в 1851 г. (цитируемый случай), причем в ответе своем на ноту лорда Пальмерстона испанское правительство подтвердило еще раз свои права; ввиду этого великобританский посол отказался от избранного им пути и, как казалось тогда, оставил вопрос открытым.

Второй период переговоров начинается с предложения посла, основные пункты коего следующие:

---

[1]) Бюлов сопровождал Вильгельма II в его путешествии в Константинополь и Палестину. В Мадриде рассчитывали, что Вильгельм посетит испанские порты Картахену и Кадикс 7 (19) и 8 (20) ноября. Однако 2(14) ноября германский посол в Мадриде Радовиц сообщил Шевичу, что Вильгелем II не собирается сходить с корабля на испанскую территорию.

[2]) Перевод с испанского. Заголовок подлинника.

[3]) Имеется в виду англо-испанский договор от 13 июля 1713 г.

1. Оказание помощи Великобритании во время войны.

2. Обязательство со стороны Испании не возводить ни укреплений, ни постоянных или временных батарей в полосе, радиусом в семь географических миль (каждая миля равна 1852 метрам), считая за исходную точку мавританский замок в Гибралтаре.

3. Предоставление Великобритании права набирать войска среди испанских подданных.

Согласие Испании на помощь Великобритании по защите:

а) Алжезирасской бухты против враждебных действий со стороны третьей державы и

в) по аналогичной защите Балеарских и Канарских островов.

Испанское правительство ответило отказом на всякий проект союза, подтвердив свое решение сохранять абсолютный нейтралитет, а также свою готовность всегда гарантировать границы соседних с ним наций против опасных для них нападений с испанской территории или вооруженными силами самой страны или иностранными силами, которые попытались бы нарушить нейтралитет Испании. Для этой цели Испания располагает более чем достаточной армией.

Для Испании представляется возможным предложить только следующие основы для соглашения:

1. Испания воздержится от нападения и не допустит третью державу напасть на Гибралтарскую крепость с испанской территории. Для поддержания уважения к ее нейтралитету она прибегнет к своей вооруженной силе, если это представится необходимым.

2. Великобритания воздержится от ведения военных операций на испанской территории, как континентальной, так и островной. Если третья держава вознамерится нарушить нейтралитет испанской территории, то Великобритания обязуется оказать помощь своими морскими силами всякий раз, как это будет испрашиваться испанским правительством.

Эти контр-предложения показались неудовлетворительными английскому правительству, которое вторично поставило вопрос, формулировав вновь свои притязания следующим образом.

Гарантия, требуемая правительством ее великобританского величества, заключается в том, чтобы Испания особым договором обязалась не помещать тяжелых орудий в пределах действительного обстрела Гибралтарской крепости и входящих в ее район местностей и предоставила бы указанному правительству право посылать морского офицера для осмотра сооружений, намеченных к возведению в пределах вышеупомянутого радиуса. Взамен этого Испанию запрашивают, что она желает получить от английского правительства в качестве компенсации.

26. Секретная телеграмма посла в Париже кн. Урусова министру иностранных дел гр. Муравьеву от 11 (23) ноября 1898 г.[1]).

Испанский посол сделал, по поручению своего правительства, Делькассе следующее сообщение.

Английское правительство предложило Испании заключить союзный договор, содержащий среди прочих условий гарантию Англией

[1]) Перевод с французского.

нейтралитета Испании в возможных будущих осложнениях. Ввиду того, что мадридский кабинет отклонил это предложение, Англия возобновила свои требования относительно Алжезираса. Она требует уступки зоны в 12 километров вокруг Гибралтара и права контролировать фортификационные работы Испании в Алжезирасе, обещая взамен этого компенсацию, подлежащую в дальнейшем определению. Испания опасается, что если она окажет сопротивление, то Англия прибегнет к силе и, сверх того, овладеет Цеутой. Она обращается за покровительством к Европе.

Французский министр иностранных дел дал уклончивый ответ, заявив, что Франция эвентуально присоединилась бы к единодушному выступлению держав и что, по его мнению, Германия находится в особо счастливых условиях, чтобы взять на себя инициативу предложения.

Мне лично министр иностранных дел поведал, что он крайне встревожен этим новым доказательством дерзостного поведения Англии. Он просил меня передать вам его мнение, что мы не только не должны думать об инициативе, но должны отнестись с крайней осторожностью к самой идее простого участия в коллективном шаге, так как, если Англия ищет повода для ссоры, то она в первую очередь имеет в виду нас.

Урусов.

27. Выдержка из письма посла в Париже кн. Урусова министру иностранных дел гр. Муравьеву от 12 (24) ноября 1898 г.[1]).

... Настроение во Франции продолжает быть весьма тревожным в связи с внешним политическим положением. Здесь ожидают войны и даже к ней готовятся. Члены правительства и прежде всего сам г. Делькассе настроены пессимистически. Соображения министра иностранных дел по поводу отношений между Испанией и Англией, которые я изложил в моей секретной телеграмме, посланной вчера вечером, свидетельствуют о крайней тревоге, царящей здесь. Решено избегнуть вооруженного конфликта, но здесь полагают, что если Великобритания откажется от повода для ссоры с Францией, то она обернется в сторону России. Под впечатлением этих опасений многие здесь обращают свои взоры в сторону Германии, не как к союзнице, но вследствие уверенности, что от этой державы главным образом зависит сохранение мира.

Тем временем, как мне доверительно сообщил г. Делькассе, здесь приводят в полную боевую готовность морские порты. Было будто бы принято решение, что в случае войны с Великобританией французский флот останется под защитой крепостной артиллерии.

Урусов.

---

[1]) Перевод с французского. Начало письма содержит в себе сведения о пребывании в Париже Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны Романовых, приезжавших из Дармштадта в Лондон.

28. Письмо посла в Берлине гр. Остен-Сакена министру иностранных дел гр. Муравьеву от 27 ноября (9 декабря) 1898 г.[1]),

Дорогой граф.

Мне очень хотелось бы в совершенно доверительном порядке изложить вам причины, побудившие меня послать вам мою последнюю шифрованную телеграмму[2]).

Совершенно бесспорен тот факт, что английские вооружения, цель которых трудно предугадать, доминируют в настоящее время над всем положением в Европе и вносят в него смуту.

Я склонен думать, что сен-джемский кабинет еще сам, может быть, не знает, на что будут направлены его вооружения, так как в настоящий момент он занят предварительным подыскиванием континентальной державы, которая согласилась бы предоставить в его распоряжение свои военные силы.

Именно этому обстоятельству и приписываю я давление в форме угроз, произведенное Англиею на мадридский кабинет, чтобы заставить последний оказать ей свое содействие в случае войны или, по крайней мере, разрешить ей произвести набор наемных войск в Испании. Повидимому, пареллельные шаги предприняты ею также и в Португалии.

Нет сомнения, что идеальным решением для сен-джемского кабинета было бы привлечение Германии на свою сторону. Не подлежит также никакому сомнению, что он пытался этого достигнуть. В одной из недавних бесед моих с Бюловым последний дал мне как бы понять, что заигрывания Англии с Германией не ограничивались одними только косвенными намеками английских государственных людей в их частных публичных выступлениях. Одновременно с этим он заверил меня, что, пока он будет играть роль в коронном совете, а его монарх будет благосклонно прислушиваться к его голосу, он приложит все старания, чтобы сохранить в силе принятую линию поведения, сводящуюся к тому, чтобы по мере возможности действовать согласно с нами.

Итак, ввиду той реальной опасности, которая угрожает Европе в связи с темными замыслами Англии и мощными вооружениями, было бы вполне целесообразно, не жертвуя ничем из основных линий нашей внешней политики, — охранять наши интересы здесь, поддерживая мелкими проявлениями личного внимания по отношению к императору Вильгельму его доброе расположение к нам.

Он всегда бывает так тронут этим последним. Впрочем, я предоставляю эту идею всецело на ваше усмотрение. Судя по тому чувству крайнего удовлетворения, которое проявил Бюлов, получив выражение вашей признательности позавчера[3]), всякий знак вежливости или пре-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Остен-Сакен, вероятно, имеет в виду свою телеграмму от 24 ноября (6 декабря), в которой он сообщал о намерении Вильгельма II в тронной речи заявить о сочувствии его предложению Николая Романова созвать конференцию по ограничению вооружений.

[3]) Речь идет о выполнении Остен-Сакеном инструкции, переданной ему телеграммой Муравьева от 25 ноября (7 декабря). В последней Муравьев поручал Остен-Сакену „при удобном случае" сообщить Бюлову, что „все высказанное германским императором" в тронной речи по поводу выступления Николая Романова „в видах упрочения всеобщего мира" произвело „весьма благоприятное впечатление на императорское правительство".

дупредительности принесет свои плоды. «Ах! — воскликнул он, — я тотчас извещу об этом императора. Он будет весьма доволен!».

Остен-Сакен.

29. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 29 ноября (11 декабря) 1898 г. № 96.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

На третьяводнешнем дипломатическом приеме министра иностранных дел английский посол возобновил требования, о которых я довел до сведения императорского министерства донесением от 8 (20) ноября с. г. за № 91[1]), относительно согласия испанского правительства на документальное подтверждение обязательства не возводить вокруг Гибралтара укреплений, вооруженных орудиями большого калибра. Однако на этот раз, как мне передал полчаса спустя герцог Альмодовар, сэр Г. Друммонд Вольф во врученном им меморандуме не упомянул о калибре орудий, а ограничился требованием «не иметь вовсе укреплений вокруг Алжезирасской бухты», причем он прибавил, что в случае, если ответ испанского правительства по каким бы то ни было причинам слишком замедлится, то он будет вынужден сделать новое, на этот раз официальное заявление в том смысле, что «ввиду опасности, коей подвергается Гибралтар, Англия должна будет принять меры для самозащиты».

Меры эти, по убеждению министра иностранных дел, будут состоять в том, что англичане займут расположенные вокруг Алжезирасской бухты местности. В подтверждение такого предположения мой собеседник прибавил, что находящиеся ныне и доведенные до максимальных размеров английские войска в Гибралтаре, по его сведениям, уже распределены по назначениям: так, сформированные вновь батальоны носят названия «Пунта Карнеро», «Сиерра Карбонера», «Пунта Мала» и т. д.

Герцог Альмодовар полагает, что приготовления, делаемые Англией в Гибралтаре, а главное — поспешность и настойчивость требований ее относительно согласия Испании на предлагаемую ей конвенцию явно указывают на возможность того, что война с Францией — дело, если не предрешенное, то, во всяком случае, серьезно предусматриваемое англичанами.

Шевич.

30. Письмо генерального резидента в Танжере Бахерахта министру иностранных дел гр. Муравьеву от 15 (27) декабря 1898 г.[2]).

Весьма доверительно.

Мой испанский коллега г. де Охеда вернулся сюда несколько дней тому назад из Парижа, выполнив поручение временного харак-

---

[1]) См. № 25.
[2]) Перевод с французского.

тера, возложенное на него в качестве генерального секретаря конференции по заключению мира [1]).

При своем проезде через Мадрид г. де Охеда имел длинную беседу с министром иностранных дел, поведавшим ему о тревогах, вызываемых позицией, недавно занятой Англией по отношению к Испании.

Ободренный своим успехом в фашодском деле, лондонский кабинет сильно повысил тон, требуя от испанского правительства прекращения работ по укреплению высот, господствующих над Гибралтаром, и отказа от целого плана береговой обороны, в который, между прочим, входил проект создания спасательного порта в Тарифе, подлинном стратегическом ключе, расположенном при входе в пролив против Танжера.

Из всего поведанного мне г-ном де Охеда явствует, что британские угрозы сопровождаются проявлением любезностей и намеками, позволяющими догадаться, что, если бы Испания выразила готовность отказаться от шагов, признаваемых стеснительными для положения Англии в Гибралтарском проливе, и если бы Испания согласилась войти в орбиту английской политики, последняя компенсировала бы ее, пойдя с ней рука об руку в Марокко [2]).

Я не упустил случая обратить внимание моего собеседника на опасности, которые возникли бы для Испании, если бы эта последняя отнеслась с доверием к заигрываниям «коварного Альбиона», политика которого во все времена состояла в захвате и эксплоатации, а отнюдь не в том, чтобы давать другим.

На это мой коллега мне ответил, что, не находя нигде себе поддержки, Испания, может быть, не имеет другого выбора, так как враждебность Англии представляется по настоящему времени слишком грозным фактом. Ваше сиятельство несомненно достаточно осведомлены г. Шевичем о всех шагах и происках Англии в Мадриде.

Тем не менее я не счел себя в праве умолчать о моем разговоре с испанским посланником. Он мне кажется тем более симптоматичным, что до сих пор г. де Охеда всегда выступал передо мною в роли убежденного сторонника сближения своей страны с Францией и Россией.

В. Бахерахт.

---

[1]) Мирный договор между Испанией и Соединенными Штатами был подписан в Париже 10 декабря 1898 г. В первых двух статьях его Испания отказывалась от своих суверенных прав на остров Кубу и уступала Соединенным Штатам Порто-Рико и другие Вест-Индские острова, а также остров Гуам в Марианском архипелаге. Статьей третьей договора Испания соглашалась продать Соединенным Штатам острова Филиппинского архипелага за сумму в 20 млн. долларов.

[2]) В книге испанского историка международных отношений Херонимо Бекера „История Марокко" („Historia de Marruecos", Мадрид, 1915 г., стр. 415) указывается, что кабинет Сагасты незадолго до своего падения довел до сведения английского правительства о готовности Испании „установить чистосердечные и вполне корректные взаимоотношения с Англией по вопросу о действиях обеих наций для поддержания статус кво в Марокко". Одновременно с этим испанское правительство будто бы заявило, что „обязательства, взятые на себя мадридским кабинетом в Европе, не имеют другого объекта, кроме защиты абсолютной неприкосновенности Марокканской империи, и что оно готово доказать это Англии путем присоединения Испании к любой политике, ставящей своею целью противодействовать всякому изменению существующего статус кво в пользу какой-либо нации". По словам Херонимо Бекера, „последствия этого шага не замедлили сказаться, так как через несколько дней стали обнаруживаться явные симптомы улучшения отношений с Англией". Кабинет Сагасты однако не успел оформить достигнутых им результатов.

31. Секретная телеграмма министра иностранных дел гр. Муравьева послу в Мадриде Шевичу от 29 декабря 1898 г. (10 января 1899 г.) № 370.

По сведениям, полученным нами из Марокко, испанское правительство крайне озабочено предъявленными будто бы Англией настоятельными требованиями о том, чтобы испанские власти прекратили начатые работы как по береговым укреплениям, господствующим над Гибралтаром, так и по оборудованию порта в Тарифе.

Если бы испанское правительство, во избежание опасных и весьма нежелательных недоразумений с Англией по сему вопросу, пожелало бы обратиться к миролюбивому посредничеству держав через австрийского императора, как ближайшего родственника королевы-регентши, то императорское правительство со своей стороны готово было бы оказать всяческую поддержку к благоприятному для Испании разрешению этих недоразумений. С нашей точки зрения подобное проявление солидарности великих континентальных держав могло бы иметь вообще большое значение.

При этом, дабы таковое посредничество могло осуществиться, было бы желательно, чтобы испанское правительство не медлило с обращением к австрийскому императору, пока возникшие недоразумения с Англией не приняли еще того острого характера, который затруднил бы всякое иностранное вмешательство в это дело.

Благоволите, при первом удобном случае, весьма доверительно внушить эту мысль королеве или министру иностранных дел.

При этом не теряйте из виду, что мы отнюдь не желали бы, чтобы инициатива в этом деле приписана была России [1]).

Муравьев.

32. Секретная телеграмма посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 2 (14) января 1899 г. [2]).

Ответ на вашу телеграмму от 30 декабря [3]).

Сообщил доверительно позавчера королеве-регентше и министру иностранных дел мысль, внушенную императорским кабинетом. Ее величество выразила мне свою глубокую благодарность. Вчера Альмодовар ответил мне в следующих выражениях.

Испанское правительство, глубоко признательное за внушенный ему совет, с большой готовностью принимает идею миролюбивого посредничества великих континентальных держав в затруднениях, возникших между Испанией и Англией. Однако он предусматривает опасность холодного приема со стороны остальных держав даже в том случае, если бы Австрия заявила о своей готовности поддержать проект. В таком случае пришлось бы опасаться, что, если бы проект потерпел неудачу и об этом проведала Англия, Испания оказалась бы по отно-

---

[1]) В черновике телеграммы последняя фраза, непосредственно следовавшая за словами: „... или министру иностранных дел", читалась следующим образом: „предпоставив на вид герцогу Альмодовару необходимость во всяком случае сохранить в тайне инициативу нашего настоящего предложения".

[2]) Перевод с французского.

[3]) Шевич имеет в виду предшествующую телеграмму Муравьева от 29 декабря 1898 г. (10 января 1899 г.), которую неправильно датирует 30 декабря (11 января). Ср. депешу Шевича от 3 (15) января за № 1.

шению к этой последней в положении еще более опасном, чем то, которое в настоящий момент хотят предотвратить. Альмодовар полагает, что согласие Германии было бы особенно необходимо, и выражает робкую надежду, что императорский кабинет, вероятно, уже зондировавший почву, сочтет возможным предварительно осведомить испанское правительство об общем настроении держав. Альмодовар утверждает, что со времени последних английских предложений от начала ноября, о которых я подробно доносил в своей документированной депеше от 8 ноября за № 91 [1]), содержащей в себе, сверх того, почти отчаянный призыв Альмодовара к дружеским чувствам держав, здесь не было предпринято никаких новых шагов ни с той, ни с другой стороны. Ввиду этого мне остается предположить, что информация, полученная императорским министерством из Марокко, подавшая в настоящий момент повод для моих инструкций от 30 декабря, просто касалась положения, создавшегося в предшествовавший период и о котором я уже уведомлял. Впрочем эта информация, хотя и достаточно расплывчатая, вполне совпадает с моею, за исключением ошибочного указания относительно Тарифы, никогда не являвшейся предметом каких бы то ни было переговоров.

Шевич.

33. Секретная телеграмма министра иностранных дел гр. Муравьева послу в Мадриде Шевичу от 3 (15) января 1899 г. № 1 [2]).

Получил телеграммы от 31 декабря [3]) и 2 января.

Все перечисленные вами донесения ваши в свое время обратили на себя внимание императорского министерства.

В телеграмме моей от 29 декабря вам поручалось внушить королеве-регентше или Альмодовару мысль на случай, если бы Испания действительно находилась накануне опасных политических осложнений, — обратиться к посредничеству не всех [4]) континентальных держав, а императора австрийского, от которого уже зависели бы дальнейшие шаги к приглашению России, Франции, Италии и Германии принять участие в таковом миролюбивом посредничестве.

В заключение моей телеграммы я поручил вам не терять из виду, что, внушая изложенную мысль о посредничестве по чувству искренних симпатий к испанскому правительству и беспристрастного отношения к настоящему политическому вопросу, Россия отнюдь не желала бы принимать на себя не только инициативу в каком бы то ни было воздействии на другие державы с целью склонить их к вмешательству в дело англо-испанских затруднений, но даже и в побуждении самой Испании обратиться к посредничеству.

---

[1]) См. № 25.

[2]) На телеграмме имеется помета: „Доложено в Царском Селе 3 января 1899 г. На подлинном высочайшая помета: „Да".

[3]) В телеграмме от 31 декабря 1898 г. (12 января 1899 г.) Шевич перечислял все те свои секретные телеграммы и донесения, которыми он информировал министерство по поводу испано-английского конфликта из-за укреплений в районе Гибралтара, и сообщал, что все эти документы были прочтены им Бахерахту во время посещения последним Мадрида в ноябре 1898 г.

[4]) Набранное здесь и далее разрядкой подчеркнуто в подлиннике.

Если же испанское правительство опасается, что обращение его к посредничеству не будет иметь успеха, то, конечно, было бы благоразумнее воздержаться от подобных поступков [1]).

Муравьев.

34. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 3 (15) января 1899 г. № 1.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Имев честь получить секретную телеграмму вашего сиятельства от 30 декабря пр. г. [2]), заключавшую в себе инструкции, основанные на сведениях, полученных императорским министерством из Марокко касательно инцидента, вызванного требованиями Англии о прекращении производимых испанскими властями работ по береговым укреплениям вокруг Гибралтара, я воспользовался первым удобным случаем, представившимся 12 января (31 декабря), чтобы весьма доверительно сообщить ее величеству королеве-регентше и министру иностранных дел мысль императорского кабинета относительно возможного улажения возникших затруднений, причем я не преминул выставить на вид, что было бы, во всяком случае, крайне нежелательно, чтобы инициатива в этом деле была приписана России.

Как ваше сиятельство изволите усмотреть из вчерашней ответной секретной телеграммы моей [3]), ее величество изволила выразить мне свою глубокую признательность за благосклонное желание наше оказать Испании услугу и прибавила, что немедленно посоветуется со своими министрами касательно нашего предложения. Министр иностранных дел просил меня зайти к нему на следующий день для получения ответа испанского правительства.

Третьего дня я имел с герцогом Альмодоваром продолжительное свидание, о результатах коего я, равным образом, имел честь довести до сведения вашего сиятельства вышеупомянутой телеграммой.

Министр иностранных дел сказал мне, что испанское правительство проникнуто чувством глубочайшей благодарности за внушенную императорским кабинетом мысль, которую оно с готовностью принимает («qu'il accepte avec empressement»), но выполнение коей на практике могло бы представить, по его мнению, некоторые неудобства (неудобства эти изложены во вчерашней секретной телеграмме моей, и я не считаю возможным повторять оные в настоящем донесении, отправленном по почте), ввиду чего герцог Альмодовар выразил мне надежду «ce n'est peut être pas trop téméraire d'espérer», — сказал он, «что императорское правительство уже зондировало намерения прочих кабинетов, особенно берлинского, и, быть может, соблаговолит сообщить испанскому правительству результаты своих наблюдений, прежде чем сие последнее решится предпринять указываемые Россией шаги». «Мое предположение, — прибавил мой собеседник, — казалось бы тем более правдонодобным, что с тех пор, как вы уведомили ваше правительство о критическом положении, в коем очутилось

---

[1]) Словом „поступы" царские дипломаты передавали слово „démarches".
[2]) См. стр. 50, прим. 3.
[3]) См. № 32.

испанское правительство вследствие настойчивых требований Англии в начале прошлого ноября о заключении с нею конвенции касательно Гибралтара, прошло около двух месяцев, в течение коих императорский кабинет имел достаточно времени приготовить почву для приведения в исполнение своих великодушных по отношению к Испании намерений».

Я выслушал молча замечание министра иностранных дел, так как мне казалось немыслимым сознаться ему, что последние инструкции вашего сиятельства были вызваны не моими донесениями, а сведениями, полученными ныне императорским министерством из Марокко относительно тех самых событий и того же самого положения, о коих подробно и обстоятельно было донесено в свое время императорским послом в Мадриде, — лицом, наиболее компетентным во всех вопросах, касающихся Испании и ее политических превратностей.

Сдержанность моя в этом случае была тем более объяснима, что никаких новых осложнений в англо-испанском инциденте касательно Гибралтара, о которых могло бы быть известно в Марокко, в действительности здесь не представлялось с тех пор, как английский посол сделал 9 декабря (27 ноября) последнее заявление свое, о коем я довел до сведения вашего сиятельства донесением от 11 декабря (29 ноября пр. г., за № 96 [1]).

Расставаясь со мною, министр иностранных дел выразил снова надежду, что императорское правительство соблаговолит сообщить испанскому правительству те дополнительные сведения касательно намерений прочих великих континентальных держав, которые позволили бы ему приступить к исполнению благосклонного внушения императорского кабинета.

Шевич.

35. Секретная телеграмма посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 5 (17) января 1899 г.

Получил телеграмму от 3 января [2]).

Приказания ваши, заключающиеся в телеграммах от 29 декабря [3]) и 3 января, были мною точно исполнены, причем оба раза категорически заявлено как королеве-регентше, так и Альмодовару, что о какой бы то ни было инициативе России в настоящем деле не может быть и речи. Альмодовар отлично понял добавочные пояснения последней телеграммы вашей и сказал мне, что, вероятно, воздержится вовсе от обращения к посредничеству австрийского императора.

Шевич.

---

[1]) См. № 29.
[2]) См. № 33. Слова: „получил телеграмму от 3 января" — перевод с французского.
[3]) См. № 31.

36. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 5 (17) января 1899 г. № 2.

Милостивый государь

граф Михаил Николаевич.

Как я имел честь уведомить императорское министерство моими секретными телеграммами от 2 [1]) и 5 января [2]) и донесением от 15 (3) января с. г. за № 1 [3]), приказания, заключавшиеся в телеграммах вашего сиятельства от 29 декабря [4]) и 3 января [5]), были мною точно исполнены, причем я не упустил оба раза категорически заявить как королеве-регентше, так и обязательно привлеченному к этому делу министру иностранных дел, что о какой бы то ни было инициативе России в настоящем случае не может быть и речи.

Если я воспользовался, согласно предписанию вашего сиятельства от 29 декабря, первым удобным случаем, чтобы сообщить здесь указанную моими инструкциями мысль, несмотря на то обстоятельство, что в англо-испанском недоразумении усматривается ныне минутное кажущееся затишье, то сделал я это потому, что в вышеупомянутой телеграмме вашего сиятельства от 29 декабря прямо сказано: «дабы подобное посредничество могло осуществиться, было бы желательно, чтобы испанское правительство не медлило с обращением к австрийскому императору, пока возникшие недоразумения с Англией не приняли еще того острого характера, который затруднил бы только иностранное вмешательство в дело».

Дополнительные пояснения и соображения, заключающиеся в телеграмме вашего сиятельства от 3 января, были мною вчера же сообщены министру иностранных дел, который вполне проникся основательностью оных и удостоверился, что относительно мнения других держав о внушенной нами испанскому правительству мысли мы не могли иметь никаких сведений, так как за исключением императорского правительства и испанского кабинета ни одна из держав не могла знать ничего о сделанном нами здесь внушении.

Герцог Альмодовар еще раз выразил мне признательность испанского правительства за теплое отношение наше к затруднительному положению, в коем находится Испания, но не скрыл от меня, что ввиду неизвестности касательно взгляда на этот вопрос прочих держав, а также принимая в соображение то обстоятельство, что австрийский император относится вообще довольно сдержанно к испанским делам, правительство едва ли решится обратиться к его посредничеству, не имея хотя бы некоторой перспективы успеха.

В заключение настоящего донесения не считаю излишним прибавить, что в течение нашего вчерашнего разговора с герцогом Альмодоваром я напомнил ему, между прочим, что на настоятельную просьбу, с коей он обратился ко мне 7 (19) ноября пр. г. довести до сведения императорского правительства о критическом положении, в коем находилось в ту минуту испанское правительство вследствие решительных

---

[1]) См. № 32.
[2]) См. № 35.
[3]) См. № 34.
[4]) См. № 31.
[5]) См. № 33.

требований английского посла, я отвечал, как явствует из донесения моего от 8 (20) ноября пр. г. за № 91 [1]), следующим образом: «Я заявил министру иностранных дел о готовности моей уведомить императорское правительство о случившемся, причем заметил, что Россия, при всем своем желании быть приятной Испании и вместе с тем избегнуть осложнений, могущих чем-либо нарушить политическое равновесие и status quo в Средиземном море, едва ли сочтет однако возможным принять на себя инициативу какого-нибудь предложения, имеющего целью помешать заключению обоюдного соглашения между Испанией и Англией».

Шевич.

37. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 12 (24) 1899 г. № 4.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Личный орган вождя консервативной партии г. Сильвелы, газета «El Tiempo», воспроизвел на-днях, без всяких комментариев, корреспонденцию из Лондона, заключающую в себе разговор между одним «испанским государственным человеком» и каким-то английским лордом, «близко стоящим к правительству», в котором последний изложил перед первым мысли свои касательно интимного союза Испании с Англией.

Английский лорд довольно беззастенчиво утверждает в этом разговоре, что так как Англия в интересах своей африканской политики нуждается в союзе с Испанией, единственной европейской державой, способной предоставить в ее распоряжение хорошо дисциплинированное сухопутное войско, то она должна будет всеми средствами добиваться этого результата, даже если бы для сего ей пришлось прибегнуть к угрозам и к принудительным мерам.

«Мы знаем, — продолжает английский лорд, — что в Африке теперь сосредоточивается вся будущность Европы и что Индия выскальзывает из наших рук [2]). В Египте, в Марокко и в Центральной Африке нам приходится ныне защищать жизненные интересы Англии, для чего нам необходимо вооруженное содействие Испании, единственной державы, не имеющей никаких связей с так называемым европейским концертом. С нашей стороны мы взялись бы защищать Испанию с моря, а что касается сухопутных границ ее, то, не говоря уже об испытанном мужестве испанцев у себя дома, Англия оказала бы Испании финансовую помощь, чтобы дать ей возможность укрепить свои границы и восстановить равновесие своего бюджета». В заключение «английский лорд» говорит своему собеседнику, что «в Африке Испания должна итти или с Англией или против нее». Консервативная же газета «Ероса», воспроизводя корреспонденцию «El Tiempo», замечает, что «заявления и соображения английского лорда следует подвергнуть тщательной проверке», так как не надо забывать, что содействие Испании в Марокко, в силу оборонительного и наступательного союза с Анг-

[1]) См. № 25.
[2]) Подчеркнуто в подлиннике.

линею, было бы направлено прямо против Франции, с которой Испания не только связана узами дружбы и признательности, но должна серьезно считаться, так как со стороны Пиренеев она слишком уязвима.

«История, — заключает «Epoc», — учит нас тому, что Испания не должна покидать своего нейтралитета, разве неумолимые[1]) обстоятельства принудят ее это сделать».

Я счел небезынтересным довести до сведения императорского министерства о тенденции, существующей, повидимому, ныне в английских официальных политических сферах, склонить на свою сторону в вопросе об англо-испанском сближении симпатии испанской консервативной партии.

Кроме того от внимания вашего сиятельства не ускользнет, конечно, тот факт, что соображения и планы «английского лорда» почти тождественны с проектом союза, предъявленным здесь прошлой осенью английским послом, о котором я имел честь уведомить императорское министерство донесением от 20 (8) ноября пр. г. за № 91[2]).

Шевич.

38. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 12 (24) января 1899 г. № 6.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

В дополнение к донесению моему от 5 января с. г. за № 2[3]) и в подтверждение секретных телеграмм от 22(10) и 24(12) января[4]) считаю долгом уведомить ваше сиятельство, что ввиду уклончивых ответов, полученных испанским правительством из Вены и Берлина касательно инициативы в вопросе о международном посредничестве в деле англо-испанских недоразумений, мадридский кабинет, как мне сказал сегодня министр иностранных дел, до поры до времени отказывается от всякой мысли обратиться по этому поводу к великим континентальным державам, предпочитая, согласно совету французского правительства, придерживаться пока в настоящем вопросе политики терпеливости и выжидания.

Шевич.

39. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 15 (27) января 1899 г. № 7.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Вчера посетил меня английский посол и в течение продолжительного визита своего объяснил мне, в чем состоит в сущности в его на-

---

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.
[2]) См. № 25.
[3]) См. № 36.
[4]) Телеграммой от 22 (10) января 1899 г. Шевич передал Муравьеву, со слов Альмодовара, что председатель австро-венгерского совета министров и министр иностранных дел Голуховский, обещая Испании эвентуальную поддержку Вены, отклонил от себя всякую инициативу посредничества и посоветовал обратиться в Берлин. Шевич добавлял, что Альмодовар, по его сведениям, уже последовал этому совету. Телеграммой от 24 (12) января 1899 г. Шевич сообщил Муравьеву, что, ввиду отклонения берлинским кабинетом всякой инициативы, „испанское правительство в настоящий момент отказывается прибегнуть к посредничеству держав", тем более, что французское правительство также советует обождать с этим шагом.

стоящем фазисе англо-испанский инцидент по поводу испанских укреплений вокруг Гибралтара.

Сэр Г. Друммонд Вольф сказал, что после сделанного им здесь 9 декабря н. ст. заявления, о коем я довел до сведения императорского министерства донесением от 11 декабря (29 ноября) пр. г. за № 96 [1]), он более не возобновлял и не намерен возобновлять своих требований относительно испанских укреплений, так как по случаю сделанного им в то время шага он «ясно объяснил испанскому министру иностранных дел, что при первом появлении какой-нибудь опасности для Англии со стороны третьей державы английское правительство, не колеблясь ни минуты и без всяких дальнейших переговоров с Испанией, примет все надлежащие меры для фактического обеспечения безопасности Гибралтара». Мой собеседник прибавил, что меры эти будут, вероятно, состоять в том, что английские власти займут некоторые стратегические пункты на известном расстоянии от крепости, «не дожидаясь, чтобы пункты эти были заняты кем-нибудь другим».

Переходя затем к вопросу, сильно занимающему в настоящую минуту здешнее общественное мнение, о недавних указаниях, появившихся как в английских, так и в испанских газетах, относительно необходимости для Англии заключения союза с Испанией, мой английский коллега сказал, что все эти «тенденциозные нескромности» представляют собой, по его мнению, лишь пробные шары, пущенные английскими джингоистами, а также и испанскими консерваторами, «из коих некоторые действительно симпатизируют с Англией, а другие ради оппозиции либералам прочат новую иностранную программу, основанную на союзах».

Что же касается протелеграфированной сюда третьего дня из Лондона статьи газеты «Morning Post», рекомендующей установление с Испанией новой границы, имеющей, по мнению газеты, быть проведенной вдоль гребня Сиерры Карбонеры, то сэр Генри Вольф выразил убеждение, что подобное изменение границы не представляется в настоящую минуту необходимым, тем более, что согласно последнему заявлению, сделанному им герцогу Альмодовару, предохранительные со стороны Англии меры вроде рекомендуемой ныне газетой «Morning Post» должны быть во всякое время ожидаемы испанским правительством на случай каких-нибудь международных осложнений.

После английского посла навестил меня вчера же австрийский посол гр. Дубский и, заговорив о рассматриваемом газетами вопросе касательно соглашения с Англией, со свойственной ему парадоксальностью и манией противоречия, объяснил мне, что подобный союз нисколько не пугает его и что, напротив того, он полагает, что для «покинутой и презираемой всеми континентальными державами Испании» ничего другого не остается, как вверить свою судьбу Англии, которая, по крайней мере, сумеет поддержать ее и упрочить ее материальное благосостояние.

Для графа Дубского, не имеющего иной заботы, ни иной мысли — нужно сказать довольно бессознательной — как мирное преуспеяние во что бы то ни стало в течение еще 3-х лет правления королевы-регентши [2]), повидимому, довольно безразлично, какая судьба постигнет

---

[1]) См. № 29.

[2]) До 1902 г., т. е. до совершеннолетия Альфонса XIII.

континентальную Европу, когда Средиземное море сделается английским озером.

Нужно надеяться, что ее величество королева-регентша не разделяет относительно этого вопроса мнения австрийского представителя и что испанское правительство не перестанет твердо держаться принципа, исповедуемого до сих пор герцогом Альмодоваром, а именно, что Испания будет сопротивляться до последней крайности коварным внушениям Англии.

Шевич.

40. Депеша посла в Мадриде Шевича министру иностранных дел гр. Муравьеву от 12 (24) марта 1899 г. № 22.

Милостивый государь
граф Михаил Николаевич.

Из доверительного источника я узнал вчера, будто бы выехавший в прошлое воскресенье в Англию в кратковременный отпуск великобританский посол сэр Г. Друммонд Вольф успел перед отъездом добиться от испанского правительства формального заверения в том, что работы по укреплению стратегических пунктов вокруг Гибралтара будут окончательно приостановлены.

Я воспользовался сегодняшним дипломатическим приемом у министра иностранных дел, чтобы доверительно спросить его, правда ли, что вследствие состоявшегося, как я слышал, «соглашения» между Испанией и Англией по вопросам, вызвавшим прошлой осенью довольно щекотливые переговоры, возникший, было, в то время инцидент может ныне считаться оконченным.

Г. Сильвела[1]) отвечал, что никакого «соглашения» он с английским послом не заключал, но что ввиду невозможности продолжать вечные пререкания, служащие лишь к обострению взаимных отношений без всякой пользы и скорее в ущерб интересам Испании, он решился, по тщательном рассмотрении вопроса, оформить все словесные и конфиденциальные сообщения, неоднократно делаемые его предместником в ответ на периодические домогательства английского посла, резюмировав ныне в официальной ноте решения испанского правительства касательно обоюдного положения Испании и Англии в вопросе о Гибралтарском hinterland'e.

В документе этом, как мне весьма секретно сообщил министр иностранных дел, он прежде всего еще раз заявляет о твердом намерении испанского правительства строго держаться принципа полного права распоряжаться единственно по своему усмотрению как на своей территории, так и в территориальных водах Испании.

Далее г. Сильвела говорит в своей ноте, что, «по предварительному соглашению с военным министром», он может дать английскому правительству категорическое заверение в том, что испанское правительство не видит «пока» (pour le moment) никакой надобности продолжать возводить укрепления вокруг Алжезирасской бухты, тем бо-

[1]) В начале марта 1899 г. в Испании произошел правительственный кризис, и 4-го числа был образован новый, на этот раз объединенный либерально-консервативный кабинет под председательством лидера консерваторов Сильвелы, который занял также пост министра иностранных дел.

лее, что все внимание будет обращено ныне на капитальные работы для защиты Балеарских и Канарских островов, равно как и северо-западного побережья, причем однако, — прибавил мой собеседник, — Тарифа, относительно коей, впрочем, английское и испанское правительства никогда не обменивались никакими официальными, либо доверительными сообщениями, конечно, не будет включена в число соседних с Гибралтаром пунктов, предназначенных оставаться пока неукрепленными.

На ноту испанского правительства английский посол отвечал предъявлением телеграммы маркиза Сольсбери, в коей английский премьер принимает к сведению заявления испанского правительства и, констатируя благоприятный для Англии характер настоящего решения спорного вопроса — решения, основанного на более справедливом и правильном толковании Утрехтского договора, повторяет еще раз заявление, сделанное уже прежде герцогу Альмодовару, а именно, что английское правительство «на случай столкновения с третьей державой обязуется защищать в Алжезирасской бухте нейтралитет Испании».

Это «непрошенное обещание», — как выразился министр иностранных дел, — не показалось испанскому правительству достаточно важным, чтобы вызвать с его стороны возражения на английский ответ, который вследствие сего представляет собою в глазах г. Сильвелы заключительный фазис всего инцидента.

Мой собеседник выразил надежду, что настоящее примирительное решение позволит Испании спокойно заняться развитием внутренней программы консервативного министерства, с помощью коей оно может в скором времени оправиться от потерпенных ею несчастий.

Г. Сильвела прибавил, что в настоящее время общие условия европейской политики таковы, что едва ли можно предвидеть в скором будущем какой-либо новой группировки держав, к которой Испания могла бы присоединиться.

Министр иностранных дел, сообщив мне доверительно вышеизложенные сведения и соображения, поспешил дать мне снова уверения в том, что о никаких других соглашениях с Англиею относительно Гибралтарского hinterland'a или промена Гибралтара на Цеуту, «о чем говорили газеты», не было и речи между ним и английским послом. «Последняя сенсационная выдумка о промене особенно безрассудна,— прибавил г. Сильвела, — так как Англия, к несчастью нашему, никогда не выпустит Гибралтара из своих рук, как этого страстно желало бы громадное большинство испанского народа».

Шевич.

Джизакское восстание 1916 г.

События, которые разыгрались в Туркестане во второй половине 1916 г., в самый разгар провала царизма на военном фронте, несомненно должны рассматриваться, как один из моментов в подготовке революции 1917 г. Это ясно видно по всем ходу и характеру событий 1916 г. в Средней Азии, где широкие массы крестьянства и полупролетаризированных ремесленников города поднялись против царистского владычества.

Развитие капитализма в Туркестане перед революцией 1917 г. шло в условиях консервации старых докапиталистических форм эксплоатации. Это противоречие между развитием производительных сил и производственными отношениями явилось основной причиной того революционного взрыва, который охватил в 1916 г. ряд районов Узбекистана, Киргизии, Казакстана и др., перебросившись на ряд уездов Сибири, Нижнего Поволжья (Калмыкия) и Сев. Кавказа, где существовали сходные формы и характер эксплоатации коренного населения.

Начавшись с протеста против набора в тыловые части действующей армии, движение 1916 г. в дальнейшем превратилось в вооруженное восстание в ряде районов, затянувшись местами на несколько месяцев и потребовав отвлечения военных частей с фронта для его ликвидации.

За все время владычества в среднеазиатских колониях бывшая Российская империя не знала восстания подобного размаха. Это была первая крупная колониальная революция XX века, до сих пор недостаточно освещенная в нашей исторической литературе.

Публикация документов об отдельных этапах и районах движения только что начата. Помимо отдельных публикаций «Красного архива» (см. тт. XVI и XXXIV), появился также сборник документов, изданный Среднеазиатским научно-исследовательским институтом истории революции при Средазбюро ЦК ВКП(б) и Центрархивом УзССР «Восстание 1916 года в Средней Азии» (Ташкент, 1932 г.). Без таких публикаций чрезвычайно трудно дать достаточно полное освещение этого движения, а такое освещение имеет важное значение с точки зрения нашей борьбы с остатками еще недобитых классовых врагов. В первую очередь оно должно служить разоблачению великодержавного русского кулачества, возбуждающего национальную рознь и изображающего события 1916 г. в Средней Азии, как националистическое разбойничье движение против несчастных русских «культуртрегеров» и переселенцев, как реакционное движение, руководимое муллами и феодальными верхушечными слоями [1]). Вместе с этим, правдивое освещение событий 1916 г. должно ударить и по националистическому шовинизму туземных верхушечных слоев, раздувающих национальные моменты движения 1916 г. и замазывающих его классовую природу. Разработка истории восстания

[1]) См. об этом документы в моей книжке „15-летие восстания в Средней Азии".

в Средней Азии в 1916 г. несомненно имеет также очень важное значение, как опыт колониальной революции в эпоху империализма, уроки которого могут быть использованы и нашими товарищами из братских компартий за рубежом СССР, особенно в странах Востока.

Восстание в Джизакском уезде, документы которого публикуются ниже, было одним из наиболее ярких моментов в событиях 1916 г. в районах Узбекистана. Усмиритель восстания в Средней Азии в 1916 г. ген. Куропаткин назвал события в Джизакском уезде «открытым восстанием». Так оно и было на деле. По своей экономической структуре Джизакский уезд того времени должен быть отнесен к зерновым районам, причем площадь под зерновыми культурами доходила до 91 процента. В этом уезде важное значение также имели садоводство и особенно виноградарство. Утеснение местного населения шло по линии захвата земель в связи с подготовкой орошения Голодной степи. Значительную часть этих земель захватил представитель царской династии князь Н. К. Романов. Наряду с этим шел нажим на население по линии водопользования и лесопользования. Местное население не пускали в лес даже за хворостом. Режим пользования горными лесами для пастбищ год от году становился все суровей и суровей. В Джизакском уезде было также сильно развито кочевое киргизское скотоводство, причем русские переселенцы в Голодной степи захватывали наиболее ценные угодия кочевников.

Движение протеста против политики колонизаторов широко охватило как оседлые, так и полукочевые районы.

Усиливавшееся отнятием земель у местного населения и особым лесным режимом объясняются убийства во время восстания лесной стражи и партии статистиков министерства земледелия [1]). Близость Джизакского уезда к крупным центрам края, его расположение по линии железной дороги и вблизи орошаемой Голодной степи создавали для населения бо́льшую, чем в других районах Узбекистана, возможность культурного и политического развития. Буржуазные круги г. Джизака и отдельные их представители в волостях несомненно находились в связи с бухарскими панисламистами, и их влияние на движение нельзя недооценивать, хотя подтверждающих материалов по этому вопросу до сих пор разыскано очень немного.

Интересно отметить, что по персональной разверстке набора в тыловые отряды на Самаркандскую обл., в которую входил Джизакский уезд, падало 35 тыс. После протеста представителей администрации от хлопковых районов Туркестана, заявлявших, что набор в их районах может сорвать уборку хлопка (по этому поводу били тревогу и московские текстильные фабриканты), это число было повышено до 38 тыс., причем внутриобластное распределение проводилось и для самой Самаркандской области таким образом, что на хлопковые районы этой области падал меньший процент «реквизируемого» населения, чем на зерновые районы. В связи с этим Джизакский уезд, как зерновой, оказался в самом невыгодном положении по числу мобилизуемых: с уезда надо было взять 10 600 человек.

Начало событий в Джизакском уезде относится ко 2 июля 1916 г., когда в старом городе Джизаке русские чиновники собрали представителей населения и объявили им о мобилизации. Ответственность за выполнение была возложена на выбранных на собрании 13 человек, от которых была взята подписка с обязательством представить в течение 10 дней требуемое число призываемых в тыловое ополчение. «Илликбаши» (пятидесятники) из местного населения совместно с представителями русских чиновников составили списки мобилизуемых так, что сыновья «баев» и «авторитетных» лиц в них не попали: в них осталась, главным

[1]) См. об этом «Красный архив» т. XXIV, стр. 67.

образом, беднота. Десятидневный срок миновал. 12 июля пристав и врачи приехали в старый город, и, согласно спискам, начался призыв. К вечеру в одном из районов старого города призыв был окончен. На утро предполагалось произвести призыв в другом районе. В публикуемых ниже телеграммах главного усмирителя восстания ген. Ерофеева военному министру от 1 августа и других документах достаточно подробно рассказывается о дальнейшем ходе событий: о появлении в Джизаке посланного на разведки в Ташкент ишана [1]) Назыр Ходжа Абдусалямова, сообщившего, что в Ташкенте после бунта мобилизация на время «уразы» (поста) отменена. В ночь на 13-е июля состоялось собрание в старом городе Джизаке, на котором было решено отобрать списки призываемых. Это и было сделано утром 13 июля, причем был убит районный управитель Мирза Яр Худояров, угрожавший толпе револьвером, и сожжено его управление.

Тут же был брошен лозунг «газавата», Назыр Ходжу провозгласили беком (он это отрицал на допросе, но это подтверждается воспоминаниями т. Алимханова, имеющимися в нашем распоряжении). Толпа, вооруженная палками, ножами, серпами и пр., бросилась в новый город Джизака с требованием отмены набора рабочих. Назыр Ходжа шел во главе толпы и по случаю восстания отменил «уразу». Навстречу толпе выехал уездный начальник, который обещал прекратить мобилизацию, но из толпы кричали: «Не верьте ему!». Представитель власти схватился за револьвер. Это было сигналом к нападению, и в одно мгновение вся группа «начальства» была перебита. Толпа стойко держалась некоторое время под открытым по ней огнем караульной команды и отступила в старый город лишь после нескольких залпов, оставив десятки убитых туземцев. В старом городе повстанцы всех поставили на ноги: все стали готовиться к бою и вооружаться, чем попало, срочно запасаться продуктами, мобилизовали всех мастеров для изготовления шашек, топоров и холодного оружия.

Затем повстанцы, не встретив сопротивления (немногочисленная команда заперлась в казармах нового города), бросились на ж.-д. станцию и произвели здесь разрушение, оборвали телеграфные провода, подожгли бак с нефтью, разрушили казармы рабочих и другие ж.-д. сооружения. Порче полотна помогали ж.-д. рабочие из коренного населения. Попутно избивались ж.-д. служащие и вообще вся попадавшаяся под руку русская администрация.

По направлению к ст. Ломакино были разрушены пути, мост и телеграфные провода. Также был испорчен путь на перегоне Джизак-Обручево на протяжении 65 верст. Бунтовщиками было убито 16 ж.-д. служащих и совершено нападение на поезда. Русское население Джизака укрылось в крепости. Всю ночь новый город охранялся патрулями и заставами. На следующий день появился карательный отряд полковника Афанасьева, который и подавил восстание в старом городе.

Движение в это время уже перебросилось в уезд, где население также спешно вооружалось; кое-где появились винтовки, и был объявлен поход на помощь восставшим в Джизаке. В ряде районов были выбраны свои беки, ставшие во главе движения. Толпа дехкан двинулась на Джизак, по пути уничтожая квартиры и канцелярии царских чиновников, главным образом полицейских. Всего в Джизакском уезде погибло от рук повстанцев 83 человека и в том числе лесная стража Зааминского лесничества.

---

[1]) Ишаны — члены дервишских орденов в Ср. Азии, которым по наследству или по посвящению переходила духовная власть над почитателями («мюридами»). Они считались чем-то вроде «святых», но принадлежность к духовенству являлась не обязательной. Так Назыр Ходжа Абдусалямов был комиссионером у джизакского торговца жерновами Рахманкульбаева. Он имел небольшой дом и 4 танана земли в Джизаке стоимостью 2 тыс. руб. Ишаны Касым Ходжа в Заамине и Мухтар Хан в Джизаке, упоминаемые в документах, были более богатыми землевладельцами.

Восстание в Джизакском уезде охватило главным образом долину реки Санзара, Зааминский и Богданский районы. Во главе движения в Санзарском районе стал народный судья Турадбеков (из бекского рода).

В Богданском районе был провозглашен ханом некий Абдурахман Абдуджабаров Джевачи—крупный землевладелец (100 дес.) и торговец-подрядчик, призвавший население к объявлению священной войны. Назыр Ходжа и Абдурахман Джевачи объединили свои силы и пытались оказать сопротивление двигавшимся против них карательным отрядам.

Из Ташкента и других городов в Джизакский уезд была брошена целая армия в составе 13 рот, 6 орудий, 3 сотен казаков и 1 роты сапер; по линии ж. д. был пущен бронированный поезд. Чувствуя свое бессилие против этой массы войск, повстанцы прекратили наступление, и группы восставших под руководством Назыр Ходжи Абдусалямова, Абдурахман Абдужабарова и Турадбекова постепенно стали расходиться по кишлакам. Часть вернулась в города, некоторые пытались пробраться в Афганистан и Бухару. Абдурахман Абдуджабаров сдался. Назыр Ходжа был пойман в степи, где его выдали кочевники-киргизы, не примкнувшие к восстанию. Турадбеков скрылся.

Карательный отряд под командой полковника Иванова обрушился на коренное население уезда. Началось жесточайшее усмирение. Один из переживших это усмирение рассказывает:

«Иванов дал приказ стрелять, сжигать, конфисковать домашние вещи и сельскохозяйственные орудия. Отряды отправились по кишлакам, вещи сжигали, кого встречали, в того и стреляли, женщин насиловали и чинили другие зверства. В кишлаках сжигали посевы и дома, а готовую пшеницу увозили. Население бежало в города, в степи, бросая свое хозяйство. Начался голод. Женщины бежали, оставляя детей. Беженцы голодали в далеких степях и в городах».

Список сожженных кишлаков дается в документах.

В Джизаке и уезде было произведено множество арестов с преданием военному суду.

20 августа в Джизак приехал ген. Куропаткин. Сначала он посетил могилы убитых чинов русской администрации, вызвав почетных лиц города и «милостиво» заявил им: «Всех вас следовало бы повесить, но мы оставляем вас живыми, чтобы вы могли быть устрашающим примером для других. Место, где был убит полковник Рукин, загородить радиусом в 5 верст. Это будет принадлежать государству. Немедленно выселить население, которое находится на этой территории».

Эти дикие приказы царского сатрапа были выполнены.

В рапорте царю об этом событии Куропаткин писал: «В Джизакском уезде мною было объявлено населению о конфискации у него около 2 000 десятин земли на участке, где была пролита кровь русских людей, из них 800 десятин незастроенной земли числящейся в черте города, остальные 1 200 десятин, предназначенные к конфискации, представляют несколько заселенных участков, на которых было убито 73 русских. Эта мера содействовала отрезвлению туземного населения и удержала от вооруженного нападения колебавшихся».

Движение в районах Узбекистана можно характеризовать, как движение преимущественно дехканское. Ему нехватало прежде всего руководства. Если в Джизакском уезде у восставших появились организаторы в лице ишана Абдусалямова и отпрысков бекского рода Абдуджабарова и Турадбекова, которые выкинули белое знамя национального освобождения, то все же это движение ни в коем случае нельзя трактовать, как реакционное, феодальное. Широкие массы дехканства и городских ремесленников боролись против угнетающего их русского империализма. Их требования были недостаточно оформлены и само движение не успело выкристаллизоваться, но все же оно было таким демократическим нацио-

нальным движением, которое в период империализма помогало пролетарской борьбе, помогало — по словам Ленина — «обострению и расширению кризиса», т. е. революционного движения.

Следует запомнить также факт активного участия в восстании ж.-д. рабочих из коренного населения, разрушавших пути сообщения во время джизакского восстания. На них указывает телеграмма ген. Ерофеева военному министру. Но местный и русский фабрично-заводский и железнодорожный пролетариат в крае был настолько немногочислен, неорганизован, что не мог оказать более серьезное содействие дехканско-ремесленническому движению, разгромленному царским правительством.

События 1916 г. имели в дальнейшей истории революции в Средней Азии огромное значение. Они обеспечили отход широчайших масс коренного населения от местных феодальных групп и буржуазии, выступивших против социалистической революции пролетариата. Огромную роль в этом отношении сыграли среднеазиатские «тыловики», побывавшие на фронтах и в революционном тылу 1917 г. и явившиеся, по возвращении домой, глашатаями и застрельщиками пролетарской революции.

А. Шестаков.

Телеграмма ген. Ерофеева военному министру 1 августа 1916 г. № 5816 [1]).
Петроград. Военному министру. З адреса. Министру внутренних дел и генерал-адъютанту Куропаткину. Таврическая, 19.

Дополнение телеграммы № 5391. Представляю краткое описание беспорядков, начавшихся в Джизакском уезде 13 июля, и действий высланного туда карательного отряда. По получении 13 июля сведений о бунте в Джизаке, убийствах, разрушении пути на протяжении 65 верст на перегоне Обручево — Джизак и самых станций Обручево — Ломакино, был выслан карательный отряд под командой полковника Иванова, бывшего начальника Ходжентского уезда, ныне семиреченского вице-губернатора. Полковник Иванов выяснил на месте в Джизаке следующее. 12 июля в туземную часть города были вызваны к шести часам вечера общественные выборные для составления списков рабочих, подлежащих реквизиции. В пять часов вечера поездом прибыл из Ташкента после беспорядков, бывших там одиннадцатого июля, ишан Назыр Ходжа [2]) и объявил, что Ташкент решил восстать и не дать рабочих, после чего взволнованное собрание прекратило работу. 13 июля уездный начальник полковник Рукин, городской пристав Зотоглов и переводчик, в сопровождении двух джигитов, отправились в туземный город, куда были завлечены старшим аксакалом города ложным докладом о будто бы возникших беспорядках среди туземцев. Все пятеро по прибытии были окружены толпой, которая, не дав сказать слова, набросилась и зверски их убила, после чего бросилась в русский город, но, встреченная залпами 15 нижних чинов местной караульной команды, дрогнула и бежала мимо станции. Здесь толпа, руководимая железнодорожными ремонтными рабочими, туземцами с дороги, вместе с инструментом примкнувшими к бунтовщиками, начала разрушать путь, мосты, телеграфные провода и станцию Ломакино. По пути бунтовщиками были зверски убиты 13 железнодорожных служащих. Русское население Джи-

[1]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 11, д. № 1140, л. 75—78.
[2]) В подлиннике: «Ходула».

зака, потрясенное происшедшим, укрылось в церкви. Помощник уездного начальника подполковник Афанасьев, собрав 35 кое-как вооруженных русских, отправился в туземный город, вынес изуродованные тела уездного начальника и пристава. По получении известия о происшедшем в Джизаке восстал Зааминский район, долина рек Санзара и Богданский район, где себя объявил ханом туземец Абдурахман Джевачи. Жертвами восстания пали, кроме убитых в Джизаке и служащих по линии дороги Джизак—Ломакино, зааминский пристав, русское население Заамина, лесная стража Зааминского лесничества и партия статистиков министерства земледелия, всего преданных лютой смерти до 45 мужчин, женщин и детей. Кроме того было захвачено, обращено в мусульманство, подвергнуто надругательствам и уведено в неволю до 70 преимущественно женщин и детей. К 16 июля путь и телеграфное сообщение были восстановлены, но Джизакский уезд находился в состоянии полного восстания. Население покинуло свои кишлаки, а шайки бунтовщиков владели туземным городом, наводняли район железной дороги, продолжая разрушать путь и мосты уже после их исправления. Полковник Иванов установил активную охрану пути и благодаря решительным действиям войск охраны к 18 июля совершенно обезопасил путь. Одновременно по установлении охраны войска отряда заняли прочно Джизак, очистили туземную часть от шаек и отбросили их не ближе 10 верст от города. Затем был выдвинут отряд в Заамин, который прикрыл предгорную полосу, заняв Заамин—Рабат—Джизак. Подвергаясь несколько раз нападениям больших скопищ бунтовщиков, отряды эти их разгромили, обратили в панику, загнали в горы. Для преследования бунтовщиков в горах и разгрома скопищ полковник Иванов выслал три колонны: одну из Заамина и две из Джизака в направлении верховья реки Санзара и перевала Гуралаш Туркестанского хребта. Эти колонны подвергались нападению скопищ, но разбивали и рассеивали их. 21 июля была выслана колонна в Богданский район в сопровождении богданского пристава, который был укрыт сохранившими верность киргизами и 19 июля вернулся в Джизак. Совместные действия перечисленных колонн разобщили бунтовщиков, рассеяли скопище, потрясли туземное население, которое, видя наступление возмездия, начало изъявлять покорность, выдавать главарей, заявлять готовность выставить рабочих. Для окончательной ликвидации разбитых шаек мятежников, укрывшихся со своими семьями в глухих горных ущельях не ближе 100 верст от населенных пунктов, 26 и 27 июля были высланы из Джизака две колонны: одна через Ура-Тюбе в Шахристан и другая в верховья Санзара для действия и связи между собой. Отрядами спасено 56 женщин и детей, уведенных в неволю, и выведено шесть русских, которых киргизы укрыли в безопасном месте. Кроме того колоннами захвачено еще 12 главарей и найдено четыре собственноручных письма арестованного ранее главаря мятежников Абдурахмана Джевачи, уличающие его в объявлении священной войны с призывом всего мужского населения для нападения на Джизак. По последним сведениям, горный район обыскан, и присутствие шаек пока не обнаружено; поиски их, а также нескольких русских, остающихся еще не разысканными, продолжаются. По сведениям местного населения, главный вдохновитель восстания ишан Назыр Ходжа скрывается с киргизами, по другим — он бежал в пределы Бухары. Потери отряда полковника Иванова замученными и зверски убитыми: один казак и один нижний чин, ранен один казак. Силы отряда, распределенного как для охраны большого участка пути, так и в гарни-

зон Джизака — подвижные колонны составляют двенадцать рот, шесть орудий, три сотни казаков и три четверти роты сапер. При пехотных частях образованы большие команды ездящей пехоты, для которых лошади с седлами взяты реквизицией № 5816. Ерофеев.

Протокол допроса обвиняемого [1]).

1916 года, августа 6 дня, судебный следователь Самаркандского окружного суда допрашивал в камере своей нижепоименованного в качестве обвиняемого, и он на первоначальные расспросы по 403 ст. уст. угол. судопр. показал:

Вопросы.	Ответы.
1. Имя, отчество и фамилия или прозвание	Назыр Ходжа Абдусалямов
2. Возраст во время совершения преступления	41 лет
3. Место рождения (губерния, уезд, волость, село или деревня)	гор. Джизак
4. Место приписки (город или село)	кв. Мулькандлик
5. Постоянное местожительство (временное пребывание)	
6. Рождение (законное или вне брака)	Брачное
7. Звание (состояние, сословие, чин, где служил)	Сарт
8. Народность и племя	
9. Религия	Магометанская
10. Какое получил образование или вообще знает ли грамоту	Грамотный
11. Семейные отношения	Жена Шарапат; один сын и одна дочка
12. Занятие или ремесло	Комиссионер у торговца Рахманкульбая Маулянкульбаева и его сына Рашида Рахманкульбаева
13. Степень имущественного обеспечения	Владею домом и 4 танапами земли, стоимостью в 2 000 р. в гор. Джизаке
14. Особые приметы (глух, слеп, нем и т. п.)	
15. В каких отношениях состоит к пострадавшему от содеянного преступления	
16. Был ли на призыве или когда подлежит призыву к исполнению воинской повинности	
17. Был ли под судом и если был, то какому подвергался наказанию	Под следствием состою, под судом не был
Не имеет ли особых заслуг и отличий	
Имеет ли паспорт	Паспорт был у меня

[1]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164а, лл. 97—98. Начало документа представляет печатный бланк с пропусками для заполнения. Этот и все следующие документы, извлеченные из того же дела, представляют собой копии, сделанные с подлинников, находившихся в недошедшем до нас деле «О восстании в городе и станции Джизак».

В предъявленном мне обвинении, изложенном в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого, каковое мне объявлено, я не признаю себя виновным и в свое оправдание объясняю. Это неправда, я вовсе не состою в Джизаке ишаном. На меня теперь все сваливают вину — и мусульмане жалуются и проклинают и русские ловят меня, а я между тем не виноват.

В субботу (9/VII) я поехал в Ташкент по поручению моего хозяина Рахманкульбая покупать для него жернова. В Ташкенте остановился я в чайхане «Каль-ишан» в квартале Ярманка [1]). чайхана по правой стороне улицы, если итти с вокзала, вблизи трамвайной стоянки. В понедельник (11/VII) я слышал, что в Ташкенте были какие-то беспорядки, были выстрелы, и убиты три человека из мусульман, а другие были ранены. Беспорядки, говорили мне, возникли из-за набора рабочих для армии. Губернатор приезжал, успокаивал народ и объявил, что набор будет после уразы, что и успокоило публику.

В Ташкенте я ни у кого не бывал, ни с кем не совещался, и никакого намерения устраивать бунт у меня не было. Жерновов у меня не приняли на железной дороге, и я оставил их в сарае у Абдурахмана — карван — фамилии не знаю — в кв. Ярманка, вблизи вокзала. В городе Джизаке известно было, что я поехал в Ташкент; очень может быть, ожидали моего возврата, чтобы узнать, что слышно в Ташкенте, но это неправда, чтобы я ездил по специальному поручению в связи с бунтом. Нет, я ездил по своим делам. Да, джизакский житель Кары Умар был послан местными баями и влиятельными лицами, не умею их переименовать и назвать, я у них не могу бывать, как бедняк в сравнениц с ними; этот Кары Умар должен был им, богачам, привезти известие, как делают туземцы в старом гор. Ташкенте. Когда вернулся Кары Умар? Не знаю. Я вернулся из Ташкента во вторник пополудни. Действительно, народ ожидал меня, чтобы узнать кое-что из Ташкента относительно набора, так как во вторник был первый день переписи рабочих, и я в силу этого обстоятельства вдруг сделался видным лицом на весь город. По дороге на ст. Сыр-Дарьинская я встретил знакомых лавочников Мулла Ачиля и Мулла Субханкула (фамилии не знаю), лавки у них в Ак-Тепе Чардаринской волости, и с ними я прибыл в старый город Джизак. Здесь я на расспросы сообщил, что в Ташкенте набор отложили до окончания поста и что у нас тоже будет, наверно, отложен; это очень обрадовало народ. Ночь я проспал у себя дома. Никуда на совещания не ходил, слышал, что у пятидесятников в эту ночь у всех их происходили совещания.

В среду утром кто-то сообщил мне, что в квартале Раватлик махалинцы (жители квартала) убили старшину Мирза Яра Худоярова за то, что он будто оскорбил какую-то сартянку. Кто убил старшину? Не знаю. Убив старшину, толпа направилась в русский город, я тоже присоединился к толпе узнать, в чем дело, но не был главарем толпы. Толпа, по моему мнению, шла в город, чтобы извиниться перед уездным начальником за убийство старшины и просить прощения, так как старшина был плохой человек. По дороге встретился нам уездный начальник, пристав, переводчик и джигиты. Я слышал, уездный начальник кричал толпе: «Разойтись»; что дальше происходило, я не знаю, так как ушел. Слышал потом позади себя залпы солдат. Толпа разбежалась во все стороны. Часть бросилась на русский город, чтобы разграбить его, а другие по собственной

[1]) Неразборчиво.

инициативе стали нападать на железнодорожные будки и казармы, убивать и грабить. Никаких совещаний, планов, организаций не было. По городу многие бегали, как сумасшедшие, кричали, что тот объявил священную войну против русских, другие называли другого, и, кто именно объявлял священную войну на самом деле, неизвестно мне. Я не объявлял таковой войны. Так как жители кв. Раватлик убили старшину, последствием чего было убийство уездного начальника и других лиц, то они, таким образом, явились главарями, и они, спасая себя, стали возбуждать толпу на священную войну. Никого из них не помню переименовать.

14 июля с. г. приехала в город толпа в 60—70 человек карабдальцев (Чангиманская волость) за своими товарищами тюремными арестантами. Они окончательно взбунтовали народ. Я тогда, испугавшись бунта, убежал из города, но попал в руки этих карабдальцев. Они повели меня к себе и объявили, вопреки моему желанию своим вожаком. Они-то, не знаю их по именам и фамилиям, от моего имени в разные стороны, — не помню уже, куда именно, — стали высылать письма с вызовом к восстанию. Часть писем я даже сам под их угрозами написал. Ко мне примкнули жители селений: 1) Карабдаль, 2) Ита-кишлак, Узбекской волости, 3) Кок-Булак, Саурукской волости, 4) Газган, Богданской волости, 5) Куя-Баш, Узбекской волости, 6) небольшая, в 5—6 человек, группа иранцев. Вся моя толпа в 100—200 человек, часть вооруженная ружьями, пистолетами, а в большинстве палками одними. Письма посылали от моего имени: 1) Алибай, фамилии не знаю, из сел. Кок-Булак Саурукской волости. 2) Ак-Кул из сел. Кок-Булак, 3) Исраил из сел. Чашкишман и 4) все братья его, не знаю, сколько их было. Моя толпа собралась в сел. Ишан-кишлак, но вскоре разбрелась по отдельным группам в разные стороны и занялась грабежом. Никакого нападения, ни убийства, ни грабежа я со своею толпою не сделал. Когда моя толпа разбрелась, я узнал, что джизакские жители выслали депутацию к Абдурахману Джевачи в сел. Богдан, прося принять их под свое покровительство, и тоже туда отправился к Джевачи. Видел у него, что во главе депутации городских жителей был Шариф, никого больше другого не помню назвать и не знаю, сколько было всего членов депутации. Джевачи, оказалось, объявил священную войну против русских, потому к нему и тянулись толпы с разных сторон. Джевачи известен был и раньше в нашем уезде и в окрестностях, он потомок главного джизакского бека, человек богатый, влиятельный; ходили слухи, что у него много оружия снаряжено; Джевачи принял депутацию и на девятый день восстания прибыл с толпой в 500 человек в Джизак; обещал воевать с русскими, распорядился, чтобы лица административные, назначенные русскими, остались на прежних своих местах и исполняли свои обязанности; в знак того, что признают его своим беком, приказал им носить какие-то значки, не знаю, из чего сделанные и какого формата.

Джевачи потом вернулся к себе в горы, и уже назначен был день восшествия его на престол, однако в соседних кишлаках показались солдаты, и все бросились бежать дальше в горы. Торжество возведения на трон Джевачи назначено было вторично на пятницу или субботу в туземном городе Джизаке (22—23/VII), однако в четверг Джевачи повел двух русских женщин к приставу, его арестовали и больше не пустили. Я думаю, что он сделал это нарочно: увидел, что солдат много, что дела сартов плохи, задумал поэтому выручить себя и под видом спасителя русских женщин сдался русским. После того, как он сдался, толпы рассеялись

в разные стороны, я и другие направились в сторону Бухары, но по дороге нас грабили, убивали и ловили киргизы, которые остались верными русским; нам пришлось повернуть обратно, и русские нас мало по малу ловят.

Я тоже думал с товарищем моим, имамом моего квартала, перейти в Бухару, в Нуратинское бекство, но мы узнали, что там уже наблюдают за появлением бунтовщиков и ловят их, поэтому ушли мы к киргизам, те выдали нас: их Кок-Тюбинский волостной, Джизакского уезда, прислал за нами и повел нас к солдатам.

Я потерял счет дней, быть может, поэтому неточно пояснил, в какой день Джевачи думал объявлять себя беком. Знаю лишь то, что Джевачи собирался назначить таковой срок, — оставалось, кажется, 2—3 дня до этого срока, как он вышел к солдатам. Я не приезжал с Джевачи в Джизак и не узнал, кого именно из туземной администрации он хвалил и поощрял продолжать службу. Джевачи для своих толп установил знамена; я видел, толпы ехали под его предводительством и держали три таких знамени на древках в 2 — 3 аршина длины, из материи белого цвета, на ней калямом написано было по-мусульмански: «Во имя бога!».

Из главарей, которые были при Джевачи, знаю лишь следующих: 1) Джайнак, который привел толпу из Иланчи, 2) Каляндар Ходжа из сел. Сарымсака, он привел своих односельчан и жителей сел. Санарата; 3) джизакский Шариф Байбача привел с собой к Джевачи 5—6 джизакских своих родственников; 4) Токсабат из сел. Ишма привел своих односельчан. Родственники Джевачи поссорились с ним, стали требовать от него дележа денег, награбленных его толпами, главари других толп тоже стали требовать денег; так как Джевачи денег не дал, то они стали уходить от него, не пожелали дальше воевать.

Больше по делу ничего показать не имею — Прочитано. Переведено.

Добавляю: мне лично никогда не приходилось ни слышать, ни участвовать в каких-либо совещаниях о том, чтобы сарты имели восстать против русских на стороне Турции или Германии. Никакой агитации ни из Бухары, ни из Афганистана, ни из других местностей, ни из городов среди нас не было. Если такая агитация была, то единственно лишь Джевачи и Шариф бай могли бы дать указания, а мне ничего неизвестно. Повторяю, я человек маленький, только странное течение обстоятельств вдруг выдвинуло меня главарем своего народа. — Прочитано. Переведено.

Добавляю: я не посылал никого ни в Заамин, ни Санзар, единственно лишь с Богданом сносился письменно. Не было ли воззваний от моего имени в эти местности, не знаю. Это неправда, чтобы меня носили жители гор. Джизака на носилках, впереди меня зеленое знамя, барабан, кругом вооруженная толпа, чтобы объявлял себя джизакским беком. Нет, Джевачи отказывался от Богдана, а желал лишь Джизак. — Прочитано.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда

Маслянкевич.

При допросе присутствовал товарищ прокурора

Д. Никольский.

Протокол[1]).

8 августа 1916 года судебный следователь Самаркандского окружного суда в своей камере допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., который показал:

Прокопий Михайлович Борило, 45 лет, православный, богданский участковый пристав.

Я с 25 октября 1914 года состою богданским участковым приставом. Отношения мои с сартами были хорошие, не замечалось ни разу какой либо ненависти ко мне. Участок свой я знаю хорошо и знаю лиц, занимающих видное положение среди туземцев. Самым видным, влиятельным в моем участке был Абдурахман Джевачи Абдуджабаров; он арендовал на базаре весы, торговал оптом хлопком, шерстью. О том, что он происходил из рода беков, я ничего не слышал. Говорили мне, что Джевачи в молодости занимался разбоями, организовал шайку разбойников, прославился и стал влиятельным поэтому в данной местности, в своем роде чаталиков. Очень может быть, что он влиял на установление цен на базаре, но этого не удалось ни разу установить. В участке существует еще родовая жизнь с родовой местью, один род время от времени нападает на другой род, происходят драки. Так и случилось в июне месяце, два раза кишлаки нападали друг на друга и дрались. Никаких агитаторов в участке у меня не появлялось. Никаких иностранных влияний не замечалось. Когда возникла война, отношения туземцев к властям, повидимому, не изменились. За все время поступило 5 доносов одних туземцев на других; дознанием выяснилось, что будто некоторые туземцы говорили лесообъездчикам и другим лицам, что в скором времени будет мусульманский мир, русские все равно будут побеждены, придут в Туркестан другие лица. Одно лишь дознание прошло с обвинением, но по суду тот человек был оправдан. Я не предполагал никаких бунтов. 1 июля с. г. было мною получено высочайшее повеление о призыве рабочих для нужд армии. Когда я 3 июля объявил о предстоящем наборе туземцам, то мне показалось, что встречено это было несочувственно, хотя никто ничего не возражал. В тот же день Джевачи просил у меня разрешение выслать в Джизак посланника, чтобы узнать, как решили в Джизаке поступать. Я не умею объяснить, почему Джевачи обращался за разрешением таким ко мне, когда мог преспокойно послать своего человека без моего ведома. Кто ездил в Джизак, к кому и какое привез известие из Джизака, не знаю. Богданский волостной управитель доносил мне, что в Джизаке еще не выяснено и еще совещаются.

У меня по участку у всех влиятельных лиц тоже пошли совещания, как раз была «ураза», когда сарты собираются по вечерам и устроить совещание очень им легко. Я донес 9 июля с. г. уездному начальнику, что сарты решились «во что бы то ни стало избавиться от наряда рабочих». Никаких мер или приготовления к активному их выступлению однако не замечалось среди них. У Джевачи все время происходили общие совещания лиц, приезжавших из разных кишлаков; что было решено на этих совещаниях, мне не удалось узнать.

До 13 июня с. г. в моем участке все было спокойно. Около шести часов пополудни из гор. Джизака прискакал на лошади старшина Устукского общества, Синтабской вол., и объявил в Богдане, что в Джизаке

[1]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164, лл. 88—92.

убиты уездный начальник и пристав, переводчик, старшина и джигиты, толпа разгромила город и, когда ехал, то видел уже пожар на станции Джизак. Донес мне все это богданский волостной управитель. Как раз в Богдане собраны были по моему требованию пятидесятники, старшины, ишаны и ходжи, все почетные люди, так как к 15 июля ожидалось прибытие уездного начальника для производства набора в рабочие. Известие, принесенное старшиной из Джизака, очень быстро распространилось. Я велел немедленно задержать этого старшину, но оказалось, он поскакал к себе в Синтаб и распространил эту весть еще верст 75 дальше за Богдан. Относительно Ташкента о воззвании к священной войне ничего тогда не было слышно. В часов 9 вечера приехал на взмыленной лошади синтабский волостной управитель; он подтвердил слова устукского старшины. Они оба были в Джизаке; как мне удалось выяснить, волостной управитель как раз 13 июля утром был освобожден из арестного дома, а старшина этот находился в Джизаке, ожидая своего волостного, а также и потому, что два-три пятидесятника Устукского общества заключены были под арест уездным начальником за дерзкое обращение при объявлении им о призыве рабочих для нужд армии. У меня нет данных предполагать, что устукский старшина нарочно ожидал в Джизаке 13 июля действий народа в тот день. Как раз в среду у нас богданцы едут толпами на базар в Джизак, каковой бывал по четвергам, поэтому вести о событиях джизакских быстро распространились.

Заметив, что вести из Джизака волнуют народ, я немедленно в тот вечер послал с нарочным в Джизак, прося хоть нескольких солдат для охраны Богдана от волнений. Потом оказалось, что у нарочного перехватили мой рапорт. В Богдане из русских находились: я, мой письмоводитель Сибирцев, акушерка Янковская, служанка ее Клюева и лесообъездчик Бабин. Ночью устраивались какие-то совещания у Джевачи и других, но не знаю, о чем совещались. Стражников русских у меня не было. 14 июля с утра вошла ко мне на двор толпа черни человек 100, но вели себя смирно и никаких заявлений не делали. Вскоре пришли вызванные мною почетные лица, и чернь уступила им место. Я влиял на почетных лиц, чтобы сдерживали чернь, чтобы охранить мой участок от беспорядков. Джевачи, Мулла Абдулла и другие обещали мне это, и, чтобы повлиять на чернь, чтобы доказать черни, что волноваться нельзя, они публично клялись в мечетях не принимать участия со своими людьми в беспорядках, возникших в Джизаке. По просьбе этих лиц я перешел в дом Джевачи, так как они говорили, что своих-то могут сдержать, но чужих, может, им не удастся сразу, но, если со мною случится что-нибудь, то чернь бросится и на других русских. Я так и сделал. Все время туземцы, разговаривавшие со мною, вели себя надлежаще.

14-го вечером я перешел опять к себе на дом переночевать. Письмоводитель Сибирцев выпросил у меня револьвер и заявил, что попытается пробиться в Джизак просить помощи. Ночью тогда же и уехал. Ночью туземец какой-то сообщил мне, что чаталики собираются меня ночью убить, так как днем ишаны и ходжи меня берегут. Я уехал тогда же ночью с переводчиком, уехал в степи к киргизам, так как дошли до меня сведения, что Джевачи послал воззвания к киргизам, приглашая их присоединиться к нему. Зная, какая это большая для всего уезда опасность, если бы степняки присоединились к бунтовщикам, я порешил сдержать их. Появившись в Кок-Тюбинской волости, я действительно заметил, как народ стал успокаиваться, и никаких беспорядков не было допущено. У

киргиз я таким образом пробыл, разъезжая по разным местностям, 15, 16, 17 и 18 июля с. г. В разговорах с ними разъяснил им о силе русского оружия и о действиях пулеметов и пушек.

Проживая у киргизов, я узнал, что 15-го вечером был убит объездчик Бабин, что богданцы напали на больницу, разгромили мою канцелярию и квартиру, похитили казенное и мое имущество и винтовки. 18 июля почетные лица среди киргиз проводили меня в сторону Джизака. По дороге я узнал от кандидата фистальтаусского волостного управителя Синдара Ахмедова, что 15 июля разъезжал по ихней волости, по аулам, Назыр Ходжа джизакский, рассказывал о том, что поднял восстание в Джизаке, провозгласил слова: «Пророк наш завещал: убивай неверных, в том есть богоугодное дело», таким образом объявил священную войну против русских с целью избавиться от наряда рабочих. 19 июля я прибыл в Джизак. 20 июля вечером я с карательным отрядом выступил на выручку русских, находящихся в Богдане. Еще 18 июля, приближаясь к Джизаку, я узнал от киргиз, что в окрестностях Джизака находился отряд в 600 человек, ожидающий прибытия Джевачи, для соединения с его отрядом и похода на Джизак. Затем от спасенных женщин, Янковской и Клюевой, я узнал, что 21 июля Джевачи выступал на Джизак, но, увидев пожар с. Караташ, вернулся со своими и убежал в горы.

Находясь в отряде, из расспросов верных мне богданцев я узнал, что 19 июля с. г. главарь адина-сарыкцев Мулла Абдулла и Джевачи принимали присягу на то, что убьют богданского волостного управителя. Насколько мне известно, Джевачи и главарь рода тюрков Турсунбай Ходжи Суюндуков объявили священную войну, а о адина-сарыкцах ничего не слышал. 25 июля сдался нам Джевачи. 26 июля нашли мы в сел. Ямчи труп Сибирцева; по словам солдат, труп прикрыт был камнями, и сверху лежал труп собаки. Я не заметил следов обжогов на трупе. 27 июля нарванский старшина Саурукской волости Санзарского участка передал офицеру отряда четыре письма от имени Джевачи, полученные им. Это именно те же, что теперь предъявлены мне (были предъявлены четыре письма, что при деле)[1]). Мои джигиты Ахмет и Норбек остались верны; они передали мне, кто именно громил мою канцелярию, в каком порядке происходил разгром и кто принимал участие в разгроме канцелярии и больницы. Все эти лица точно переименованы мною в дознании. Кто убил Сибирцева, выяснено было отрядом казачьим; не помню, кто был во главе отряда этого. Лица эти тоже мною переименованы в дознании. Я видел револьвер, отобранный у одного из задержанных тогда, именно Ишмата Палвана. Это именно был револьвер Сибирцева, который я ему дал на дорогу. Револьвер передан был начальнику отряда; не знаю, что с ним потом случилось. В самом Синтабе были два топографа с женами и мальчиком; толпы пытались убить их, бросали в них камнями, поранили, но спас их Катт-Ишан и перевел к себе в дом. Шесть статистиков, во главе с инструктором Джангалиновым, не подвергались, находясь среди киргиз, серьезным опасностям. Было на них небольшое нападение, забрали нож и подушку, но никому вреда не было причинено. Спас их киргиз Туткабай Балгабаев; нападал же на них Тулепа Арзакулов.

---

[1]) См. стр. 78-79.

В моем участке были еще небольшие проявления бунта в Чардаринской волости, именно—киргизы нападали на дом лесообъездчика Гайкалова, где жила его жена с дочерью; нападение было с целью похищения дочери; спасли их киргизы: Джура Рахимов, Касымбек Байтенов и Аульбек Мухамедов. По донесению волостного управителя и заявлению самой Гайкаловой, в нападении участвовали: 1) Чиназбек Байчинов, 2) Турман Исмаилов, 3) Абу Ускенов, 4) Иристы Аблаев, 5) Раджаб Хайдаров, 6) Казыбек Сафаков, 7) Сабден Садыков, 8) Кейчим Тохтыбаев, 9) Уюс Ибрагимов, 10) Мирза Ахмет Джан Тураев, 11) Ахмет Кулмухамедов, 12) Керфик Ахметов, 13) Кузенбай Утаров, 14) Тоскара Бийтураев, 15) Кусак Сыркыбаев. Гайкалова жила в Чардаринской волости; ныне, кажется, переехали на ст. Сыр-Дарьинскую; сведения будут у местного лесничего.

Из моего участка деятельную помощь оказали нам при розысках виновных следующие лица, все богданские жители: 1) народный судья Богдан-Фарижской волости Абдул Хаким Мулла Мирзаев, 2) янгикишлакский старшина Маман Фарманов, 3) Мулла Абдулла Ходжа Мухамедов, 4) Мирза Кулбай Ризакулов, 5) Фазыль Имам-Назаров, 6) Касымбай Нурмухамедов, 7) Кулдаш Муминов, 8) фарижский волостной управитель Мулла Дехкан Курбанов. При доставлении в отряд Янковской и Клюевой я немедленно опросил их, и они под первым впечатлением назвали мне следующих туземцев, насиловавших их: 1) Аман Ибрагимов, б. стражник, 2) Рустам Абдурахманов, 3) Дабыль Абдурахманов, 4) Атакул Султанов, больничный сторож, и 5) какой-то джизакский сарт, фамилии не знаю. Отец Атакула — Султан жил вблизи моей канцелярии, поэтому он должен знать всех бунтовщиков, разгромивших канцелярию. Он выдал Янковской спрятанные им ее вещи; среди этих вещей оказалось мое одеяло из моей квартиры. Оно находилось в куржуме при моем отъезде. Как оно оказалось в больничных вещах, не знаю, — не спрятал ли он одеяло тоже с целью выдать мне его, не знаю. Добавляю: кроме Джевачи Мулла Абдуллы, еще Мулла Ачильды был главным инициатором того, что я переехал в дом Джевачи. Именно по его настоянию Джевачи пригласил в свой дом меня и всех русских в качестве гостей, что гарантировало нам, по туземным обычаям, полную безопасность; в доме Джевачи тем более не могло быть произведено убийства, так как он «хаджи», т. е. мусульманин, ездивший на поклонение в Мекку. Больше по делу показать ничего не имею. — Прочитано. Зачеркнуто: «кто . . . верно».

Подлинный за надлежащими подписями. С подлинным верно.
И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда
Маслянкевич.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Никольский.

Протокол допроса обвиняемого [1]).

1916 года августа 9 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, согласно постановлению от сего числа 1916 г., допрашивал нижепоименованное лицо в качестве обвиняемого, причем допрашиваемому, по удостоверении согласно ст. 443 у. у. суд. в его само-

[1]) ЦАУ УзССР, ф. № 2, с. о., д. № 164а, лл. 105—111.

личности, было объявлено, что на него падает обвинение в преступлении, предусмотренном 13, 263, 268 ст. улож. о нак. и 123 ст. уг. ул., упомянутом в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого, которое было ему при этом объявлено.

На предлагаемые следователем вопросы даны ответы через предупрежденного по 443 ст. у. у. с. переводчика:

Абдурахман Ходжа Абдуджабаров (Джевачи), 68 лет, родился, приписан и проживал в сел. Яны, Богданской волости, узбек, магометанин, малограмотный, женат, 8 сыновей, 4 дочери, земледелец, подрядчик, арендатор весового сбора по всему участку; имею 100 десятин пахотной земли, 10 домов, 5—10 лавок; особых примет не имею, под судом не был.

Я не признаю себя виновным в том, что с 13 июля с. г. по предварительному соглашению с другими принял участие в явном восстании против властей и правительства Российской империи с целью воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего повеления о наборе рабочих из туземцев для нужд армии и стал во главе восставших, причем участвовавшие в этом восстании все или частью были вооружены разным огнестрельным или холодным оружием, а самое восстание сопровождалось убийствами и истязаниями русских и туземцев из лиц администрации и частных лиц, а также порчею железнодорожного пути, телеграфа, грабежами, поджогами и другими насильственными действиями, т. е. в преступлении, предусмотренном 13, 263, 268 ст. улож. о нак., 123 ст. угол. уложения.

В свое оправдание объясняю.

Нет, главарем я не был и восстания не организовал.

На предложеннные вопросы отвечаю.

До завоевания края в Джизакском уезде было несколько отдельных бекств, подчиненных Бухарскому ханству. Насколько помню, были отдельные беки: в Чардары, Заамине, Хавазе и Ура-Тюбе. Чардаринским беком был мой отец. Отец командовал войсками во время завоевания края в чине «токсаба», я же, 18-летний юноша, был в чине «джевачи» (третий чин). В сражении с русскими под Кок-Тюбе (Кок-Тюбинской волости) отец мой был убит.

Происхождение свое мы выводим из рода «мангытов», из того же рода, из какого происходил и бухарский эмир. Это считается у туземцев самый почетный род; он разделяется в богданском участке на десять подродов, во главе каждого имеется свой представитель, обыкновенно самый богатый в своей среде. Я был представителем одного из таких подродов, именно «шаталиб». Мулла Абдулла Ходжа Мухамедов был представителем другого такого подрода адина-сарыкцев.

Ни одного из предъявленных мне четырех писем я не признаю писанным мной. Мне неизвестно, кто писал эти письма; единственно лишь письмо, отмеченное № 2, я опознаю: написано товарищем Назыр-Хана Мулла Магомед Раимом Мулла Абдураимовым. Печать внизу моя. Я давно потерял ее, поэтому думаю, что нашедшие ее могли свободно пользоваться ею при посылке писем, от моего имени, но без моего ведома посылаемых. Когда же вами задан был вопрос, что печать совершенно новая и проставлен на ней год «1916», я изменяю свои показания и заявляю, что печать вовсе не моя, а поддельная. Мою печать вырезывал лет 30 тому назад джизакский Мулла Абдулла, фамилию не знаю. Жив ли он или же умер, не знаю. Он был золотых дел мастером, жил, кажется, в квартале

Ташкентлик. На моей печати вырезано было «Абдурахман», без титула «бека»; этим титулом я никогда не именовался. Кто эти лица, упоминаемые в письмах под названиями Мулла Данияр Разакбай, не знаю.

1) Каляндар Ходжа это влиятельный человек в сел. Сарымсак, Фарижской волости. 2) Хайдар Токсаба, он влиятельное лицо в сел. Ишма, той же волости (Фарижской). 3) Мулла Джайнак Абдурасулев, это представитель пяти подродов, живет в селении Иланчи. 4) Назар Дума это «казы-тупи», главарь, по отчеству Париабев, живет в сел. Осман-Сай. 5) Мулла Кыиджа, по отчеству не знаю, он муфтием в с. Челек, Катта-Курганского уезда. 6) Мулла Умар Мулла Турсунов это бывший волостной управитель Саурукской волости, живет в сел. Нарван.

Я прошу отложить допрос дальнейший, так как устал. — Прочитано. Переведено. Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно.

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда

М а с л я н к е в и ч.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Н и к о л ь с к и й.

Протокол допроса обвиняемого [1]).

1916 года августа 11 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, согласно постановлению от . . . . 191 г., допрашивал нижепоименованное лицо . . . . .

На предлагаемые следователем вопросы даны ответы через предупрежденного по 443 ст. у. у. с. переводчика.

Имя, отчество и фамилия: А б д у р а х м а н Х о д ж а А б д у д ж а б а р о в (Д ж е в а ч и). Известный по делу.

По делу дополнительно показываю.

До прихода русских главным беком в Джизакском уезде был Алла-яр-бек Парманчи из рода «мангитов», по происхождению из гор. Карши. Алла-яр-бек погиб в сражении с русскими; из его потомков никто не остался в Джизакском уезде. У отца было шесть сыновей, из них остался в живых только я и мой брат Бабабек. Имущество отца после покорения края не было конфисковано. Я наследовал большое наследство. Раза два был волостным управителем. Всегда отличался большою привязанностью к русским и был верноподданным государю императору. Никаких агитаторов в нашей волости или участке никогда не появлялось; никто ни из Бухары, ни из Афганистана, ни из Турции, ни из Персии, ни из других стран не приезжал бунтовать, и не доходило до меня слухов, что бунтуют в других местах. Всегда туземцы были верноподданными и не думали волноваться и бунтоваться. Когда пристав объявил нам о предстоящем наборе рабочих для нужд армии, я, действительно, просил пристава разрешить послать нам людей узнать, как поступают большие города Ташкент и Самарканд. С разрешения пристава от девяти наших волостей поехали в Ташкент — Хайдар-кул- Ходжа в Самарканд Дауранбай Мирзабаев и Ибраим, фамилии не знаю, из адина-сарыкцев. После возврата я их не видел и, какие привезли вести, не знаю. О решении в Кара-Таше «не давать рабочих ни в коем случае», я не слышал. Никако-

[1]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164, лл. 107—111. Написан на печатном бланке с пропусками.

го сигнала восстания из Джизака никто не ожидал. Совещания у нас действительно происходили,—совещались у меня, у Хайдар-кула Ходжи, у Абдуллы, у Токтабая, но об организации восстания ничего не говорили, и о таковом никто и не думал. Хайдар-кулу-Ходже дали мы наставления: денег — не жалеть, на все стороны ходатайствовать и говорить с переводчиками, адвокатами, чтобы нашелся для нас ходатай перед государем императором, который испросил бы освобождение нас от набора для армии. Дауранбаю Мирзабаеву и Ибраиму дали мы общими силами 30 рублей на дорогу. К кому они обращались в Самарканде и в Ташкенте, мне неизвестно. Никаких определенных лиц и мест мы им не указывали. Из Джизака доходили до меня слухи, что отправились в Ташкент узнавать, как быть с набором рабочих, какой-то незнакомый мне Назыр Ходжа с другом своим имамом. Кто их выслал и к кому в Ташкент они ездили, мне неизвестно. У нас набор рабочих назначен был на 24 июля, насколько не ошибаюсь.

13 июля с. г. у нас был съезд всех влиятельных и почетных лиц, ввиду ожидавшегося в скором времени приезда начальника уезда, по поводу этого набора. Под вечер прискакал к приставу устукский старшина и сообщил, что в Джизаке убиты уездный начальник, пристав, переводчик, старшина и другие и что, когда был на половине дороги, то видел пожар на станции. Старшина этот вскоре поскакал дальше; вечером явился волостной управитель Синтабской волости, который подтвердил слова старшины.

Ночью стали прибывать к нам беженцы из Джизака. Как раз вечером отправился в Джизак мой брат Бабабек. Поехал он по своим торговым делам к Мухамедкулу, фамилии не знаю; я его не посылал. В ночь с 13 на 14 июля у нас происходили совещания относительно набора рабочих; о том, что готовится восстание, никто ничего не говорил. 14 утром я и другие почетные лица собрались у пристава и просили его перейти в мой дом, где ему будет безопаснее.

Я считал своей обязанностью защищать пристава, если бы случилось нападение на него в моем доме. Обычая такого, как у других народностей, о неприкосновенности гостя в доме хозяина среди наших узбеков не существует. Мулла Ачильды и другие потому настаивали, чтобы пристав перешел в мой дом, что я жил ближе всех в самом селении, а они дальше. Ночью пристав вернулся к себе и потом уехал в степи к киргизам, объявив, что должен наблюдать за набором рабочих. 15 июля с. г. акушерка Янковская, по моей просьбе, передала мне ключи от канцелярии пристава; я поставил вблизи канцелярии охрану из своих людей, именно: 1) Халыкула, Мумина, Ахмата, Атакула и Нарбека, все б. стражники, один лишь Атакул — больничный сторож. Я пришел потом вторично к канцелярии пристава вечером; тогда увидел, что канцелярия разгромлена. Из моей стражи остался один лишь Ахмат; он объяснил мне, что из грабителей опознал одного лишь Матляба Кунабаева, который будто взял ружье из канцелярии. Никого больше не знаю, кто грабил канцелярию.

В субботу 16 июля никаких происшествий у нас не было. В воскресенье 17 июля наши богданцы стали небольшими партиями ездить в Джизак узнавать, что случилось. Жители Ян-Кишлака собрались толпой человек в двести и обратились ко мне с просьбой стать во главе их для похода на Джизак. Они просили у меня благословения. Я тогда, уступая просьбам народа и почетных лиц, дал им благословение только в той форме, что погладил себя по бороде и сказал: «Если хотите, идите». Но

отказал им стать во главе похода. Из почетных лиц тогда у меня были: 1—2) Дауран и Хафиз, ставшие во главе жителей сел. Ян-Кишлак, 3) Мирза кул Ходжи из сел. Курба, 4) Каримбай Угамбердыев—сел. Ян-Кишлак, 5) Мулла-Дауран Бердыяров—с. Ян-Кишлак, 6) Бердыяр Куанов—с. Ян-Кишлак, а также старшины, 7) Маман Парманов Ян-Кишлакского общества, 8) Балхы Бахманов, старшина из сел. Иланчи, 9) Мулла Джанкабыль Рахманкулов из с. Осман-Сай, 10) Зульфукар Юлдашев, Нурекский старшина, 11) Мулла Хасан Мулла Тогаев — сел. Ян-Кишлак, 12) Мулла Абдулла Ходжа Мухамедов — с. Ян-Кишлак. Я даже их уговаривал подождать, пока не вернется из Самарканда Дауран с известием, как там: спокойно или тоже восстание против русских. Тогда приехал ко мне дотоле мне неизвестный джизакский ишан Назыр Ходжа с имамом Мулла Раимом Мулла Абдураимовым и Махмудбаем, фамилии не знаю, из сел. Иланчи. Назыр Ходжа сообщил мне, что железная дорога между ст. Сыр-Дарья и Куропаткино испорчена и мосты сожжены. Он обещал привести много войск, и мы условились, что соберемся все в местности Клы в расстоянии одного таша (8 верст) от Джизака. Назыр обещал послать письмо с назначением срока. Письмо от Назыра Ходжи было мною получено; в нем значилось, что на 21 июля, в четверг, собираются все толпы в местности Клы, там приготовлено много запасов провианта и оружия. Выступили ян-кишлакцы в Клы в среду и прибыли туда в четверг, 21 июля. Я присоединился к ним из любопытства. В Клы мы застали уже толпу в 600 человек под командой Джайнака (сел. Иланчи), все были жители сел. Иланчи, Осман-Сая и сел. Нурат; многие из них были вооружены револьверами, ружьями, шашками, топорами и палками. Толпа ян-кишлакцев была вооружена, всего каких 20 двухстволками и револьверами не больше 10 штук [1]); все были всадники, пеших не было.

Оказалось, что Назыр Ходжа нас обманул, привел с собою человек 10—15. Оружия и провианта тоже не оказалось. В Клы был общий совет, на нем присутствовали все вышепоименованные главари и почетные лица. Обсуждался вопрос о назначении бека для войны с русскими. Назыр тогда говорил, что у него в городе Джизаке много оружия, револьверов и ружей. Сам он был вооружен пятизарядною винтовкой и двумя револьверами (браунингами). Все предлагали мне объявить себя беком, указывая на то, что происхожу из почетного рода и отец мой был беком. Я же отказался от этого, ссылаясь на то, что я стар и не джизакский. Потом выбор остановился на Назыре Ходже, как молодом и энергичном и притом городском жителе. Назыр согласился. Все произнесли «Аминь Алла акбар», выразив тем, что дело решено. Однако поход на Джизак не состоялся, так как не оказалось ни фуража, ни провианта, и все разошлись. Все вернулись в Богдан. Да, я вспомнил: находясь в с. Клы, я узнал, что войска жгут сел. Кара-Таш, находящееся неподалеку с. Богдан. Да, я вспомнил: был еще в с. Клы Каляндар Ходжа с жителями сел. Сарымсак. Сатара Ходжи и Катта Ходжи там не было.

Газават объявлен был у нас всеми по частям, каждый главарь в своей части. Для объявления газавата особой формулы не существует, а просто провозглашается «газават».

---

[1]) Так в подлиннике.

На следующий день после рамазана (вторник 19 июля), когда я давал благословение итти на Джизак, в то же время я объявил «газават» своим ян-кишлакцам.

В сел. Клы все мы собирались именно с целью священной войны. Выступая в поход на Джизак, мы приготовили себе знамена; у меня, у Джайнака и у Даурана с Хафизом было по одному знамени, всего три знамени. Знамена были из белой материи, величиною около двух аршин, с надписью, крупными в ¼ аршина величиною буквами, чернилами, от руки сделанными, гласящей: «Ля-иляха иллях ля Мухамед-Расул-юллях» («Нет бога, кроме бога, Магомет — пророк его»). На совещании в сел. Клы рассуждали о предстоящих планах на будущее время. Бедные и темный народ, разумеется, думали, что русские уже изгнаны из Джизакского уезда или еще больше, что настало время мусульманского мира. На совещании более разумные сторили и меньше планы. Однако говорили о том, что образуется отдельное владение «бекство» — с какими границами, не определялось, так как неизвестно было, какой успех будет «священной войны». О присоединении к какому-либо другому государству не было речи и, по моему, никто и не думал. Возник вопрос, что ведь для «бекства» самостоятельного нужно вооружение армии.

Назыр-хан тут вызвался вооружить армию, обещая, что в Джизаке у купцов и богатых людей много ружей и револьверов и хватит для войны с русскими. Это неправда, что я вступал в Джизак в роли «бека». Это неправда, чтобы я в Кул-баше или в другом месте объявлял себя «беком». Да, Шариф Байбача из Джизака приезжал ко мне; приехал он по делам покупки шерсти еще до восстания в Джизаке, потом же во время восстания уехал в Самарканд к своему компаниону Хасану Абдукадырову (кв. Наугандалик 3 части).

Впродолжение 50 лет народ был смирный и спокойный. Единственно лишь предстоящий набор рабочих для армии вызвал всеобщее недовольство. Однако я не умею объяснить, как случилось, что весь Джизакский уезд почти одновременно взбунтовался и объявил «газават».

Имелась ли у восставших районов связь с Заамином и Санзаром, а также другими местностями, мне неизвестно. Больше по делу показать ничего не имею. — Прочитано. Переведено. Записано правильно с моих слов.

Подлинное подписали. С подлинным верно:

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда
Маслянкевич.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Никольский.

Письма Абдурахмана Джевачи старшине сел. Нарван Мулла Данияру [1])

1.

Во имя бога. Приветствие моему брату Данияру от Абдурахмана Ходжия. Мы 5—6 дворов включены в список селения Янги-Кургана. Вы никоим образом не запишите нас в список. Привет. Абдурахман Ходжа.

---

[1]) Печатаются по официальному переводу в деле Туркестанского военно-окружного суда (ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164а, л. 86). Сохранились подлинники только 1-го и 3-го писем, написанных рукой самого Абдурахмана Джевачи, в том же деле, лл. 6—7.

2.

Во имя бога. Привет от Абдурахмана Ходжи, Разакбая, Каляндара Ходжи и Хайдара Токсаба господину муфтию Мулла Данияру и всем от младшего до старшего. Сим извещаем, что после совершения молебна нишень (в полдень) выступили на базаре Богдан с целью священной войны (газават). За исключением женщин, до единого вооружившись, приходите. Едем в Джизак. Собираемся... (одно слово неразборчиво); извещайте всех, чтобы никто не остался [1]).

3.

Привет бесконечный от ничтожного всем малым и старшим братьям нарванцам. Извещаю, что мы здоровы, чего желаем и вам. Ваши слухи оказались неверны, он вернулся в место стоянки. Писал ничтожный. Привет (подписи нет).

4.

Привет от Абдурахмана Джевачи и Мулла Джайнака из Осман-Сайя, а также от сборища Назар Дума. Сборищам Мулла Кыиджа Казы, Мулла Умара и Мулла Данияра. Из Кара-Таша выступили на нас войска и дошли до нас. Сжигают Нурак. Вы, как родственники, приходите скорее. Мы, собравшись в Осман-Сайе, человек 500, ожидаем вас. Идут на нас солдаты, приблизительно человек 40, из коих двадцать мужчин и двадцать, повидимому, женщин. Сегодня в пятницу вечером приходите. Дай бог вам здоровья.

Протокол допроса [2]).

1916 г. августа 14 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда в камере допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 443 ст. у. у. с., и он показал.

Дмитрий Николаевич Водопьянов, 36 л., православный подполковник Ташкентского наследника цесаревича кадетского корпуса.

13 июля с. г. я был командирован вр. и. д. командующего войсками для расследования в Джизак. Выехать мне в тот же день оказалось невозможным, так как поездов не было ввиду порчи железнодорожного пути. Только 14-го утром я с воинским поездом выехал на ст. Урсатьевская, оттуда на паровозе прибыл в Обручево, где застал поезд с воинскими частями и отрядами рабочих для починки железнодорожного пути. Там же находился военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Лыкошин. 15 июля пополудни неподалеку станции Ломакино навстречу нашим поездам выехал со ст. Джизак поезд с отрядом рабочих, которые под охраною воинских частей починяли путь с другой стороны. 15 июля вечером наши поезда прибыли на ст. Джизак. 16 июля утром стали доходить известия о появившихся со всех сторон толпах туземцев. Полковник Владиславлев, под командой которого находились воинские части, взяв роту или другую часть, отправился по неизвестному мне направлению. В то время из города принесли вести, что на «Пьяной горе»,

---

[1]) На подлинном имелась печать: „Абдурахман бек Абдуджабаров. 1334 г.", т. е. 1916 г.

[2]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 164а, лл. 125—130.

находящейся при самом городе, стали появляться группы туземцев и видны толпы их, приближающиеся к городу. С разрешения генерал-майора Лыкошина я, взяв орудия с соответственным к ним прикрытием, отправился в русский город Джизал на «Пьяную гору». До моего прихода туземцы уже отступили с этой горы; по донесениям разведчиков, они сосредоточились в старом городе Джизаке, отдаленном в верстах пяти от русского города Джизака.

По объяснениям местных жителей русского г. Джизака, а также указаниям подполковника Афанасьева, помощника уездного начальника Джизакского уезда, сарты собрались на базарной площади в старом городе, где обыкновенно получают благословение от ишанов. Находя необходимым принять меры к охране русского города и рассеять толпы, я распорядился выбором позиции для орудий и произвел несколько выстрелов по базарной площади. Сведения оказались вполне верными, так как поднялись полосы пыли, и видно было множество всадников, бегущих из города. По группам таким произведено было несколько выстрелов. Намереваясь совершенно очистить город от мятежников, я отправился в старый город. По дороге по сторонам встречались нам во многих местах группы туземцев, — все были вооружены или ружьями или револьверами. При нашем приближении сборища бросались в стороны, и лишь разведкам, высланным по сторонам, пришлось вступить с ними в перестрелку и рассеивать их.

При приближении к базарной площади я получил известие от дозоров, что на площади собралась большая толпа сартов. Несмотря на то, что я поспешил со своим отрядом ускоренным аллюром, однако до нашего прибытия толпа рассеялась. В туземном городе в старой туземной крепости оказалось очень хорошее для наблюдения над всем городом место. Местные жители указали мне два пункта, где, по их сведениям, всегда собирались туземцы в усадьбах каких-то,—не помню, каких,—главарей восстания. Так как пройти с отрядом к этим местам ввиду узости улиц было невозможно, я распорядился произвести несколько выстрелов орудийных по этим пунктам. Опять сведения оказались верными, так как поднялись полосы пыли, показались толпы, скачущие в поле, за город; по убегавшим за городом уже произведено было несколько орудийных выстрелов.

Со мною отправились в старый город некоторые из русских, которые давали мне ориентировку. Они настойчиво просили принять меры к освобождению их семейств, оставшихся в старом городе; принятыми тогда же мерами удалось освободить некоторые семейства, — не помню, кого именно и сколько человек, — указать их может, полагаю, подполковник Афанасьев.

Пройти весь город и очистить его от мятежников мне не удалось, так как получено было приказание от полковника Владиславлева вернуться на станцию Джизак, что и было мною сделано. На ст. Джизак я застал приехавшего полковника Иванова, назначенного начальником джизакского карательного отряда. Явившись к полковнику Иванову, я доложил ему о моих действиях; таковые были им одобрены; по его распоряжению, я был присоединен к его же отряду.

16 июля с. г. мне было поручено принять меры к охране станции Джизак, что и было исполнено. 17 июля с. г. полковником Ивановым я был назначен начальником пехоты отряда, выступавшего под его предводительством в Заамин. На станцию Обручево наш отряд прибыл поздно

вечером и сразу, выйдя из поезда, приняли мы направление на Заамин. Все встречавшиеся нам по дороге селения (кишлаки), как равно и сам Заамин, оказались покинутыми; жители все уехали. Посланная вперед рота пехоты привела семью пристава Соболева, жену и 2 сыновей, фельдшера, его трех дочерей и двух сартов, у которых они нашли приют от мятежников. Все время по дороге в Заамин кругом нашего отряда появлялись группы вооруженных сартов. Полковник Иванов приказал приступить к карательным действиям. 18 июля с. г. наш отряд прибыл в Заамин. 19 июля сего года полковник Иванов вернулся в Джизак, а команду отрядом поручил мне. Моею задачей было пройти долиной между горами и линией железной дороги. 20 июля с. г. в 4 часа утра я выступил по направлению к селению Рабат. В часов 10—11 дня отряд отдыхал, так как переход был крайне утомителен, особенно еще ввиду отсутствия воды. Все время похода издали на горах показывались группы вооруженных всадников туземцев, — группы не больше как в 10 человек, изредка доходившие до 50 человек. Видно, разведчики, высланные на разведку. Все селения, встречавшиеся по дороге, были совершенно пусты. Во время отдыха получено было известие, что отряд под командою прапорщика Якушева в 12 человек, посланный вперед, вступил в перестрелку с туземцами-мятежниками вблизи самого Рабата, в расстоянии верст 20 от места нашего отдыха. Мною послано было 20 человек казаков (все, какие были у меня) с целью принять меры к обходу мятежников, чтобы окружить их. Казаки вступили в перестрелку с мятежниками. Мой отряд прибыл в Рабат поздно вечером. Оказалось, что отряд Якушева ввиду недостатка воды отошел на ст. Ломакино. По докладу казачьего урядника, в сел. Рабат спряталось человек 400 мятежников под руководством какого-то человека в белом кителе. Чтобы устрашить мятежников, мною тогда же поздно вечером произведено было несколько орудийных выстрелов в ту сторону, где прятались мятежники.

21 июля с. г. мои разведчики, разыскивая воду, донесли мне, что вблизи отряда в горах находятся полчища мятежников, которые спускаются на сел. Рабат. Мною немедленно были приняты меры к тому, чтобы обойти мятежников с флангов и встретить их шрапнельным огнем. Действительно, с ближайших гор стали спускаться толпы вооруженных всадников, послышались выстрелы из толпы, толпы стали собираться внизу на равнине. Тогда мною открыт был артиллерийский огонь по мятежникам. При первых выстрелах мятежники обратно поскакали в горы и стали прятаться среди скал, однако время от времени стали появляться отдельные группы на горах, по ним также открывался огонь. В такой перестрелке находились мы до вечера того дня. Получив приказ вернуться в Джизак, я 22 июля с. г. вернулся в г. Джизак. (Полковником Ивановым тогда же я был назначен начальником штаба джизакского карательного отряда). Оказалось, как я узнал в Джизаке, 21 июля из Джизака выступил отряд с пулеметом под командою помощника уездного начальника подполковника Афанасьева. Отряд этот вскоре вернулся, потеряв одного казака. Мне 22 июля с. г. приказано было выступать в с. Клы, откуда мятежники нападали на отряд подполковника Афанасьева, и рассеять полчища мятежников. Выступив в 2 часа ночи, чтобы незаметно подойти к с. Клы, я принял меры к тому, чтобы с трех сторон окружить селение. При нашем приближении к с. Клы вдали показалась группа в 60 человек всадников, быстро удалявшаяся в горы. В самом сел. Клы, ни в окрестностях мятежников не было обнаружено.

Нашли мы лишь труп казака из отряда, высланного 21 июля. Труп был совершенно голый, на ногах были вырезаны из кожи ремни, нос и половой член были отрезаны, все тело с многочисленными ранами. Вблизи трупа валялись порванные остатки — обрывки снаряжения. Опознать труп можно было только по волосам.

Начальником карательного отряда полковником Ивановым высланы были немедленно в разные стороны воинские части по направлению в те места, где потерпели русские или где ожидалось выручить русских из рук мятежников. Во главе таких отрядов были разные лица; некоторые отряды существовали недолго, некоторые начальники часто сменялись. Больших отрядов выслано было, насколько помню, шесть: 1) капитана Ефимова, — отряд этот одной из своих задач имел установление связи Заамина с Санзаром; из отряда погиб один казак, а другой был ранен. Казаки эти были, видно, окружены мятежниками и погибли в неравной борьбе; раненый умер в больнице. 2) Второй отряд был под моею командою, о чем выше давал показания. 3) Был под командою есаула Донскова, направился в Богдан. 4)Под командою подполковника Афанасьева, помощника уездного начальника, направился тоже в Богдан, но должен был пройти по горам; отряд этот вернулся, потеряв одного казака и не выполнив своей задачи. 5) Под командою подполковника Бархотова, с целью очистить от мятежников окрестности вблизи станции Милютинская и Санзар. 6) Под командою полковника Владиславлева, должен был очистить от мятежников старый город Джизак. Кроме этих отрядов в разное время высылались другие отряды под командою разных лиц. По донесениям начальников отрядов, всюду встречались толпы мятежников, вооруженных как холодным, так и огнестрельным оружием, — несмотря на появление войск время от времени пытались оказать вооруженное сопротивление, вступая в перестрелки с воинскими частями, но вскоре быстро рассеивались под нашими выстрелами.

К 25 июля полковник Иванов счел восстание ликвидированным, и сам отправился с докладом к командующему войсками. Действительно, после этого числа массовых выступлений со стороны туземцев не было, случались только единичные нападения со стороны туземцев на отдельных лиц. Такие нападения случались даже и в августе месяце, — именно, в ночь с 1 на 2 августа каких-то три необнаруженных туземца произвели выстрел из револьвера в расстоянии 30 шагов по часовому, стоявшему на полотне железной дороги вблизи семафора ст. Джизак, и ранили часового в локоть руки. Кроме того 3 августа в старом городе Джизаке какие-то неизвестные туземцы стреляли по чиновнику земледелия Тюменцеву, проезжавшему без конвоя. Отрядами было прислано в штаб общим числом разных систем ружей штук 15, две-три шашки и три-четыре револьвера. Ружья были все системы старой, встречались винтовки системы Бердана кавалерийского и пехотного образца. Винтовок новых систем не было отобрано, три винтовки, отобранные у убитых казаков, обнаружены не были. Шашки были туземного и военно-артиллерийского образцы. Револьверы почти все системы Смит-Вессона и Нагана. Как по моим личным наблюдениям, так и по донесениям, иностранных лиц среди мятежников не замечалось. Среди убитых не было никакого иностранца. Единственно только 17 июля с. г. один из прапорщиков, командующий ротою 732 дружины, охранявшей тогда ст. Джизак, сообщил мне в разговоре, что его солдатами ночью в яме, где были зарыты сартовские вещи, найден был заграничный паспорт какого-то немецкого под-

данного, визированный в г. Андижане. По его словам, паспорт этот препровожден был им по начальству полковнику Владиславлеву. О разговоре с этим прапорщиком я доложил полковнику Иванову. Что случилось с паспортом, мне неизвестно. Казачий сотник Кобылев, бывший в отряде подполковника Афанасьева, во время моего выступления в сторону с. Клы, докладывал мне, что у полчищ, нападавших с гор на отряд подполковника Афанасьева, было большое белое знамя. У нас в штабе не имеется сведений о существовании еще большего количества знамен. Ни одного знамени в штаб не было представлено. К перечисленным выше потерям воинских чинов надо еще добавить убийство туземцами рядового 732 дружины в саду вблизи станции Джизак 16 июля утром.

За подписью и с подлинным верно. И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда Маслянкевич.

При допросе присутствовал тов. прокурора Д. Никольский.

Постановление.

1916 г. августа 18 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, рассмотрев настоящее дело, нашел.

В первых числах июля 1916 г. туземцам Джизакского уезда было объявлено высочайшее повеление о наборе рабочих из их среды для нужд армии и приказано было немедленно приступить к составлению списков рабочих.

Объявленная мера правительства вызвала недовольство среди туземцев. В Синтабской и других волостях пятидесятники сразу заявили, что без прямого согласия населения дать рабочих не будут составлять списков. В Богданской волости самое влиятельное и почетное лицо Абдурахман Джевачи Абдуджабаров сейчас же отправил своих людей в большие города Ташкент и Самарканд узнавать, как в этих местах поступят туземцы, и просить ходатайства об отмене предстоящего набора рабочих туземцев. От г. Джизака поехал в Ташкент ишан Назыр Ходжа Абдусалямов.

В середине июля с. г. джизакскою администрацией назначен был по всему уезду поверочный сбор рабочих, помещенных в списках, составленных туземной администрацией.

На 12 июля 1916 г. в 6 часов пополудни полицейским приставом г. Джизака Зотогловым назначена была такая проверка по Джизаку. Туземцы, зная о поездке ишана Назыра Ходжи в Ташкент, ожидали с большим нетерпением его возврата. Около 4—5 часов пополудни 12 июля с. г. ишан Назыр Ходжа вернулся и торжественно был встречен толпою. Им привезено было известие, что в Ташкенте в связи с набором рабочих возникли беспорядки и что набор отложен до окончания мусульманского поста «ураза» (17 июля с. г.). Вести эти стали сильно волновать народ. Ввиду наступления сумерек, когда мусульманам разрешается разговляться от дневного поста «ураза», проверка рабочих приставом Зотогловым была отложена до утра следующего дня. В ночь с 12 на 13 июля с. г. по всему городу происходили среди туземцев совещания по поводу набора рабочих.

13 июля утром собравшаяся по поводу набора рабочих на данном базаре в туземной части города Джизака толпа народа, потребовав от старшины Мирза Яра Худоярова уничтожения списков рабочих, ввиду

его отказа сделать это, во главе с ишаном Назыром Ходжой, набросилась на старшину и убила его.

Главарь толпы ишан Назыр Ходжа стал подстрекать народ к избиению всех русских административных, так и частных лиц, объявив священную войну «газават».

По взглядам туземцев, мусульманин, погибший в священной войне (шахид), заслуживает себе рай, а убивший «неверного» получает звание «газы» (победитель).

Возбужденная толпа, во главе с ишаном Назыром Ходжой, двинулась в сторону русской части г. Джизака, отстоящей в 5 верстах от туземной части.

Узнав об убийстве старшины, старший аксакал Мулла Хидыр Бай Юлдашев поскакал к уездному начальнику полковнику Рукину и приставу Зотоглову с докладом. Полковник Рукин распорядился немедленной высылкой войск в туземную часть города Джизака под командой своего помощника подполковника Афанасьева, сам же на извозчичьем фаэтоне поехал в старый город вместе с приставом Зотогловым, ст. аксакалом Юлдашевым; за ними поскакали переводчик Мирза Хамдам Закирджанов и джигиты Камиль Джумабаев и Закир, вооруженные винтовками. По показаниям ст. аксакала Юлдашева, на половине дороги в туземную часть, в квартале «Ташлак», встретилась им толпа туземцев, вооруженных палками, направлявшаяся в русскую часть. Полковник Рукин, выйдя со своими спутниками из фаэтона, пытался успокоить толпу. Из толпы раздавались крики: «Не дадим рабочих». Толпа окружила полковника Рукина и его спутников и стала отбирать у джигита Джумабаева винтовку; когда он сопротивлялся, посыпались на его голову удары палками. Желая защитить его, полковник Рукин с приставом бросились к Джумабаеву; в это время, как удостоверяет свидетельница Китаева, один из главарей толпы Ашур Инатуллаев, вооруженный шашкою, ударил ею по плечу полковника Рукина, а вслед затем толпа палками убила на месте как полковника Рукина, так и пристава Зотоглова, переводчика Закирджанова и джигита Джумабаева.

Выступившая навстречу толпы воинская команда залпами рассеяла толпу. Туземцы разбрелись тогда на все стороны: часть направилась в русскую часть города, но, увидев, что городские жители, собравшись в церкви и вооружившись чем кто мог, готовы отражать нападение, отошла от города, другая часть бросилась на станцию Джизак, находящуюся в расстоянии полторы версты от русской части г. Джизака. Встретив сопротивление и на станции, толпы подожгли только бак с мазутом и разбрелись по полотну железной дороги, грабя и убивая поголовно всех железнодорожных служащих, сжигая их дома и уводя скот. Станция Ломакино была тогда целиком сожжена и разграблена. Телеграфные провода и полотно железной дороги были разрушены на большом пространстве между станциями Джизак и Обручево; железнодорожное сообщение удалось восстановить лишь к 16 июля; нормальное пассажирское движение восстановлено было значительно позднее.

Вспыхнувшее в Джизаке восстание быстро распространилось по всему Джизакскому уезду; всюду почетными туземцами объявлялась священная война против русских, все русские были поголовно избиваемы, женщины взяты в плен, обращаемы в мусульманство и многократно насилованы, все имущество русских, как частное, так и казенное, было разграблено, а жилые помещения сожжены.

В Богданском участке Джизакского уезда жил влиятельный туземец, известный и за пределами уезда, Абдурахман Абдуджабаров, по прозвищу Джевачи. Все туземцы относились к нему с особым почетом и уважением, как потомку древнего рода мангитов, сыну чардаринского бека, который погиб, командуя бухарскими войсками в сражении с русскими под Кок-Тюбе, в Джизакском уезде. Сам Абдурахман Абдуджабаров до завоевания края служил в бухарских войсках в чине «поручика», после смерти отца получил большое наследство, которое еще увеличил коммерческими делами, подрядами и арендою весового сбора в Богданском участке.

Джизакские события взволновали туземцев и в Богданском участке. Абдурахман Абдуджабаров вечером 13 июля послал за сведениями в Джизак своего брата Бабабека.

Ввиду враждебного настроения толпы в Богданской и соседних узбекских волостях богданскому участковому приставу Борило, во избежание смерти, пришлось ночью 14 июля уехать в киргизские волости.

После отъезда пристава 15 июля толпа богданцев, с Абдурахманом Абдуджабаровым во главе, разгромила канцелярию пристава и больницу. Акушерка Янковская и прислуга ее Клюева нашли себе убежище в доме главаря Абдуджабарова Джевачи, где хотя спасли жизнь, но подверглись насилиям со стороны сыновей Джевачи и других лиц. Единственный русский, оставшийся в Богданской волости, лесообъездчик Бабин тогда же, 15 июля, был задушен туземцами, Рахматом Атамуратовым и другими.

Высланный в Джизак Бабабек Абдуджабаров (брат Джевачи) вернулся к брату вместе с депутацией от жителей гор. Джизака, во главе которой стояли: ишан Назыр Ходжа, имам Мулла Магомед Раим Мулла Абдураимов, джизакский богач, арендатор весового сбора Шариф-Бай бача Худайбердыев и другие.

На происшедших в доме Абдурахмана Джевачи Абдуджабарова совещаниях, в коих приняли участие Джайнак Абдурасулев и другие, решено было объявить священную войну, итти, собрав полчища туземцев, в поход на Джизак, отвоевать его у России, образовать самостоятельное бекство во главе с избранным из их среды «беком». Собираться решено было к 21 июля в местности Клы, в 12 верстах от города Джизака.

Действительно, к тому времени в местности Клы собрались большие толпы туземцев, вооруженных огнестрельным и холодным оружием Во главе толпы стояли: Абдурахман Джевачи Абдудажабаров, Джайнак Абдурасулев, Каляндар Ходжа Мухамед Амин Ходжаев, Назыр Ходжа Абдусалямов и другие. Первые трое пришли со знаменами из белой материи с надписью, по туземному значащею: «Нет бога, кроме бога, и Магомед — пророк его» (изречение Корана). В сел. Клы, по общей просьбе, Абдурахман Джевачи Абдуджабаров объявил себя «джизакским беком» и выступил в поход на Джизак.

Как раз в тот день был послан карательный отряд из 30 казаков, с пулеметом, под командою помощника джизакского уездного начальника подполковника Афанасьева. Целью отряда было очистить окрестные городу Джизаку туземные селения от мятежников, которые время от времени показывались в виду города, как бы для разведок.

Собранные тогда в сел. Клы толпы туземцев окружили отряд подполковника Афанасьева и, обстреляв его, заставили вернуться в Джизак. Из отряда погиб один казак, труп которого был найден лишь 22 июля 1916 г. сильно изуродованным.

Принятыми начальником джизакского карательного отряда полковником Ивановым энергичными мерами восстание к 25 июля было подавлено; после этого массовых выступлений мятежников уже не было, случались лишь единичные нападения на солдат.

25 июля с. г. Абдурахман Джевачи Абдуджабаров, ввиду приближения войск, выехал навстречу войскам, приведя с собой «спасенных» им акушерку Янковскую и Клюеву. Абдуджабаров тут же и был задержан.

Допрошенные на следствии ишан Назыр Ходжа Абдусалямов, имам Мулла Магомед Раим Мулла Абдураимов, Абдурахман Джевачи Абдуджабаров, Джайнак Абдурасулев, отрицая то, что стояли во главе толп, задавшись целью отторжения от России Джизакского уезда, признали таковые цели в отношении друг друга, оговаривая один другого.

Судебный следователь, обсудив вышеизложенное и находя, что в действиях Абдусалямова, Абдураимова, Абдуджабарова и Абдурасулева, кроме преступных деяний, предусмотренных 13, 263, 268 ст. ст. улож. о нак., 123 ст. угол. улож., имеются признаки преступления, предусмотренного 51, 100 ст. угол. уложения, и согласно словесному предложению г. прокурору Самаркандского окружного суда, постановил:

1) Ишану Назыру Ходже Абдусалямову, 2) имаму Мулла Магомед Раиму Мулла Абдураимову, 3) Абдурахману Абдуджабарову (он же Джевачи) и 4) Джайнаку Абдурасулеву предъявить дополнительно обвинение в том, что они, по предварительному между собою и с другими соглашению, между 13—25 июля 1916 г., с целью образования самостоятельного мусульманского государства, насильственно посягали на отторжение от России Джизакского уезда Самаркандской области, для чего собрали вооруженные толпы туземцев, объявили «священную войну» («газават») против русских и, провозгласив Абдурахмана (Джевачи) Абдуджабарова «джизакским беком», выступили в поход на Джизак, причем 21 июля 1916 г. вели перестрелку с воинской частью, т. е. в преступлении, предусмотренном 51, 100 ст. уголовного уложения.

Подлинное подписал. С подлинным верно. И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда М а с л я н к е в и ч.

Постановление [1]).

1916 г. октября 13 дня. Г. Джизак. Судебный следователь Самаркандского окружного суда, рассмотрев дело «О восстании туземцев в Санзарском участке Джизакского уезда», нашел.

В первых числах июля 1916 г. туземцам Джизакского уезда было объявлено высочайшее повеление о наборе рабочих из их среды для нужд армии и приказано было немедленно приступить к составлению списков рабочих.

Объявленная мера правительства вызвала недовольство среди туземцев; в некоторых волостях лица туземной администрации открыто заявили, что без прямого согласия населения дать рабочих не будут составлять списков.

По всему Джизакскому уезду самые влиятельные туземцы стали совещаться, как поступить народу в отношении поставки рабочих; сами ездили или посылали своих людей в большие города Ташкент и Самарканд за указаниями, как поступят туземцы в больших городах и что

[1]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 2, д. № 1646, лл. 141—144.

им делать. На всякий случай свое имущество и запасы провианта вывезли в горы.

Среди туземцев распространилось убеждение, что Россия ощущает недостаток в войсках, нехватает людей для войны, поэтому призывают туземцев вовсе не для работы, а для набора в солдаты.

В Санзарском участке Джизакского уезда самыми влиятельными лицами являлись: санзарский народный судья Туракул Турадбеков и брат его Ишанкул. Дядя братьев Турадбековых до завоевания края был «санзарским беком», отец же их состоял при брате в должности «карауд-бека». Пользуясь таким родовитым происхождением, братья Турадбековы приобрели громадное влияние и почет в своей среде.

С первых же чисел июля с. г., сейчас после объявления высочайшего повеления о наборе рабочих, в Санзарском участке под их руководством устраивались большие совещания. Влиятельные туземцы: Аликул Джурабаев, представитель племени «каштамгал», Курбанбай и Мухамед Мурад, братья Хусаиновы, посещая собрания братьев Турадбековых, в свою очередь, в своих селениях собирали почетных туземцев для обсуждения вопроса, как должны реагировать туземцы на призыв для работ.

Джизакский уездный начальник полковник Рукин принял все меры для успокоения туземцев; во многих местах уезда лично объяснял народу, что призываются лишь для работ, а вовсе не в солдаты.

В Санзарском участке в с. Усмат лично уездный начальник разъяснил вызванным туда же почетным туземцам и народу порядок,, причины и цель набора рабочих. Несмотря на вызов, санзарский народный судья в с. Усмат к уездному начальнику не явился, вследствие чего был вызван для объяснения в гор. Джизак.

В середине июля с. г. джизакской администрацией назначен был по всему уезду поверочный сбор рабочих, помещенных в списках, составленных туземной администрацией.

Первый поверочный сбор назначен был на 12 июля в 6 часов пополудни в гор. Джизаке. В тот же день вернулся в Джизак ишан Назыр Ходжа, посланный в Ташкент за сведениями, как поступать народу в отношении набора рабочих, и объявил народу, что в Ташкенте возникли беспорядки в связи с набором рабочих, и таковой отложен до окончания мусульманского поста «ураза».

За поздним временем 12 июля поверка рабочих по гор. Джизаку не состоялась, была отложена до следующего дня.

13 июля утром возбужденная ишаном Назыром Ходжой толпа убила старшину Худоярова и, объявив «газават», двинулась на русскую часть города Джизака, отстоящую в 5 верстах от туземной части.

Полковник Рукин, узнав о беспорядках в туземной части и движении толпы на русскую часть гор. Джизака, приказал части джизакской караульной команды выступить навстречу толпе, сам же с некоторыми должностными лицами поехал вперед, рассчитывая успокоить туземцев до прибытия воинской части. Как раз в то время, 13 июля с. г., явился в Джизак санзарский народный судья Туракул Турадбеков для объяснений уездному начальнику о причинах неявки в с. Усмат. С Туракулом приехал в Джизак брат его Ишанкул.

В русской части г. Джизака настроение было тревожное — мятежники двигались на город, все ожидали дальнейших событий; воору-

жившись чем кто мог, собрались в церкви, где решили защищаться от нападения мятежников.

Туракул и Ишанкул Турадбековы, увидев тревогу среди русского населения в г. Джизака и так как никому до них не было никакого дела, а все думали лишь о личной защите, уехали на станцию Джизак ожидать дальнейших событий.

В то время мятежниками были убиты уездный начальник полковник Рукин и бывшие с ним вместе пристав Зотоглов, переводчик Закирджанов и джигит Камиль. Выступавшая навстречу мятежникам воинская часть залпами остановила дальнейшее движение мятежников на русскую часть города. Мятежники рассеялись по сторонам и бросились разрушать железнодорожное полотно и убивать всех железнодорожных служащих.

Туракул и Ишанкул Турадбековы, узнав от мятежников, разрушавших железнодорожный путь, что в г. Джизаке бунт, что объявлен «газават», уездный начальник, пристав и другие должностные лица убиты, и наглядно убедившись в наступлении «мусульманских времен», кратчайшим путем через горы вернулись к себе в Санзар вечером 13 июля. Тогда же вечером 13 июля в Санзаре созвали народ с почетными лицами во главе. Туракул Турадбеков объявил о бунте туземцев в Джизаке и наступлении «мусульманских времен». Тогда же Туракул Турадбеков всеми собравшимися, в память прежнего величия предков, объявлен был «санзарским беком». В тот же вечер провозглашен был «газават» — священная война против русских.

Утром 14 июля, собрав толпу мятежников, Туракул Турадбеков двинулся с ними убивать русских. Неподалеку в Нушкент-базаре работали 14 статистиков, частью русских, частью мусульман и один еврей; при них находились санзарский волостной управитель и стражник Бегучий.

Полчища Туракула Турадбекова, во главе с братом его Ишанкулом Турадбековым, влиятельными лицами: Аликулом Джурабаевым, Мухамед Муратом и Курбанбаем, братьями Хусаиновыми и другими, перебили всех 14 невооруженных статистиков. Трупы их, разбросанные на протяжении ½ версты, найдены были впоследствии войсками. Санзарскому волостному управителю удалось тогда скрыться от мятежников, а за стражником Бегучим часть мятежников долго гналась, пока не настигла его в сел. Калтай, где его и убили.

После убийства статистиков те же главари двинули толпы мятежников в с. Кок-Джар (в расстоянии 25 верст от Нушкент-базара), где в караулке жил объездчик Ососков с женой и 4 сыновьями. Около полудня 14 июля все тогда же были перебиты, караулка их разграблена. Трупы их обнаружены были сожженными... [1]).

Энергичными мерами карательного отряда восстание туземцев в Джизакском уезде к 25 июля с. г. было подавлено. Потерпев поражение, полчища братьев Турадбековых вернулись к себе в санзарский участок. Братья Турадбековы пытались снова собрать толпы мятежников; когда же это не состоялось, убедившись, что «мусульманское время» не удалось, искали спасения в бегстве и скрылись.

---

[1]) Опускаем за недостатком места подробное описание обстоятельств, при которых были убиты восставшими лесообъездчики, статистики и т. д.

Другие главари бунта — Аликул Джурабаев, Мухамед Мурат и Курбанбай Хусаиновы тоже поспешили скрыться.

По настоящее время удалось задержать одного лишь Туракула Турадбекова, который и привлечен к законной ответственности по 51, 100, 123 ст. ст. угол. ул., 13, 263, 268, 1459 ст. ст. ул. о наказаниях.

Судебный следователь, обсудив вышеизложенное и находя, что 1) Ишанкул Турадбеков, 2) Аликул Джурабаев, 3) Мухамед Мурад Хусаинов и 4) Куранбай Хусаинов достаточно уличаются в преступлениях, предусмотренных 41, 100, 123 ст. ст. ул., 13, 263, 268, 1459, 1525 ст. ст. уложения о наказаниях, постановил: 1) Ишанкула Турадбекова, 2) Аликула Джурабаева, 2) Мухамеда Мурада Хусаинова и 4) Куранбая Хусаинова привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение в том, что а) с 13 по 25 июля 1916 г., по предварительному соглашению с другими, приняли участие в явном восстании против властей и правительства Российской империи с целью воспрепятствовать приведению в исполнение высочайшего повеления о наборе рабочих из туземцев для нужд армии, причем участвовавшие в этом восстании все или частью были вооружены разным огнестрельным или холодным оружием, а самое восстание сопровождалось убийствами, истязаниями русских и туземцев из лиц администрации и частных лиц, а также порчей железнодорожного пути, телеграфа, грабежами, поджогами и другими насильственными действиями, причем, задумав отторгнуть от России Санзарский участок Джизакского уезда, провозгласив 14 июля 1916 г. «санзарским беком» Туракула Турадбекова, с целью свержения русского владычества, в тот же день став во главе полчищ, собранных Туракулом Турадбековым, повели толпы мятежников а) в Нушкент-базар, где мятежниками были убиты 14 статистиков, б) в Кок-Джар, где были убиты объездчик Ососков с женой и 4 детьми, караулка разграблена, а трупы сожжены, и в) в урочище Терекли, где были убиты: заведующий Зааминским лесничеством Запорин, тесть его, падчерица и объездчики Андрущенко, Петряев и Койнов, караулка разграблена и сожжена, затем 20 июля с. г. соединенными силами полчищ вблизи сел. Рабат, Рабатской волости, вступили в перестрелку с разведочной командой, вынудили ее отступить перед преобладающими силами мятежников, вечером в тот же день вступили в перестрелку с казаками, а на утро 21 июля пытались наступать на отряд подполковника Водопьянова, но были рассеяны шрапнельным огнем отряда;

Ишанкулу Турадбекову также в том, что в соучастии с другими убил русскую девочку неизвестного звания, а также Ишанкулу Турадбекову, Мухамед Мураду Хусаинову и Курбанбаю Хусаинову в том, что 17 июля лично убили 3 детей Петряева, которым 14 июля удалось сбежать от мятежников из караулки в урочище Терекли;

Мухамед Мураду Хусаинову и брату его Курбанбаю Хусаинову еще и в том, что, захватив в плен жену зааминского лесничего Валентину Запорину, изнасиловали ее, т. е. и по 13, 1525 ст. улож. о наказаниях; войти в Самаркандский окружной суд с представлением о сыске названных лиц через публикацию.

И. д. судебного следователя Самаркандского окружного суда
Маслянкевич.

Представление о сыске за № 384.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Наказ командующего войсками Туркестанского военного округа начальнику джизакского карательного отряда от 15 июля 1916 г. № 23552/1576 [1]).

Полковнику Иванову.

Вы назначаетесь начальником войск, расположенных в районе Урсатьевского железнодорожного узла и Средне-Азиатской дороги в районе Джизакского уезда.

Состав войск: отряд полковника Владиславлена из 2 рот 732-й Саратовской дружины, 32-й батареи и взвода сапер, кроме того 2 роты той же дружины на охране участка дороги у станции Урсатьевская, а также сотня 4-го Оренбургского казачьего полка, прибывшая из Керков в Джизак.

Ваша задача: 1) занятие города Джизака.

2) Выяснение на месте во всех подробностях создавшейся обстановки при содействии самаркандского губернатора и местной административной власти.

3) Восстановление пути Урсатьевская — Джизак — Самарканд, а также телеграфной связи по всему пути. Прикрытие участка железной дороги Урсатьевская — Джизак.

4) По выяснении района, где было совершено убийство чинов администрации Джизакского уезда, и участников разрушения станций и железнодорожного пути и других неистовств, немедленно выступить в этот район с карательным отрядом.

5) В карательных действиях проявите железную твердость и решительность [2]), имея ввиду как непосредственных виновников в убийстве и беспорядках, так и местное население, до известной степени ответственное за факт восстания против русской власти. Надлежит захватить главарей восстания, отнять награбленное и пр. [3]).

6) Вы подчиняетесь непосредственно мне.

7) О всем ставьте меня в известность по телеграфу и посылкой нарочных офицеров или надежных нижних чинов.

8) В отношении вверенных вам войск, в строевом отношении, вы пользуетесь правами начальника дивизии.

9) При исполнении возложенного на вас поручения вы имеете право требовать полного содействия местного губернатора и чинов администрации и

10) К месту назначения отправляйтесь без замедления и поспешите установить связь с самаркандской областной администрацией и войсками, действующими со стороны Самарканда.

Вр. командующий войсками генерал от инфантерии Ерофеев.

Скрепил вр. и. д. начальника штаба полковник Михайловский.

---

[1]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 219, д. № 7, л. 87. Печатается по отпуску; разночтения даны здесь по черновику, находящемуся в том же деле (л. 85), правленному рукой ген. Ерофеева.

[2]) В черновике далее зачеркнуто: «и беспощадность».

[3]) В черновике далее зачеркнуто: «Карательные действия должны заключаться в применении к главарям телесных наказаний и оружия до уничтожения селений восставшего населения».

Донесение военного губернатора Самаркандской области Лыкошина туркестанскому генерал-губернатору от 20 августа 1916 г. № 759[1]).

Начальник джизакского отряда 15 сего августа, за № 405, донес: разрушены и сожжены следующие туземные населения:

1) Джизакский район.

Сожжены — центр старого города Джизака; окрестности — кишлаки Клы, Кара-Клы и Сасык.

2) Богданский район.

Сожжены кишлаки: Кара-Таш, Ата, Кичи, Янги-Кишлак, Сафар-Ата, Сарымсак.

3) Зааминский район.

Сожжены: Заамин (почти весь), Каир-Яма (больше половины), Кара-Саргали (меньшая часть), Куркук (½), Кур-Казан (сожжено 7—8 дворов из 22), Ченг-Кайма (меньшая часть), Боюн-Турук (⅓), ст. Ломакино (20 лавок и караван-сараев), Нибуса (3 двора из 15), Кара-Курсак (меньше ½, всего 50), Ак-Байра (все), Карабаш (меньше половины, всего 15), Тышик-Кулак (меньше половины из 20), Кишлак Чал (⅓ из 50), Караити (3 двора из 50), Кабыль-Мазар (меньше половины из 40), Чит-Арык (⅓ из 50).

4) Санзарский район.

Сожжены поселки при ст. Милютинской (¼ ч. цела), Чулак (сожжено 2 дома), Кара (весь), Чубар (сожжено 2-3 дома), Кальтай (весь), Шуртепа, Катта-Кара-Мазар, Ташкескен, Шайбек (все), Джадык (½), Кырк, Таджик-Санзар, Карасу (½), Суфи, Джеты-Булак (все). Ак-Мулла (сожжено 2 дома), Кичик-Карашакшак, Катта-Карашакшак, Гуралас (½).

5) Пишагарский район.

Сожжены: Пишагарь — почти весь, Кочталь и Чамбиль—по несколько саклей.

6) Рабатский район.

Сожжено более половины кишлака Рабат.

Военный губернатор генерал-майор Лыкошин.

---

[1]) ЦАУ УзССР, с. о., ф. № 11, д. № 1135, л. 301.

Из записок А. Ф. Редигера.

Настоящая публикация является продолжением «Записок А. Ф. Редигера о 1905 г.», помещенных в XLV томе «Красного архива», и охватывает события 1906 года. Это был период, когда после декабрьского вооруженного восстания в Москве самодержавие перешло к подавлению революции путем беспощадного террора, карательных экспедиций, смертных казней, погромов и проч. Одновременно оно использовало фиговый листок думского лжеконституционализма для облегчения сделки с отечественным и международным, — в первую очередь французским,—капиталом и получения от последнего миллиардной финансовой поддержки.

Оставаясь диктатурой крепостников, самодержавие готовилось сделать еще один шаг в сторону превращения в буржуазную монархию. Чтобы осуществить этот маневр, требовалась вся изворотливость российской бюрократии, этого буржуазного по своей природе порождения, которому, по справедливому замечанию В. И. Ленина, абсолютизм и громадные политические привилегии «благородных» помещиков придали особенно вредные качества, создав в его лице «постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа» [1]).

Двойственность политики самодержавия отражалась и на его военном аппарате, возглавляемом Редигером, и «Записки» последнего вскрывают характерные в этом отношении детали. Штабной офицер, в течение многих лет профессор военной администрации в Академии генерального штаба, а с 1898 г. по 1905 г. также начальник канцелярии военного министра, он потому и выдвинулся на пост военного министра эпохи подавления революции (1905—1909 гг.), что был типичным царским бюрократом, искушенным в деле «сочетания интересов помещика и буржуа». Подавляя огнем и мечом революционное движение, он в то же время стремился всеми силами замаскировать те черты, которые особенно резко обнаруживали роль армии, как аппарата классового насилия, и стремился,—насколько это ему позволяли интересы возглавляемого романовской кликой дворянства особенно тесно связанного с армией как опорой своего господства, — улучшить ее на основе буржуазных по существу мероприятий.

С одной стороны производилась мобилизация всех сил для расправы с революцией. Армия, поскольку она еще не потеряла своей боеспособности, была сведена на роль чисто полицейской силы. Вызывались одна за другой льготные казачьи части, особенно пригодные для этой цели. По отношению к ним правительство не скупилось на подкуп. Им выдали более 5 миллионов рублей на «пособия», несмотря на критическое состояние бюджета, и царь «сожалел», что не может выдать этой суммы из своего кармана. Особыми царскими грамотами было подтверждено льготное казачье землевладение, укреплявшее положение казачества как

[1]) Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. I, стр. 192.

опоры царского режима. Пустились на прямую демагогию с сословным представительством, созвав «войсковую раду» для разрешения земельных споров внутри кубанского казачества. В тех же целях персональный состав военно-судебного ведомства был пересмотрен с таким расчетом, чтобы гарантировать беспощадность расправы с революционерами, и во главе его Редигер поставил выдающегося по своей жестокости военного прокурора Павлова, которого сам же цинично называет «человеконенавистником».

В то же время Редигер не оставлял попыток вернуть армию к ее «прямому призванию», идя навстречу классовой потребности не только царя, но и империалистической буржуазии иметь вооруженную опору внешне-политической агрессии. А ради этого нужно было прежде всего сохранить хоть тень подобия «надклассовости», «общенародности» армии, иллюзию ее аполитичности. И Редигер противится всему, что особенно уж откровенно разоблачало роль армии как самого грубого, кровавого орудия классового господства. Он возражает против инструкции Дурново, рекомендующей войскам, руководимым, по признанию Редигера, «поручиками—и притом либо трезвыми, либо пьяными», не останавливаться перед сжиганием целых деревень. Он довольно решительно протестует против того, чтобы объяснения в Государственной думе по поводу смертных казней давал представитель военного ведомства. Последнее, по словам Редигера, играло в этом деле чисто «служебную роль» — ведь военный суд лишь «разбирал дела, которые ему передавались, и выносил по ним смертные приговоры»! Только под усиленным нажимом своих коллег по Совету министров он соглашается послать в Думу «техника этого дела» Павлова. При всем своем раболепстве Редигер все же идет на прямое невыполнение распоряжения царя, требовавшего, с прямолинейностью истого крепостника, «выделения политически неблагонадежных людей в особые рабочие части, которые могли бы назначаться на государственные работы». Бюрократический слуга самодержавия лучше своего хозяина понимал невозможность усиления крепостнических пережитков в организации армии.

«Военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы», — писал В. И. Ленин по поводу падения Порт-Артура. — Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием... Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела»[1]). И классовый инстинкт подсказывал Редигеру необходимость некоторого обновления военного аппарата, очищения его от наиболее архаических элементов, неспособных примениться к изменившейся обстановке. Эту чистку генералитета он старался провести через улучшение пенсионного дела, что должно было облегчить освобождение армии от наиболее устаревших элементов, и введение «аттестационных комиссий». Мера эта неизбежно должна была вызвать и вызвала упорное сопротивление всей романовской клики, ибо даже самое снисходительное и келейное обсуждение личных качеств царских военноначальников, сплошь состоявших из бездарных, трусливых и корыстолюбивых представителей вырождавшегося дворянства, обнаруживало гнилость всей породившей их государственной системы. Недаром лидер великокняжеской партии в. кн. Николай Николаевич даже угрожал, что «если будут полковые комиссии, то я не останусь главнокомандующим». И не случайно, что эта клика, еще перед вступлением Редигера на пост военного министра, проведшая такую реорганизацию военного ве-

[1]) Ленин, Сочинения, изд. 3-ье, т. VII, стр. 46-47.

домства, при которой все оперативное руководство армией изымалось из рук военного министра и передавалось в руки четырех генерал-инспекторов из числа великих князей или их креатур, что обеспечивало бесконтрольное хозяйничание их в армии, — теперь задумалась и над тем, чтобы изъять из рук военного министра все заведывание личным составом армии. Царь, — как замечает Редигер, — опасался оставить это дело в руках министра, который должен будет являться в Думу и современем может оказаться принадлежащим к той или иной политической партии. Не случайно, с другой стороны, и то, что Редигер встретил полное сочувствие этим своим мероприятиям со стороны председателя 1-й Государственной думы кадета Муромцева.

Но этим дело и ограничилось. Перед лицом еще не раздавленного массового революционного движения сделка кадетской буржуазии с правительством погромщиков не состоялась, и сама Дума через несколько месяцев была разогнана при участии того же Редигера.

И на этом примере, одном из многих, выявилась невозможность для царского самодержавия, итти по линии буржуазных преобразований, не затрагивая жизненных интересов господствующего помещичьего класса.

Р. Зверев.

1906 ГОД

Начало 1906 года явилось завершением старого режима; весною должна была собраться новая Государственая дума, и к тому времени необходимо было закончить издание новых законов, регулирующих новый режим: законов основных, финансовых, о новом устройстве Государственного совета, о верховных судах, уголовном и военно-уголовном и пр. При этом, между прочим, возникал вопрос о военной смете, — буду ли я настаивать на сохранении предельного бюджета? Я сразу, вполне категорически, от этого отказался. Я уже говорил о том, что предельный бюджет при недостаточности ассигнований не представлял ничего заманчивого; но, кроме того, выделение военного ведомства из ведения Думы должно было вызвать со стороны последней враждебное отношение к военному министерству; между тем без Думы я все равно не мог бы получить нужных для армии средств!

Все эти законы разрабатывались и утверждались в спешном порядке, дополнялись и согласовывались, так что в них даже трудно было разобраться до окончательной их кодификации. Как например, укажу, что указание о том, что назначенные государем члены Государственного совета не могут быть увольняемы от должностей без их о том просьбы, было вставлено как-то под самый конец, при окончательной редакции закона о новом Госуд. совете[1]).

Беспорядки в стране продолжались, и войска требовались всюду для поддержания порядка. Палыцын[2]) мне говорил, что командир одной из кавалерийских бригад ген. Крыжановский ему докладывал в особой записке, что беспорядки быстро были бы прекращены, если бы войска действовали более энергично или, вернее говоря, беспощадно, не оста-

---

[1]) Коковцов принимал близкое участие в разработке всех новых законов, но про эту статью ничего не знал. В заседании Совета министров 20 мая он говорил, что назначенные члены Государственного совета находятся во власти правительства, так как они могут быть уволены от службы; я сказал, что закон их от этого ограждает. Коковцов спорил и предложил мне пари на 5 рублей. Долго я рылся в разных законах нового издания, пока нашел нужную статью. Коковцов был ей очень рад и с удовольствием вручил мне свой проигрыш. (Прим. в подлиннике.)

[2]) Палицын, Ф. Ф., ген.-лейт., начальник ген. штаба с июля 1905 г.

навливаясь перед сжиганием деревень. Эту записку Палицын передал Дурново и Витте, которые стали приставать ко мне, чтобы я отдал соответствующее распоряжение. Я вовсе не хотел обращать войска в палачей или в экзекуционные команды, так как считал, что это вовсе не их призвание, и, кроме того, это весьма опасно: войска легко при этом разнуздаются и обратятся просто в грабителей, а население возненавидит армию и не будет давать средства на удовлетворение ее нужд! Но Дурново и Витте настаивали, и я предложил им самим разработать те указания, которые они желали бы преподать войскам. Дурново составил проект инструкции[1]) и внес ее в Совет министров, где она рассматривалась 10 января.

По этой инструкции войскам предписывалось не останавливаться ни перед чем, лишь бы добиться поставленной им цели. Для красоты слога говорилось, что отрядами должны командовать опытные, спокойные штаб-офицеры. Инструкцию мне предлагалось преподать войскам «в инструкционном порядке».

Я заявил, что не стану спорить, нужна ли такая инструкция или нет, но прошу выяснить мне, имею ли я право послать полк, чтобы сжечь хоть Колпино, где рабочие бунтуют? Если я, министр, не имею этого права, то как же я могу в инструкционном порядке уполномочивать на поджоги городов и деревень всех начальников отрядов? Затем еще: с указаниями на желательные качества начальника отряда я согласен; для красоты слога можно еще добавить, что он должен быть человеколюбив, но строг, распорядителен, беспристрастен и пр. Но откуда взять таких начальников отрядов? Вероятно, большинство полковых командиров, как назначаемых с особым выбором, отвечали бы этим требованиям, но отнюдь не все штаб-офицеры; отрядов же рассылается столько, что они бывают силою всего в роту или полуроту, а в кавалерии — взвод; очевидно, что такими отрядами будут командовать не отборные штаб-офицеры, а случайные офицеры, вернее всего — поручики и притом либо трезвые, либо пьяные!

Имею ли я право делегировать этим начальникам власть, мне самому не принадлежащую? Да признает ли Совет министров это вообще желательным при таких условиях?

Витте тотчас заявил, что, действительно, на нем[2]) настаивать нельзя, и он был отклонен без прений. Решено только подтвердить, что войска должны добиваться выполнения задач, которые им будет ставить гражданское начальство.

Вся эта история имела весьма некрасивый вид: при прямом отказе с моей стороны можно было говорить, что я недостаточно энергичен и что поэтому деятельность войск недостаточно успешна; в случае же моего согласия — вся ответственность за последствия пала бы на меня; а между тем последствия должны были быть ужасными для населения, могли вызвать прямое восстание и совершенно деморализовать войска. Любопытно и то, что хотели, чтобы я это проделал «в инструкционном порядке», от себя, а не решались ни внести законопроект в Государственный совет, ни испросить высочайшее повеление.

---

[1]) Не помню, может быть, она была взята из записки Крыжановского. (Прим. в подлиннике.)

[2]) Т. е. проекте инструкции.

При следующем моем личном докладе, 14 января, я доложил государю этот инцидент. Он одобрил мой ответ и только спросил улыбаясь, почему я хотел бы сжечь именно Колпино? Я сказал, что назвал его потому, что в последнее время там все были беспорядки, и что если я любому офицеру могу разрешить сжечь любую деревню, то должен же я сам иметь право сжечь и Колпино!

17 января у меня был князь Андронников[1]) и передал мне, что государь говорил в. кн. Константину Константиновичу, что весьма доволен мною; не знаю, находилось ли это в связи с моим докладом 14 января о дебатах в Совете министров.

Министр внутренних дел собрал сведения о настроении населения и сообразно этому просил распределить войска; у вел. князя Николая Николаевича по этому вопросу два раза, 28 января и 1 марта, были совещания с Витте и Дурново, чтобы сколько-нибудь согласовать наши интересы; обучением войска и в этом году пришлось поступиться ради полицейской их службы. Полицейская охрана еще только что формировалась и еще долго имела весьма пестрый состав; некоторые отряды были составлены из запасных чинов местных кавалерийских полков и сразу стали надежною силою, тогда как другие долго оставались почти бесполезными.

Громадную службу тогда сослужили России льготные казачьи части; между тем вызов этих частей на службу грозил разорением самому казачьему населению, так как у него оставалось мало рабочих рук для выполнения полевых работ; кроме того, льготные казаки обносились, и им, по справедливости, надо было помочь в поправке своего обмундирования и снаряжения. Главное управление казачьих войск и его начальник г.-л. Щербов-Нефедович об этом не подумали, и оба эти вопроса я поднял лично; когда я в конце 1905 года заговорил об этом, то Щербов-Нефедович мне сказал, что войсковые начальства об этом не просят, да и откуда взять столько денег? Я приказал затребовать по телеграфу сведения о стоимости найма рабочих вместо отсутствующих хозяев; сведения получились самые разнообразные, так как и местные условия были весьма различны. Я остановился на сумме пособия в 100 руб. семье каждого призванного казака, причем требовался отпуск около 7 млн. руб. — сумма крупная, а при тогдашнем безденежьи даже огромная. Я доложил государю, что возбуждаю ходатайство об отпуске этой суммы. Он выразил не только полное согласие, но и сожаление, что не может выдать из своего кармана; в таком случае он готов завидовать американским миллиардерам, которые не знают, куда девать свои деньги. Министерство финансов не преминуло выторговать себе скидку и согласилось на пособие в 75 руб.; в конце февраля Государственный совет разрешил нам на это кредит в 5 175 000 руб.; таким образом, на службе тогда было 70 000 казаков 2-й и 3-й очередей. Мера эта произвела на казаков самое лучшее впечатление, устранив опасения за разорение хозяйства и неудовольствие вызовом на службу. В последующие годы такие же пособия разрешались Советом министров без возражений. В виде награды казачьим войскам и для

---

[1]) Вероятно, Андронников, Мих. Мих., кн., авантюрист, позже участник распутинской клики.

возможного обеспечения их существования в будущем, в начале 1906 года, по личному указанию государя, им были пожалованы грамоты, коими подтверждались их права на земли, коими они владели. Помнится, что часть грамот я мог тотчас представить к подписи, часть должна была остаться в Совете министров, а некоторым войскам нельзя было выдать грамоты за неопределенностью их владений[1]). Всем вообще войскам при вызове их для содействия гражданским властям были испрошены добавочные оклады как офицерам, так и нижним чинам; я считал это полезным как для обеспечения войск, так и для того, чтобы их меньше трепали ввиду потребного при их вызове расхода.

Ввиду брожения в стране, при котором, конечно, более всего волновалась и буянила молодежь, мы, конечно, с известным беспокойством относились к прибытию в войска новобранцев: каково будет их настроение и как они будут поддаваться воспитанию? К удивлению, в конце 1905 и в начале 1906 года сведения стали получаться крайне утешительные, что новобранцы ведут себя лучше и занимаются усерднее, чем когда-либо. Вероятно, это в значительной степени зависело от более усердной работы офицеров, но тем не менее это явилось совершенною неожиданностью.

В конце января из Кубанской области вернулся Дукмасов, командированный туда для расследования бывших там беспорядков[2]). Оказалось, что больше всего бунтовали части резервной пехотной бригады, стоявшие на Северном Кавказе, а кубанские казаки стали бунтовать сдуру и спьяна, не имея хороших офицеров. Любопытная подробность: против бунтовавших казаков станицы Келермесской был двинут отряд из кубанских же казаков, но до столкновения бунтовщиков успели уговорить старики из соседней станицы — кажется, Белореченской.

В начале 1906 года был образован комитет по образованию войск. Первым председателем его я избрал члена Военного совета ген. Мылова, командовавшего на войне VIII корпусом. С войны он вернулся совсем больным и только по моей настоятельной просьбе взялся за новое дело, которому вполне сочувствовал. Я его знал мало, но он на меня производил отличное впечатление человека умного, твердого, вполне порядочного. К сожалению, его здоровье вскоре ухудшилось, он отказался от должности и в [?]году был заменен Скутаревским[3]).

Образованная в конце 1905 г. Высшая аттестационная комиссия стала заседать весьма усердно и втечение первых трех месяцев было 9 заседаний[4]). За это время были рассмотрены все имевшиеся аттестации (старого типа) на генеральских чинов и намечено, кто подлежит выдвижению. Об увольнении за негодностью еще не могло быть речи, так как новые правила аттестования и увольнение в аттестационном

---

[1]) Грамоты, прошедшие через Совет министров, к подписи представил Витте, и он же, получив их обратно подписанными, скрепил их. Государь потом выражал мне сожаление, что их скрепил Витте, а не я; повидимому, он считал, что в таком виде грамоты являются не личной его милостью, а актом правительства. Грамоты не могли быть выданы, кажется, Амурскому, Уссурийскому и Семиреченскому войскам. (Прим. в подлиннике).

[2]) Дукмасов, П. Г., член Военного совета. О беспорядках в Кубанской области см. «Записки А. Ф. Редигера о 1905 г.» в XLV томе «Красного архива», стр. 91.

[3]) В 1908 г. у Мылова был удар, и его пришлось перечислить в неприсутствующие члены Военного совета. (Прим. в подлиннике).

[4]) Положение о ней было утверждено лишь 6 апреля 1906 года. (Прим. в подлиннике).

порядке, задержанные Советом государственной обороны, мне удалось провести в жизнь только в конце этого года. Эти заседания комиссии были особенно полезны в том отношении, что между ее членами установилась большая общность взглядов на требования, которые должны предъявляться к кандидатам на высшие должности. Я неизменно настаивал на возможной строгости выбора и чтобы интересам службы придавалось большее значение, чем интересам отдельных лиц; в принципе со мною соглашались, но на деле были послабления, с которыми я боролся в мере сил. По моей инициативе, комиссия приняла принципиальное решение, что начальник, признанный негодным для данной должности, не может вновь получать такую же должность, хотя бы в другом округе; это было важно потому, что до тех пор лиц, признанных непригодными, обыкновенно не увольняли, а норовили перевести на равную должность в другом месте. Эти же заседания подготовляли почву для более сочувственного отношения к учреждению аттестационных комиссий в войсках.

Я уже упоминал о том, что я вносил в комиссию сведения о процессе бар. Меллер-Закомельского со своею дочерью, и его объяснения по этому поводу [1]). Еще в двух других трудных делах комиссия мне помогла разобраться, а именно в делах генерала Поппена и Уссаковского.

Поппена я знал по его службе в генеральном штабе Петербургского округа — благовоспитанный балтийский немец, со средствами, всегда элегантный, он производил на меня впечатление добросовестного, но довольно ограниченного работника. До войны он командовал дивизией в Киевском округе. Дивизия его была мобилизована для отправки на Восток, но Поппен заявил, что он, по болезни глаз, в поход итти не может, и ему дали другую дивизию в Риге [2]). В конце 1905 года в Риге были большие беспорядки. Поппен оказался начальником гарнизона в Риге, под начальством Соллогуба, которому были присвоены права командующего войсками относительно войск, находившихся в прибалтийских губерниях. О том, что происходило в Риге в конце 1905 года, я имел лишь весьма смутные сведения; известно было о беспорядках, о забастовках, о том, что из засады убили нижних чинов (помнится, драгун), но каковы были силы бунтующих и что делал гарнизон, был ли он в силах, при должном руководстве, восстановить порядок, — нам не было видно.

В начале января в Петербург приехал сам Поппен для доклада о тяжелом положении гарнизона и чтобы просить поддержки; таковой ему, конечно, невозможно было дать и ему лишь пришлось указать, что надо действовать энергично, так как иначе никаких сил нехватит; одно лишь заявление его оказалось существенным, что артиллерийская бригада, приданная его дивизии, не имеет боевых припасов, разве по 2 — 3 выстрела на орудие, Потом выяснилось, что его артиллерийскую бригаду, как уже перевооруженную скорострельными орудиями, отправили на войну, а его дивизии придали, временно, другую бригаду, которая, по распоряжению артиллерийского начальства, во избежание лишних хло-

---

[1]) См. „Красный архив", т. XLV, стр. 107.

[2]) Военный министр Сахаров мне рассказывал, что государь приехал благословлять в поход бывшую дивизию Поппена, которой тот еще не сдал; Поппену, стоявшему на правом фланге дивизии, государь не подал руки. Поппен все же остался на службе не только во время войны (когда отставок не было), но и после ее окончания. (Прим. в подлиннике).

пот, приехала в Ригу без боевых припасов. Помнится, что первое снабжение таковыми она получила из запасов Усть-Двинской крепости, до чего в Риге не додумались. Пробыв в Петербурге 2—3 дня, Поппен уехал в Ригу.

Вслед затем один отставной генерал (фамилии не помню), живший в Петербурге, прислал мне письмо своего сына, служившего в Риге в упомянутой артиллерийской бригаде; в этом письме были изложены события, происходившие в Риге, и описана деятельность ее гарнизона. Последний был в беспрестанных и непомерных нарядах, караулы (даже с артиллериею) были расставлены по наряду, стояли сутки на улицах, но неизвестно для чего, так как войскам не приказывали действовать. Помнится, что даже с бунтарями, предательски убившими драгун, а затем укрывшимися в заводском здании, завели какие-то переговоры, во время которых они убежали. Картина была безобразная — делалось все, чтобы истомить и деморализовать гарнизон. Далее, я получил сведение, что Поппен, боясь революционеров, выехал из Риги в штатском платье и в таком виде прибыл на казенную квартиру своего сына, служившего в л.-гв. Конном полку.

Слабость и нерешительность в руководстве войсками, неумение распоряжаться ими при подавлении беспорядков были явлением общим — таков уж был состав высших начальников, благодушных и приученных бояться инициативы и ответственности. О перевоспитании их не могло быть речи — надо было устранять особенно плохих и заменять их более молодыми, от которых можно было ожидать, что они будут лучше. Главным виновником в Риге за неправильное употребление войск был Соллогуб, но его смена зависела не от меня, почему я о его действиях лишь мог сообщить графу Витте, а с своей стороны дать ему указания, заведомо бесплодные. Но поездку Поппена страха ради в штатском платье я считал недопустимою; самый факт оставления им гарнизона, находившегося в трудном положении, ради доклада, который мог привезти любой толковый офицер, я тоже считал неуместным и считал, что такой генерал нетерпим на службе. Запрошенный мною командующий войсками Виленского округа ген. Фрезе был того же мнения. Я представил дело в Военную аттестационную комиссию, которая в заседании 5 января постановила немедленно его уволить, и постановление ее было высочайше утверждено[1]). Поппену было предложено подать в отставку, что он и исполнил. Но затем он стал просить о подробном расследовании дела, причем Соллогуб и лифляндский губернатор Звегинцев усердно поддерживали его; дело было вновь внесено в комиссию, которая осталась при прежнем мнении.

При отсутствии тогда способов к увольнению по непригодности приходилось увольнять в дисциплинарном порядке, что, конечно, имело позорящий характер; порядок этот был предусмотрен в дисциплинарном уставе, но до меня к высшим чинам, кажется, никогда не применялся.

Когда весною 1906 года был объявлен новый закон о пенсиях по военному бюджету, Поппен просил о пенсии по этому закону, но для этого не было никаких оснований; он тогда подал жалобу в Сенат на свое увольнение, но Сенат ее отверг, так как оно состоялось в закон-

[1]) Тогда же было решено уволить еще одного начальника дивизии Нечаева, кажется, за пьянство при нижних чинах. (Прим. в подлиннике).

ном порядке. Тогда он просил сколько-нибудь усилить его пенсию, так как его имение в Прибалтийском крае было разграблено и он разорен — эта просьба была исполнена.

Уссаковский, отчисленный в декабре 1905 года от должности начальника Закаспийской области в мое распоряжение, в начале года приехал в Петербург и заявил, что он за собою не чувствует вины — он действовал в духе манифеста 17 октября и считал долгом допускать проявление всяких «свобод». Для выяснения всех обстоятельств дела я 11 февраля поручил г.-л. Бородкину [1]) расследовать его. Это расследование и объяснения Уссаковского были рассмотрены в Высшей аттестационной комиссии, которая решила не давать ему нового строевого назначения, почему он был уволен от службы. По причинам, мне неясным, за Уссаковского очень хлопотал Палицын.

Упомяну здесь, кстати, об одном рассказе в. кн. Николая Николаевича перед заседанием комиссии 2 января. Отозвав меня и Палицына, он нам сказал, что у генерала от инфантерии Паренсова, состоявшего тогда в моем распоряжении, собираются офицеры, и что там какой-то полковник Павлов[2]) уговорил офицеров заменить государя великим князем Михаилом Александровичем и арестовать Витте; он прибавил, что уже сделано распоряжение наблюдать за Паренсовым, но что его больше всего в этом сведении поразило то, что хотят арестовать Витте, так как именно Витте хотел бы возвести на престол Михаила Александровича.

Никогда, ни до, ни после этого[3]), я не слыхал ничего о чьем либо намерении свергнуть государя и заменить его в. кн. Михаилом Александровичем; я только знал от бывшего воспитателя в. князя ген. Чарторийского, что он был крайне счастлив, когда с него было снято звание наследника и что он только мечтал о частной семейной жизни. Подозрение против Паренсова, очевидно, тоже оказалось ложным, так как он вскоре был назначен на доверенный пост петергофского коменданта. Невольно является подозрение, не были ли эти сведения получены великим князем спиритическим путем.

В конце 1905 года было решено отозвать Линевича, заменив его Гродековым [4]). Во избежание подрыва авторитета главнокомандующего цель поездки Гродекова на Восток держалась в полной тайне и даже самому Линевичу было лишь сообщено, что Гродеков едет к нему по особому высочайшему повелению, да и эта телеграмма была отправлена, лишь когда Гродеков уже был около Иркутска. Гродекову были даны с собою рескрипты на имя Линевича, Куропаткина и Батьянова [5]), которыми они увольнялись от должностей. Гродеков выехал с небольшою свитой, в особом поезде, 21 января.

Куропаткина государь не желал видеть, а потому в рескрипте на его имя, по моему предложению, ему предписывалось вернуться через Владивосток, морем, для наблюдения за порядком отправления запас-

---

[1]) Бородкин, М. М., ген.-лейт., состоял в распоряжении военного министра.

[2]) Павлов, А. А., полк. для особых поручений при начальнике гл. штаба А. А. Поливанове. См. «Дневник ген. Рауха» в XIX т. «Красного архива».

[3]) До 1917 года. (Прим. в подлиннике).

[4]) Гродеков, Н. И., ген. от инф., в 1898—1902 г. ком. войсками Приамурского военного округа, член Государ. совета. Об обстоятельствах замены Линевича Гродековым см. «Красный архив», т. XLV, стр. 109—110.

[5]) Батьянов, помнится, уехал уже раньше в отпуск. (Прим. в подлиннике).

ных этим путем; имелось ввиду, по прибытии его в один из портов Черного моря, предложить ему пожить в своем имении, в Сочи; но он телеграммою на имя государя просил разрешения, ввиду пострадавшего здоровья, вернуться сухим путем. Разрешение было дано через Фредерикса, причем, насколько я знаю, ему было предписано жить в своем имении, в Псковской губернии; лишь позднее ему был разрешен приезд в Петербург, и он даже был принят государем. Он остался генерал-адъютантом и не получил иного назначения.

Увольнение от должностей было совершенною неожиданностью для Линевича и Куропаткина. Гродеков, по приезде в главную квартиру Линевича, раньше всего пригласил его к себе в вагон, где передал ему рескрипт, а уже затем вышел к почетному караулу. Линевич и Куропаткин выехали через 2—3 дня, что им было нетрудно, так как они жили в поездах.

Куропаткин еще на театре войны начал составлять подробную историю войны, которую, по его указаниям, писали несколько офицеров генерального штаба. История эта составлялась под видом всеподданнейшего отчета бывшего главнокомандующего. Я вовсе не имел времени знакомиться с этой историей; на мое счастье, суждение о ней и не входило в обязанность военного министерства, а было делом Палицына. По отзывам его и других лиц, читавших этот труд, он являлся панегириком самому Куропаткину, но зато забрасывал грязью всю армию: генералов, офицеров и нижних чинов. По докладу Палицына, этот труд был положен под сукно, и только несколько десятков или сотня экземпляров были розданы отдельным лицам. Какие-то экземпляры все же попали заграницу, где стали выходить переводы этой истории.

Чрезвычайно верную оценку этому самовосхвалению Куропаткина дал в какой-то немецкой газете известный военный писатель Гедтке, сравнив его с другим научным полководцем — Бенедеком.

В поражении австрийцев в 1866 году был, очевидно, виноват не один Бенедек: виноваты и его ближайшие подчиненные и войска и неправильная подготовка к войне, а часть вины, вероятно, падала и на императора, бывшего при его армии, но Бенедек всю вину принял на себя. Он ушел в частную жизнь, скрылся от всех и, не взирая на сыпавшиеся на него нападки и обвинения, сохранял полное молчание; мало того, после его смерти у него не нашли ни одной строки самооправдания, ни одного припрятанного документа. Приводя Бенедека, как пример полководца, несчастного, но обладавшего величием души и патриотизмом, Гедтке противопоставлял ему Куропаткина, не признающего себя виновным ни в чем и сваливавшего всю вину в неудачах на своих подчиненных, не стесняющегося чернить армию и даже инсинуирующего на вред [1]) от получавшихся им свыше указаний. Едва ли можно более убийственно охарактеризовать мелкую личность Куропаткина, чем это сделал Гедтке.

Приятель Куропаткина, Сухотин, вероятно в 1907 году, высказал самому Куропаткину горькую правду по тому же поводу. Приехав в Петербург, Куропаткин накупил целую коллекцию книг по военной истории и стратегии, которые он собирался везти с собою в деревню.

[1]) Так в подлиннике.

Сухотин, увидя книги, спросил, не собирается ли он готовиться к роли главнокомандующего в новой войне. Куропаткин ответил утвердительно; он был убежден, что без него не обойдутся. Сухотин ему сказал, что это невозможно, так как ведь никто не захочет служить с ним: ведь в своих промахах он винит своих подчиненных и выдает их головою [1].

Против возвращавшегося из армии Линевича имелась целая серия обвинений в бездействии власти: раньше всего его обличало собственное письмо, о котором я уже говорил [2]); затем командующий одною из армий, Батьянов, представил Линевичу записку, в которой указывал на необходимость поддержания более строгого порядка в войсках и просил Линевича, если он не согласится с запискою, то представить ее высшему начальству, что тот и сделал; бар. Бильдерлинг, по возвращении из армии, представил мне записку в том же духе; наконец, были еще упомянутые выше обвинения со стороны бар. Меллер-Закомельского [3]). Наконец, он же не исполнил высочайшего повеления о скорейшем возвращении войсковых частей, а в первую голову посылал запасных, чем ставил в крайне трудное положение [4]).

Исходя из принципа, что безответственных должностей нет и что именно к старшим чинам должны предъявляться наиболее строгие требования, я считал, что и Линевич подлежит ответственности за бездействие власти, имевшее весьма важные последствия: подрыв порядка и дисциплины в армии и даже революционирование части ее, полная революция в тылу армии, прекращение движения по Сибирской железной дороге; сверх того, он должен был оправдаться в неисполнении высочайшего повеления. Я уже готов был верить, что он действовал без заднего умысла, по прирожденной глупости или по старческому слабоумию [5]); предание его суду было нежелательно, так как оно создало бы всемирный скандал, но я считал, что он должен быть уволен от службы, чтобы установить пример в поучение всем будущим главнокомандующим и более мелким начальникам. При моем личном докладе 11 февраля государь согласился на увольнение Линевича от службы, — тем более, что, по справке из главной квартиры, он при этом лишался генерал-адъютантского мундира, а при следующем моем докладе подписал указ об его увольнении. Объявить его предполагалось через несколько дней, когда Линевич выедет из Сибири и перевалит Урал, но вслед затем я получил приказание: приостановить увольнение Линевича.

Личный мой доклад 18 февраля был отменен (государь в этот день приобщался), а при моем докладе 21 февраля государь мне сказал, что считает несправедливым увольнять Линевича, не приняв и не выслушав его. Я возразил, что самый прием Линевича будет равносилен прекращению дела. «Ведь это Николай Павлович мог бы принять и разнести, а затем выгнать, а ведь вы не можете!» Государь как будто несколько сконфузился и сказал, что Николай Павлович, ко-

---

[1]) Рассказано мне Н. Н. Сухотиным. (Прим. в подлиннике).

[2]) См. «Красный архив», т. XLV, стр. 109.

[3]) См. «Красный архив», т. XLV, стр. 106.

[4]) См. «Красный архив», т. XLV, стр. 91.

[5]) От приехавших из армии лиц я уже получил сведения о старческой забывчивости Линевича. Впоследствии Куропаткин, для характеристики Линевича, говорил мне, что когда началось восстание во Владивостоке, то Линевич упорно твердил, что это аграрные беспорядки, хотя для таковых там не было никакого повода. (Прим. в подлиннике).

нечно, разнес бы Линевича так, что он валялся бы в ногах, прося прощения, но все же ему надо принять Линевича. Тогда я просил его предварительно поручить кому-либо разобрать дело, например, вел. князю Николаю Николаевичу, но государь на этот выбор не согласился. Тогда я назвал. бар. Мейендорфа и Рихтера — оба были рыцари чести и состояли при особе государя. Мейендорфа он отклонил, т. к. он служил под начальством Линевича, и согласился на Рихтера.

Я вполне был согласен, что государю следовало принять Линевича, если только этим не предрешалось прекращение дела; между тем надо было ожидать, что прием будет настолько милостивым, что после него уже нельзя будет думать о привлечении к какой-либо ответственности. Именно во избежание такого приема я и предполагал объявить об увольнении Линевича до приезда в Петербург.

Линевич приехал в день упомянутого моего доклада, 21 февраля, а на следующий день явился ко мне, на квартиру. Он был весьма важен и самодоволен. Я его спросил, почему он не выслал войск. Он ответил, что иначе нельзя было. Я ему сказал, что он, наверное, помнит принесенную им государю присягу, но как же с нею вяжется то, что он подавал руку мятежникам и стачечникам? Он сказал, что этого не было. Я ему сказал, что выражение фигуральное, но он ведь с ними сносился, договаривался о пропуске поездов и т. п. Он отрицал и это. После этого говорить уже было не о чем, и он ушел. Вероятно, он уже не чувствовал себя таким героем, как при входе в мой кабинет.

При личном моем докладе 28 февраля государь мне сказал, что получается разногласие: вел. князь Николай Николаевич осуждает Линевича, а Рихтер одобряет его деятельность и просит его принять. Поэтому он предоставляет себе решить этот вопрос. Таким образом, я уже больше не мог касаться этого вопроса; государь, кажется, вскоре после того принял Линевича.

Через месяц, 28 марта, государь сам заговорил вновь о деле Линевича, и я предложил дать делу законный ход: предложить частному присутствию Военного совета рассмотреть это дело на основании только что выработанного закона о верховном военно-уголовном суде. Государь согласился. Откуда пошло это новое веяние относительно возбуждения дела Линевича, я не знаю.

В частное присутствие были переданы все материалы по обвинению Линевича, и оно стало их разбирать и допрашивать Батьянова, Бильдерлинга, Меллера-Закомельского и других лиц, а затем и самого Линевича. Бильдерлинг значительно смягчил то, что им было заявлено в записке, а Меллер-Закомельский сознался, что он сообщал лишь слухи; само частное присутствие желало окончить дело ничем [1]). Линевич заявил, что письмо ко мне было им писано в минуту малодушия, что это частное письмо и что о его деятельности надо судить не по этому письму, а по фактам. Разобрав представленные Линевичем данные,

---

[1]) Об отношении присутствия к Линевичу можно судить по тому, что его не нашли возможным пригласить в заседание обычным порядком, а для этого к нему лично поехал председатель присутствия ген. Винберг. Забелин мне даже сообщил (8 октября), что в присутствии возбуждался вопрос: может ли его председатель писать Линевичу отзыв или же должен писать ему рапорт. Янушкевичу удалось отстоять форму отзыва. (Прим. в подлиннике).

частное присутствие не признало за Линевичем какой-либо вины. Дело это тянулось очень долго: с 1 мая до начала декабря, а высочайшая резолюция последовала только 23 декабря. В ход его я абсолютно не вмешивался и даже не говорил о нем с членами присутствия; сведения по делу я лишь изредка получал от Забелина и от делопроизводителя присутствия, Янушкевича, при случайных встречах с ним.

Втечение первых месяцев года через Одессу вернулось около 100 тысяч запасных нижних чинов, вывезенных с Востока морем. Ничего хорошего мы от них не ожидали, и я, ввиду слабости гарнизона Одессы, хлопотал об усилении его двумя пластунскими батальонами, но и это мне не удалось. Однако Каульбарс[1]) справился с делом очень хорошо. В Порт-Саид были посланы офицеры, которые там встречали подходившие транспорты и сопровождали их до Константинополя; в пути они составляли списки запасным, выясняли, кого куда направлять, и сообразно этому разбивали их на партии. По прибытии в Константинополь они сообщали нужные сведения по телеграфу в Одессу, а сами возвращались в Порт-Саид встречать следующий транспорт. В Одессе Каульбарс встречал их сам в порту, почетный караул отдавал честь, музыка играла гимн, затем тотчас после высадки эшелон вели к обеду, за которым Каульбарс говорил речи, а затем после обеда туда же в порт подавались поезда, в которых запасные уезжали домой. Все проходило чрезвычайно гладко и даже с энтузиазмом; почетный караул имел при себе боевые патроны, но никакой силы употреблять не приходилось.

В марте я получил приказание государя сообразить, по соглашению с морским министерством, вопрос о сокращении сроков службы и заготовить рескрипт на мое имя с указанием главных оснований реформы. Приказание это, очевидно, было вызвано тем, что в пользу сокращения сроков службы высказывались органы почти всех партий, оно пользовалось сочувствием общества и, несомненно, было бы потребовано Государственной думой. Поэтому было благоразумно осуществить реформу заблаговременно, по инициативе государя.

Сроки службы в армии было решено сократить на 1 год, то-есть до 3-х и 4-х лет, а во флоте на 2 года, то-есть до 5 лет. Сверх того, разделить запас на 2 разряда, для более правильного распределения запасных при мобилизации.

В заседании соединенных департаментов 8 апреля вопрос этот прошел гладко, причем однако произошел неприятный инцидент: главный штаб, внося представление, ни словом не обмолвился о предстоящем увеличении расходов по министерствам внутренних дел и военному, и разрешение их пришлось испросить уже на словах, в самом заседании!

Проведение в жизнь этого закона представляло крупные затруднения. Я сокращение сроков службы считал настолько нужным, что на первом же своем личном докладе говорил о нем государю; только сократив срок службы, мы могли омолодить свой запас и избегнуть необходимости ставить в ряды стариков; но самую реформу было желательно произвести лишь после надлежащей подготовки, в смысле обеспечения войск сверхсрочными учителями и казармами, и в нор-

[1]) Каульбарс, А. В., бар., ген. от кав., командующий войсками Одесского военного округа.

мальное время, когда войска были в сборе, в своих квартирах, и не отвлекались всевозможными нарядами от своего прямого дела. Политические соображения заставили ускорить решение вопроса и проводить сокращение сроков службы в армии без всякой к тому подготовки и при самых неблагоприятных условиях ее службы, когда она должна была нести тяжелую службу по поддержанию порядка в стране! Армия, только что пережившая тяжелый внутренний кризис, страдавшего от недостатка офицеров, должна была лишиться еще и старшего срока службы, в том числе всех унтер-офицеров, остаться почти без учителей — и это в то время, когда самое обучение ее было затруднено!

Чтобы сколько-нибудь облегчить этот кризис, было решено сократить сроки службы постепенно, увольняя ежегодно четыре третьих возрастных классов (в кавалерии пять четвертых), причем выбор увольняемых людей младшего возраста производился по жребию [1]). Упомяну здесь же, что еще осенью 1906 года настроение в армии было таково, что явилось опасение, что нижние чины могут не подчиниться жребию, по которому тогда надо было уволить лишь одну треть возраста, а остальные две трети задержать еще на целый год; поэтому тогда же было объявлено, что эти две трети будут уволены уже весною 1907 года, то-есть, что их задержат только на зимнее время, когда они в деревне не нужны, являясь там только лишними едоками.

Это сокращение сроков службы, произведенное в такое время, когда обучение войск было поставлено в самые трудные условия, когда лагерные сборы удавалось устраивать лишь в виде исключения, являлось для армии столь глубоким внутренним кризисом, что необходимо было откровенно признать: во-первых, что армия на несколько лет будет необученною, мало пригодною, и во-вторых, что опять-таки на несколько лет нельзя менять ее организации, так как всякая перемена в последней, нарушая существующие соединения, могла бы окончательно дезорганизовать войска, обратить их в толпу, не только не обученную, но и лишенную внутренней спайки, вроде нашего флота. Таким образом, эта мера налагала определенный отпечаток на деятельность военного министерства в ближайшие годы: для лучшего обучения войск я считал организационные изменения крайне необходимыми, а теперь их приходилось откладывать; я мечтал о скорейшем приведении армии не только в порядок, но и в боеспособный вид, а теперь приходилось отказаться от всякой надежды на скорое восстановление самого фундамента ее прочности — основательного воспитания и обучения нижних чинов.

Во флоте сокращение срока службы было произведено проще: сразу уволили 2 лишних срока службы. Если бы флот имел какое либо боевое значение, то можно было бы говорить о полном расстройстве его состава и нарушении его обучения. Теперь же это являлось лишь мерою, крайне полезною для сокращения состава бунтующих вооруженных команд.

В том же заседании соединенных департаментов 8 апреля пришлось исправлять еще одну ошибку главного штаба: законопроект о пенсиях вдовам нижних чинов был разработан в комиссии при участии пред-

[1]) Т. е. ежегодно увольнялся целиком весь старший возраст и одна треть состава следующего за ним года рождения.

ставителя лишь от главного штаба, который взял на себя согласиться с предложением других ведомств, чтобы пенсии вдовам казаков выплачивались не казною, а из казачьих капиталов; такое решение было не только несправедливо, но и неисполнимо, так как казачьи капиталы и без того уже были совсем расстроены. Дело уже было внесено в таком виде в Государственный совет, когда о нем случайно узнал Щербов-Нефедович, который меня предупредил, и мне удалось убедить департаменты дать и казакам право на пенсии из казны.

Эти два промаха главного штаба наглядно указывали на непоследовательность работы главного штаба — учреждения, все еще столь громоздкого, что и Поливанов еще не успел с ним совладать.

Масса всякой работы меня все более одолевала; по вечерам еще стала собираться вновь учрежденная Военная аттестационная комиссия, и я стал все более манкировать в Совете министров; 24 января я доложил об этом государю, пояснив, что мое присутствие в Совете бесполезно, так как я гражданских дел не знаю, и что мне совсем некогда бывать в Совете. Только в особенно важных случаях, особыми приглашениями, привлекали и меня в заседания Совета; так, в воскресенье 12 февраля Витте вызвал меня в экстренное заседание, в 3-м часу дня; оказалось, что государь предполагал, вместо двух увольняемых министров, Кутлера и Тимирязева, назначить Кривошеина и Рухлова, а Витте хотел в таком случае подать в отставку, так как сидеть в одном кабинете с этими двумя лицами для него невозможно. После двухчасовой болтовни решили, что Витте, не угрожая отставкою, лишь попросит не сажать в кабинет неподходящих лиц. Просьба эта была уважена.

Втечение первых трех месяцев 1906 года я выезжал в Царское Село 30 раз: в том числе 22 раза с докладами [1]). В Совете министров я был 13 раз, в Государственном совете 9 раз, в Совете обороны 7 раз [2]), в Высшей аттестационной комиссии 9 раз и в собраниях у в. кн. Николая Николаевича о дислокации войск 2 раза. Таким образом, на первые 3 месяца, или 90 дней, пришлось 30 поездок и 40 заседаний, или 70 отвлечений от прямого моего дела [3]).

Было очевидно, что долго нести такой труд невозможно, что я только извожусь без пользы, и все же буду манкировать то здесь, то там; предстояло еще открытие заседаний Государственной думы, в которых ведь тоже придется бывать, а тогда уже совсем нельзя будет справляться с делом! Я поэтому решил просить об учреждении должности моего помощника.

У всех министров были товарищи, причем в больших министерствах было по несколько таких должностей. В военном министерстве такая должность тоже когда-то существовала; последний, занимавший

---

[1]) Доклады были отменены лишь 3 раза: 18 февраля, когда государь приобщался, 11 марта (похороны принца К. П. Ольденбургского) и 25 марта (благовещение). Затем я был в Царском на выходах 1 и 6 января, на панихиде по короле Христиане IX датском, (5 февраля), на производстве юнкеров в офицеры (24 марта), на празднике л.-гв. Гусарского и Конного полков (19 и 25 марта) и на 2 заседаниях у государя по вопросам об устройстве Госуд. совета и Госуд. думы. (Прим. в подлиннике).

[2]) Насколько помню, они были посвящены вопросам об усилении обороны азиатских округов. (Прим. в подлиннике).

[3]) Сверх того я был в 11 заседаниях Военного совета. (Прим. в подлиннике).

эту должность, был Д. А. Милютин, назначенный с нее министром, после чего он ее упразднил, предоставив всем начальникам главных управлений права товарищей министров. В большинстве случаев министра замещал начальник главного штаба, но это его отвлекало от его прямого дела, с которым ему и без того не удавалось справиться. Новой должности я однако решил присвоить название не товарища, а по военному — помощника военного министра, прецедент уже был — у министра двора когда-то был помощник.

Я еще не успел окончательно продумать и решить про себя этот вопрос, как 4 марта государь мне сказал, что он предполагает выделить, по прусскому образцу, всю инспекторскую часть из ведения военного министра. Я ответил, что возражений лично не имею. Утверждение Высшей аттестационной комиссии, состоявшейся по моей инициативе, наглядно свидетельствует, что я отнюдь не дорожу полномочиями по заведыванию личным составом, а наоборот, уже поступился частью их для пользы дела. На этом разговор кончился. Государь, очевидно, опасался оставить заведывание личным составом (и всеми назначениями) в руках военного министра, который должен будет являться в Думу и которым современем может оказаться лицо, принадлежащее к той или иной политической партии; поэтому он думал взять инспекторскую часть в личное свое ведение; мысль эта у него была уже давнишнею, так как еще до выделения генерального штаба была мысль о выделении всего бывшего главного штаба из военного министерства.

Если бы мысль государя была осуществлена, то этим кабинетная работа военного министра была бы несколько сокращена, но число разъездов и заседаний не уменьшилось бы, а потому я все-таки решил просить себе помощника. Поэтому я через 10 дней, во вторник 14 марта, обратился к государю с просьбой об учреждении такой должности. К моему удивлению, он не дал мне тотчас своего согласия, а ответил, что он давно сам об этом думал и даст мне свой ответ в субботу. Ответ этот меня несколько озадачил: вопрос об учреждении новой должности помощника министра не является столь важным, чтобы государю стоило о нем думать, а тем более — думать давно; вопрос был вместе с тем столь прост, что мог бы быть рассмотрен немедленно, не дожидаясь субботы. Очевидно, у государя были какие-то особые соображения, стоявшие, вероятно, в связи с выделением инспекторской части [1]). Я решил ждать и пока не настаивать на решении, предоставляя государю всесторонне обсудить его,

Через неделю, 21 марта, ко мне заехал Гулевич [2]), по поручению вел. кн. Николая Николаевича, сообщить мне, что вел. князь против выделения инспекторской части, так как он не видит к этому основания, а между тем мера эта внесла бы ломку во всю организацию министерства. Я, кстати, рассказал Гулевичу, что мне нужен помощник, потому что работа до того тяжела, что я был бы рад уйти с должности, но что государь усомнился в моем ходатайстве и до сих пор мне ответа не дает. На следующий день Гулевич вновь был у меня и сообщил, что вел. князь сочувствует назначению мне помощника и

---

[1]) Я заподозрил, что государь желает уволить меня с должности министра, либо чтобы вовсе устранить меня, либо для поручения мне инспекторской части, непосредственно ему подчиненной. (Прим. в подлиннике).

[2]) Начальник канцелярии ген. штаба.

готов мне помочь в этом отношении, и, что вел. князь не хочет слышать о моем уходе.

Прождав еще три недели, я 11 апреля вновь спросил государя и получил его согласие на утверждение должности помощника и на назначение на нее Поливанова; при этом государь сказал, что несколько лет тому назад он рекомендовал бы на это должность Розенкампфа; я ответил, что Розенкампф человек нежелательный, так как он «не искренний».

Все дело об учреждении должности помощника я держал в секрете и говорил о нем только с Поливановым, а затем с Гулевичем. Теперь, имея согласие государя, я сам составил представление в Военный совет и краткое положение о новой должности. И то и другое я в среду передал Забелину с тем, чтобы дело в четверг было доложено Военному совету и чтобы журнал был подписан в том же заседании. На производство нового расхода нужно было согласие министра финансов (Шипова) и государственного контролера (Философова). С обоими я переговорил лично, и на мой официальный запрос я в четверг же получил их согласие. В четверг же журнал Военного совета был представлен государю вместе с докторам о назначении Поливанова. в пятницу они были утверждены, а в субботу «Инвалид» уже распубликовал новое назначение. Таким образом, вся сложная процедура учреждения и замещения должности была выполнена в несколько дней.

Все это дело я сначала держал в секрете, а затем вел с возможною поспешностью, чтобы избежать разговоров и ходатайств.

При разговоре с вел. князем Николаем Николаевичем я ему объяснил выбор Поливанова тем, что я сам мало сведущ в делах главного штаба, особенно в тех, которые соприкасаются с деятельностью генерального штаба, и что именно этот дефект должен восполнять Поливанов. Вел. князь посмотрел на меня как-то недоумевающе. Действительно то, что я добивался от Поливанова, мне ведь должен был давать Палицын, и в приведенных мною мотивах для выбора Поливанова сквозили неудовлетворенность работою Палицына или недоверие к ней.

Между Поливановым и Палицыным, кажется, уже раньше существовала антипатия, которая, по неизвестным мне причинам, вскоре дошла до того, что они просто не выносили друг друга. Вероятно, влиянию Палицына надо приписать то, что и вел. князь стал плохо относиться к Поливанову.

На место Поливанова нужно было выбрать нового начальника главного штаба; нужен был не только умный и знающий, но и твердый человек, который продолжал бы начатое Поливановым трудное дело очистки главного штаба от неспособных и обленившихся работников и упорядочения его работы. О выборе такого лица я советовался с Поливановым, и мы остановились на г.-л. Алексее Ермолаевиче Эверте; я его видел всего раз, но он произвел на меня самое лучшее впечатление. Поливанов тоже знал его очень мало, но всеобщий отзыв о нем из армии был отличный. Он был временно в Петербурге, я его вызвал к себе и 17 апреля при Поливанове предложил ему должность. Эверт отказывался, говоря, что его тянет в строй, он лишь мечтает о командовании дивизией, почему он уже отказался от должности генерал-квартирмейстера у Палицына (которого он, как потом оказалось, не выносил); кроме того, он опасался, что он окажется не на высоте

нового назначения. На это я ему сказал, что мы, в таком случае, утопим щуку в реке, спустив его в строй. В конце концов, он заявил, что если я прикажу, то он примет должность, и он вслед за тем был назначен.

Эверт пробыл в должности два года. Он оказался безукоризненно честным и хорошим человеком, с большим здравым умом, но не выдающимся администратором; человек добрый, он главного штаба не вычистил и не подтянул. Он был очень твердых убеждений, — пожалуй, даже упрям, — и высказывал их вполне откровенно, так что мы неоднократно жестоко спорили с ним. Я его за это очень уважал и любил его, но все же было трудно работать с человеком, с которым я по некоторым вопросам (особенно по организационным) совершенно расходился во мнениях. Поэтому, когда он весною 1908 года заявил о своем желании получить корпус, я поспешил исполнить его желание.

Приближалось время открытия 1-й Государственной думы. С тревожным чувством ожидалось это событие. Вести о выборах в Думу указывали на то, что она будет резко антиправительственною, а может быть, даже революционною. При существовавшем в стране всеобщем неудовольствии это было неудивительно, но все же будущее представлялось совершенно неясным и преисполненным всяких опасностей, так как новая Дума, введенная ради успокоения страны, могла, наоборот, окончательно революционизировать ее.

Старый Государственный совет, проработав более 100 лет в качестве законосовещательного учреждения, заканчивал свою деятельность; 17 апреля я был в последнем его заседании, и 25 апреля состоялся вечером раут для всего нового состава Совета, чтобы дать старым и вновь избранным членам случай познакомиться; я знал очень мало первых и вовсе не знал вторых и на рауте пробыл час, только чтобы показаться.

Перед открытием Думы кабинет гр. Витте был уволен и заменен кабинетом Горемыкина. Оригинально, что я, член обоих кабинетов, узнал об этой перемене совершенно случайным образом: в среду, 19 апреля, при докладе вел. кн. Сергей Михайлович сообщил мне об отставке старого кабинета; то же подтвердил мне вел. кн. Николай Михайлович, заехавший ко мне в тот же день по какому-то делу. Оказалось, что я не уволен и оставлен в новом кабинете; все это доказывает слабую, чисто внешнюю, связь мою с кабинетом. О том, как и почему состоялась смена кабинета, я тогда даже и не знал. Только в марте 1909 года мне о том подробно рассказывал Коковцов. Государь предполагал только частичное преобразование кабинета, с назначением Акимова его председателем, но Акимов заявил государю, что у него нет таких способностей, чтобы занять эту должность, и прибавил, что старому кабинету за смутное время столько пришлось совершить беззаконий, что ему лучше и не показываться в Думе. Государь с этим согласился, и весь кабинет был сменен, за исключением, кажется, только министров двора, военного и морского.

Витте немедленно переехал в свой дом (Каменноостровский, 5) и 24 апреля дал обед в честь членов своего кабинета; обед был довольно скучный; после него мне впервые пришлось беседовать с графиней Витте, очень умною женщиною. На обеде был и Палицын; после обеда

у меня было до поезда еще ½ часа свободного времени, и я заехал к Палицыну выпить стакан чаю.

Многие из бывших членов кабинета были устроены не блестяще. Так, Шипов, бывший министр финансов, попал в члены какого-то совета своего бывшего министерства, а министр путей сообщения Немешаев вернулся на прежнюю свою должность управляющего Юго-западными железными дорогами.

Наконец, в четверг 27 апреля, в Зимнем дворце, состоялось открытие 1-й Государственной думы и преобразованного Государственного совета.

День был ужасно жаркий. Совет министров к 12¾ ч. собрался в Эрмитаже, откуда нас затем перевели в Георгиевскую залу. В этой зале на троне очень живописно была положена императорская порфира; по сторонам трона стояли красные табуреты для императорских регалий. Против трона, по левую руку, стали члены Думы, а по правую — члены Государственного совета. По правую же сторону, около престола, было небольшое возвышение для членов императорской фамилии, около которого стал Совет министров [1]). Все служащие были в парадной форме, с которою контрастировали штатские костюмы, частью весьма небрежные, выборных членов новых законодательных учреждений.

В 2 часа государь вошел в зал. Перед ним несли регалии, которые были положены на табуреты, около которых стали лица, их несшие; за государем шла императорская фамилия. Государь очень спокойно, но с большим чувством, прочел отличную речь, редактированную им самим. Прокричали «ура», и государь с таким же церемониалом ушел. В 2½ часа я уехал домой.

Великое событие совершилось. Перемена государственного строя России стала совершившимся фактом. При враждебном настроении Думы приходилось радоваться, что все сошло благополучно, без каких-либо неприятных инцидентов.

В тот же день, в 4 часа, в Таврическом дворце было открытие заседаний Думы, на котором присутствовал Совет министров; на следующий день, в 2 часа, состоялось открытие заседаний Госуд. совета, для которых был отведен зал Дворянского собрания, впредь до постройки в Мариинском дворце новой, достаточно обширной залы.

В день рождения государя, 6 мая, в Петергофе был назначен выход, на который мне удалось попасть лишь с трудом. Мой мотор был неисправен, и я должен был ехать в Петергоф через город, с поездом в 8 ч. утра, но, когда я одевался, у меня в руках сломалась оправа очков. Без очков я совсем не могу существовать, а потому я смолоду всегда ношу в кармане запасную пару, но и в ней оказалось сломанным одно стекло — очевидно, футляр не оберег его от какого нибудь удара. Надо было найти какие-нибудь старые очки, но на даче я еще не успел разобрать все вещи, и часть ключей куда-то заблудилась. Пришлось посылать за слесарем, и старые очки были добыты. Чтобы попасть в Петербург, я поехал на станцию Варшавской железной

---

[1]) Здесь я впервые увидел нового министра внутренних дел Столыпина. (Прим. в подлиннике).

дороги, чтобы попасть на поезд 9 ч. 9 м., но оказалось, что он еще не ходит, и я попал лишь на поезд 10 ч. 7 м. Царскосельской дороги. В городе экипаж меня ждал на Варшавской станции, и я на извозчике добрался на Балтийскую железную дорогу. В Петергоф я попал к самому концу молебствия. Это было редким сочетанием мелких неудач.

За завтраком в этот день около меня сидел председатель новой Думы Муромцев. Я ему сказал, что я стою вне политики и желаю лишь одного — делать свое дело; он расспрашивал о намеченных мною реформах; я ему сказал, что пока занялся личным составом, добился усиленных пенсий и теперь увольняю всех бесполезных; он высказал полное сочувствие. Относительно Думы он мне сказал, что ее надо занять работою, тогда партии обозначатся; по земельному вопросу — что он не будет разрешен в радикальном смысле, так как ведь есть 6 миллионов крестьян-собственников; что Дума уважает власть и что лишь надо выступить с твердою программою (напр., по делам Дальнего Востока).

Он, очевидно, был прав в том, что Думу надо было занять работою. Витте это тоже твердил, и разные законопроекты разрабатывались, но ко времени открытия Думы ничего еще не было готово. Собственно по военной части ничего и не намечалось вносить в Думу, так как все внутренние военные меры могли проводиться в порядке военного законодательства, если только расходы не выходили из рамок предельного бюджета. Контингент новобранцев на следующий призыв уже был утвержден Государственным советом, а других вопросов, с которыми мне надо было бы итти в Думу, пока не предвиделось. Единственный общий вопрос — о передаче гражданского управления в Туркестане в ведение министерства внутренних дел, хотя и был в принципе одобрен Советом министров, но требовал еще долгой и сложной разработки.

С открытием Думы министерствам было указано, чтобы они скорее вносили в Думу частные законопроекты, но их было мало, и помнится, что, по иронии судьбы, первым был внесен проект теплицы при Юрьевском университете. У Думы серьезной работы не было, да едва ли она даже была бы в состоянии заняться ею — она всецело была поглощена ненавистью ко всему существующему, желанием сокрушить его в корне. Представители правительства, появлявшиеся в Думе, подвергались оскорблениям, и Дума, считая себя всесильною, смотрела на них, как на подсудимых, осыпала их бранью и криками: «вон».

Первым делом Дума занялась адресом на имя государя, совершенно невозможным. Проект его был известен Совету министров, который обсуждал его в заседании 4 мая, причем большинство (9 человек: Горемыкин, я, Бирилев, Фредерикс, Столыпин, Стишинский...) полагало дать ответ по получении адреса, а меньшинство (7 человек: Коковцов, Шванебах, Извольский, Гурко...[1]) полагало завтра же прочесть декларацию правительства. При последнем решении, адрес все же был бы принят Думою, и тогда получился бы явный конфликт, который потребовал бы немедленного роспуска Думы. На совместную работу с нею, да и вообще на работу Думы едва ли можно было на-

[1]) Списки большинства и меньшинства в подлиннике не закончены.

деяться, но население возлагало на нее такие большие надежды, что немедленный роспуск ее был бы для него большим разочарованием, и надо было попытаться привлечь ее к работе и дать ей самой возможность показать, способна ли она к ней или нет?

Декларация правительства все же была составлена для оглашения после получения адреса. Государь сделал в ней небольшие изменения, доложенные Совету в заседании его 12 мая.

Среди пожеланий Думы на первый план был выдвинут вопрос об отмене смертной казни. Это было вполне естественно: только угрозою казни правительство могло бороться с преступлениями, которыми революционеры и хулиганы терроризировали население, и Думе, конечно, было желательно отнять у правительства это оружие, так как большинство ее не только отказалось выразить порицание этим преступлениям, но даже сочувствовало им; иным членам Думы приходилось опасаться, что и они сами, рано или поздно, могут подпасть под действие закона, ведущего под виселицу.

По гражданским законам у нас со времен Елизаветы Петровны нет смертной казни [1]); но даже в этом случае, если бы она существовала в общем кодексе, она едва ли применялась бы гражданскими судами ввиду тогдашнего их настроения. В военном законодательстве смертная казнь тоже была сохранена лишь на военное время за некорые воинские преступления, а равно за важнейшие общие преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении. В революционный период эти статьи и применялись; если данная местность и не была объявлена на военном положении, то дела, по постановлению министра внутренних дел, все же могли передаваться в военный суд для суждения по законам военного времени. Военное ведомство во всех этих делах играло чисто служебную роль: его суды должны были разбирать дела, которые ему передавались, и выносить по ним смертные приговоры. Не говоря уже о том, насколько все это было тяжело в нравственном отношении, но на военные суды возлагалась громадная работа, и против них, а косвенно и против всей армии, возбуждалась ненависть населения.

Совет министров признавал желательным, чтобы по вопросу об отмене смертной казни [2]) был дан ответ в Думе, и в заседании 20 мая предложил мне взять это на себя. Я заявил, что военное ведомство в суждении гражданских дел по законам военного времени является только исполнителем и что ответ должен дать тот, который передает эти дела военному суду. Горемыкин, Щегловитов, Столыпин и другие члены Совета стали наседать на меня, чтобы я все же выступил в Думе или послал туда кого-либо из своих подчиненных, — очевидно, для того, чтобы самим остаться в стороне от этого дела. Чтобы покончить эти разговоры, я заявил, что, пока я министр, я не только сам не выступлю с объяснениями по чужому делу, но не позволю этого и своим подчиненным, так как это было бы равносильно принятию на ответственность военного ведомства того, за что оно отвечать не может и не должно. После этого пошли речи иные: признали, что я прав.

[1]) Кроме только преступлений против особы государя и некоторых других, совсем исключительных. (Прим. в подлиннике).

[2]) И в частности—о казнях в Риге, о которых Дума сделала запрос. (Прим. в подлиннике).

что действительно не следует выступать ни мне, ни кому-либо другому, кто мог бы считаться представителем армии, и что, кроме того, тут нужны объяснения не по существу, а лишь чисто формальные, что уже является прямым долгом техника этого дела — главного военного прокурора. С такою постановкою вопроса пришлось согласиться.

Вслед за тем Павлов выступил в Думе; его, конечно, приняли отвратительно; уже 3 июня он, нарочно, приехал ко мне в Царское жаловаться на то, что все газеты его травят, возлагая лично на него ответственность на строгость военных судов и одиум смертных казней; вскоре после того он получил предупреждение от тайной полиции, что на него готовится покушение, и перестал почти вовсе выходить из своей квартиры, а в конце декабря все же был убит. Я уже говорил, что Павлов был нелюбим в военно-судебном ведомстве; чистка же этого ведомства не замедлила сделать его имя ненавидимым.

Говоря по правде, Павлов сам был чуть что не человеконенавистником. В его лице я впервые увидел начальника, не хлопочущего почти никогда за своих подчиненных, В виду тяжести службы в смутное время я испросил в 1905 или 1906 году лишние награды военнослужащим и предложил Павлову испросить таковые и для членов своего ведомства, несших очень тяжелую службу. Павлов признавал это лишним, так как они ведь только исполняют свой долг, и, кроме того, их положение значительно улучшилось вследствие начавшегося в ведомстве быстрого движения по службе. Награды были назначены только по моему категорическому указанию, но в своих выражениях Павлов обрисовывается вполне: сам добросовестнейший служака, точнейший исполнитель закона, он и от других требовал того же, а исполнение наиболее тяжелой службы считал лишь исполнением служебного долга и не видел в нем повода к каким-либо особым наградам. Вместе с тем у него всякая вина была виновата, и он лишь с трудом находил поводы для снисхождения. Я его искренно уважал, как цельного, твердого и честного человека, но ему не симпатизировал.

В конце мая или в начале июня в Белостоке произошли беспорядки, вызванные евреями и подавление войсками[1]). Инцидент этот был раздут, и Дума решила послать туда свою следственную комиссию. Белосток состоял не то на военном положении, не то на положении усиленной охраны, и в нем обязанности генерал-губернатора были возложены на начальника 4-й кав. дивизии г.-л. Бадера, которому Столыпин секретною телеграммою предписал выслать комиссию из своего района тотчас по ее прибытии, но Бадер этого приказания не исполнил, и комиссия сделала свое дело: собрала показания и жалобы евреев и представила их Думе; докладчиком комиссии был профессор Щепкин[2]). 18 июня я получил от государя записку с приказанием быть в заседании Думы по этому делу для защиты войск от нападок на них, и это приказание было подтверждено при личном моем докла-

---

[1]) Белостокский погром, спровоцированный правительством, происходил 14—16 (1—3) июня 1906 г. при непосредственном участии войск. В ответ на посылку Госуд. думой комиссии для расследования белостокских событий и последовавших затем в Думе разоблачений по поводу погромной деятельности департамента полиции Николай Романов объявил высочайшую благодарность белостокскому гарнизону.

[2]) Щепкин, Е. Н., депутат от г. Одессы, кадет, профессор всеобщей истории. По поводу отношения кадетского большинства Госуд. думы к белостокскому погрому и погромам вообще см. Ленин, «Реакция начинает вооруженную борьбу», Соч., изд. 2-е, т. IX, стр. 333.

де 20 июня. Поручение это было тяжелое. Вообще неприятно выступать перед враждебно настроенною аудиториею, а тут приходилось итти на неизбежный скандал, причем я мог быть уверен, что меня лично и армию обругают, а между тем я не имел никакой уверенности в том, что правительство за меня заступится, не имел полномочия на скандал и ругань ответить тем же. На оскорбление правительства и армии было бы наиболее естественным ответить роспуском Думы, но уже многих представителей правительства оскорбляли в Думе совершенно безнаказанно; наконец, мне вовсе не улыбалось быть участником такого скандала, из-за которого пришлось бы распустить Думу, так как вину в этом охотно возложили бы на меня. Я был далек от всех вопросов внутренней политики, но все же знал, что на роспуск Думы не решаются и что даже идет речь о привлечении в состав кабинета умеренных ее членов, чтобы попробовать работать с нею; я не брался судить о том, насколько это было возможно и желательно, но я не желал бы являться и помехою в этой комбинации. Однако рассуждать не приходилось — я должен был выступить в Думе; в приеме, какой я встречу, не могло быть сомнения; с своей стороны, я решил не оставаться в долгу и на ругань ответить тем же, предоставляя правительству одобрить мои действия или отказаться от меня.

20 июня было заседание Совета министров; я считал лишним испрашивать какие-либо указания Совета по поводу моего выступления, так как я уже сам решил, как я буду отвечать, и, с другой стороны, не рассчитывал, что он меня непременно поддержит даже в том случае, если я поступлю по его указаниям, так как Совет чувствовал себя просто растерянным и сам еще не знал, какую позицию ему придется занять. В этом заседании я видел барона Фредерикса и сказал ему, что выступлю 22 июня в Думе по белостокскому делу и жду такого скандала, что мне придется снять мундир.

На следующий день я был в заседании Совета обороны в Красном Селе. По его окончании (в 10½ час. вечера) вел. князь Николай Николаевич меня задержал; он знал о предстоящем мне выступлении в Думе (от Фредерикса?) и сказал мне, что мне нельзя выступать, так как это может вызвать скандал, могущий повредить комбинации о преобразовании министерства. Я ответил, что имею приказание государя. Он немедленно потребовал свою тройку и помчался в Петергоф к государю. На следующее утро, 22 июня, в 8½ час., камердинер государя по телефону передал мне из Петергофа в Царское повеление государя, что мне не надо ехать в город [1]); я его получил за час до уже назначенного выезда в город для выступления в Думе. Откровенно скажу, что я был чрезвычайно рад. Дума ругалась в этот день во-всю, но без представителя правительства.

Однако все соображения о каком-либо соглашении с Думою и совместной с нею работе вскоре оказались несостоятельными, и ее решили распустить. В соотношении первой Думы это было делом нелегким: она сама считала себя призванной не только для вершения текущих законодательных дел, но и для переустройства России на новых началах, да и народ возлагал на нее преувеличенные надежды. Разочароваться в ней успела только благоразумная часть общества,

[1]) Государь не любил сам говорить по телефону, и спешные его приказания передавались по телефону камердинером. (Прим. в подлиннике).

составлявшая меньшинство, а массы ещё верили в нее и в возможность выполнения всех ее пожеланий и восторгались хлесткою и безастенчивою критикою всего существующего, раздававшеюся в ее стенах. В самой Думе было немало революционеров, которые, в случае ее роспуска, могли поднять беспорядки как в столице, так и в провинции. Необходимо было поэтому принять особые меры предосторожности.

Гарнизон Петербурга летом составляла, по обыкновению, лишь одна армейская пехотная дивизия и казаки; войска же гвардии, по настоянию вел. кн. Николая Николаевича, с весны находились в Красносельском лагере. Ко времени закрытия думы решено было привести войска из Красного, чтобы в столице все прошло гладко — тогда можно было надеяться, что и в провинции все останется спокойным. Горемыкин позвал Столыпина и меня на совещание у себя, в воскресенье, 2 июля. На этом совещании было решено закрыть Думу утром в воскресенье 9 июля, и Горемыкин при нас переговорил с вел. кн. Николаем Николаевичем, бывшим в Красном Селе, и сказал ему в условленных выражениях: «Прошу командировать генерала Ванновского ко мне в субботу, к 6 часам дня», что означало, что к этому времени войска должны вступить в Петербург.

Все было исполнено, как предположено. В субботу вечером войска вступили в город, а в воскресенье утром газеты уже распубликовали указ о роспуске Думы. Как в столице, так и в провинции по этому поводу беспорядков не было: кто уже разочаровался в Думе, кто присмирел, увидев, что в стране есть власть, которая не только имеет право распустить Думу, но и пользуется этим правом.

В заседаниях первой Думы я не бывал ни разу, но отдельные члены ее заходили ко мне, ради разных ходатайств, особенно по судебным делам, о смягчении приговоров и т. п. Приходилось объяснять, что я к приговорам непричастен: предают суду гражданские власти, на суд я никогда никакого давления не оказываю, а утверждение приговоров совершается на местах, без моего ведома. Несколько раз заходили ко мне просить моего содействия к отмене смертной казни; в откровенной беседе посетители однако соглашались, что на военное время смертную казнь надо сохранить, но зачем же казнят в мирное время? Я ответил, что лишь первый вопрос касается меня, а применение всенных законов в мирное время от меня не зависит. Каким-то депутатам я даже сказал, что они ведь ничего не имеют против дисциплинарного устава? Но ведь если его применят к Думе и ее председателю предоставят сажать членов Думы под арест, то это уже меня не касается и нельзя же из-за этого требовать, чтобы и в армии дисциплинарный устав был отменен [1])!

Несмотря на роспуск Думы, кажется, предполагалось, все же искать сближения с наиболее умеренною в ней партиею, т. наз. «кадетскою». Говорили, что с этой целью Муромцев вызывался к государю, но он уже уехал в Выборг, где он принял участие в издании пресловутого «Выборгского воззвания», после чего уже не могло быть речи

[1]) Один из польских членов Думы заехал ко мне в Царское просить, чтобы по какому-то судебному делу в Польше был дан ход кассационной жалобе; я при нем послал телеграмму г.-ад. Скалону с вопросом: не признает ли он возможным это сделать? Через 1 или 2 дня я получил букет роз и приписал его благодарности этого господина. (Прим. в подлиннике).

о каких-либо разговорах с ним, но 18 июля Совет министров обсуждал вопрос о привлечении в состав кабинета 4-х новых лиц: Гучкова, Кони, Гайдена и Львова, которое однако не состоялось [1]).

Одновременно с роспуском первой Думы было объявлено о выборах во вторую Думу и о времени ее созыва; выборы должны были производиться на основании того же избирательного закона. Впоследствии Столыпин рассказывал, что государь тогда же ему сказал, что он согласен сделать еще один опыт с этим законом; если же этот опыт окажется неудачным, то закон надо изменить.

Вслед за роспуском Думы Горемыкин был уволен от должности председателя Совета министров, и его в этой должности заменил Столыпин; как это произошло, я совсем не знаю, но думаю, что Горемыкин сам отпросился.

Горемыкину тогда уже было 66 лет. Он был очень спокоен, ровен и вежлив, и при нем заседания Совета министров приобрели совсем иной характер, чем при Витте: они стали спокойным собеседованием членов Совета, причем Горемыкин, однако сохранял за собою решение вопросов; но это решение он высказывал таким отечески спокойным и вежливым тоном, что этим устранялась всякая обида; столь же спокойно и вежливо он прерывал длинные речи, и заседания от этого стали короче. Они происходили в бывшем доме шефа жандармов, на Фонтанке, № 10, в кабинете, расположенном в первом этаже, и при открытых окнах, когда погода была жаркая [2]).

В Совете министров я бывал лишь по мере возможности, так как большинство обсуждавшихся в нем вопросов меня не касалось, но все же я, при Горемыкине, был в нем 16 раз (30 апреля — 6 июля), или 1—2 раза в неделю.

Столыпин тогда, на первых порах, производил на меня самое лучшее впечатление: молодой, энергичный, с верою в будущность России, он решительно взялся за реформы. До созыва 2-й Думы Совет министров, действуя по ст. 87 основных законов, получал обширнейшую законодательскую власть, которою Столыпин пользовался широко для проведения новых законов, подчас весьма крупных. Эта полнота власти, к сожалению, оказала дурное влияние на Совет и в особенности на Столыпина, так как породила у них преувеличенное представление об их значении и положила начало той мании величия, которая, в конце концов, овладела Столыпиным. Занятая мною позиция министра, редко бывающего в Совете [3]) и все же не желающего давать кому-либо вторгаться в дела армии, невольно привела, в конце концов, к тому, что я фактически стал вне Совета министров, а со Столыпиным, уже с осени этого года, начались столкновения из-за его желания самовластно распоряжаться и в армии.

Летом 1906 года войска попрежнему несли весьма тяжелые наряды по охране порядка в стране, и только гвардейский корпус вышел,

---

[1]) Для обсуждения этого вопроса, после общего заседания Совета, остались Столыпин, Коковцов, Извольский (А. П.), Шванебах, Кауфман, Шаффус, Щегловитов и я. Таким образом замене подлежали бы... (Прим. в подлиннике, недописанное).

[2]) При тогдашней первозности нас однажды заставил здороть влетавший шум с улицы, кажется, от упавшей маркизы. (Прим. в подлиннике).

[3]) С 10 июля по конец сентября я был лишь в 9 заседаниях Совета министров. (Прим. в подлиннике).

по обыкновению, в лагерь в почти полном составе (без казаков); однако и в нем, еще до роспуска 1-й Думы, произошел крупный беспорядок.

Для охраны государя в Петергофе туда посылался из Красного Села пехотный полк, причем полки сменялись каждую неделю. Когда очередь итти в Петергоф дошла до Преображенского полка, в нем накануне выступления начались какие-то волнения, были крики нижних чинов, что они не хотят итти пешком, а их должны везти по железной дороге и т. п. Командир полка (г.-м. Гадон) говорил с нижними чинами, и, повидимому, все успокоились. Полк пришел в Петергоф, но там волнение возобновилось, особенно в 1-м батальоне: нижние чины не расходились спать и обругали говоривших с ними дежурных по батальону и по полку. Командующий дивизией (г.-ад. Озеров, сам бывший преображенец) говорил с батальоном и уговорил их прекратить беспорядок и арестовать зачинщиков. Из Красного Села уже был вызван другой полк (кажется, лейб-гренадеры), который, вместе с гарнизоном Петергофа, должен был сломить преображенцев, но обошлось благополучно без этого. Преображенцы были отосланы назад в Красное, 1-й батальон — без оружия.

Тотчас по завершении этого эпизода (во вторник, 13 июня) я приехал в Петергоф с очередным личным докладом. Государь мне рассказал о всем происшедшем и приказал немедленно заготовить приказ с выговором Гадону и 1-й батальон преображенцев раскассировать. Беспорядок именно в этом батальоне был ему особенно неприятен, так как он сам командовал им до вступления на престол и даже не отдал приказа о сдаче батальона, так что преображенцы продолжали считать его командиром этого батальона, во главе которого в полку был лишь командующий батальоном.

Я тут же на докладе набросал проект статьи в высочайший приказ со строгим выговором Гадону за недостаток внутреннего порядка и дисциплины в 1-м батальоне полка. Государь однако затруднился принять даже такую формулировку происшедшего в любимом полку, почему на совет был призван еще и Палицын, ожидавший с докладом. Палицын стал что-то мямлить и предлагал длинное описание, но я отстоял свою редакцию. Было решено, что я заеду в Красное Село и переговорю с вел. кн. Николаем Николаевичем, о редакции приказа и о дальнейшей судьбе батальона.

В этот день я был зван на завтрак к вел. кн. Константину Константиновичу, в Стрельну, и потому после доклада заехал к нему; до завтрака (в 1 час дня) оставалось ¾ часа, и мы гуляли по саду, говоря о преображенском деле. Тотчас после завтрака я поехал дальше, в Красное, и переговорил с главнокомандующим; я предложил не раскассировать батальон, так как всякому полку будет обидно получать из него людей, а обратить его в армейский и дать ему исчезнуть, по мере увольнения нижних чинов в запас. Вел. князь согласился с этой мыслью (которая на следующий день была высочайше утверждена) и с редакциею приказа. По настоянию вел. князя, в приказе 21 июня был объявлен ряд взысканий за недостатки внутреннего порядка и дисциплины в 1-м батальоне Преображенского полка: ему самому он был поставлен на вид; командиру корпуса г.-ад. кн. Васильчикову объявлено замечание, и он уволен от должности, а командиру бригады г.-м. Сирелиусу объявлен выговор. Командующий

дивизиею г.-ад. Озеров и командир полка свиты е. в. г.-м. Гадон уволены от службы.

По всему этому делу было произведено следствие, а затем был суд; оказалось, что собственно о бунте, о намерении нарушить присягу не было и речи, а просто в полку не было внутреннего порядка [1]).

Беспорядки в Преображенском полку произошли в самое смутное время, за месяц до роспуска Думы, и произвели на всю гвардию самое тяжелое впечатление. В то время весь Красносельский лагерь систематически забрасывался прокламациями, так что во всех полках было известное колебание и брожение, и, не взирая на постоянные беседы офицеров с нижними чинами, ни один командир полка не мог бы поручиться, что и у него не случится какого-либо беспорядка. Происшествие в Преображенском полку послужило кризисом: вся гвардия отрезвилась и стала тверже, чем когда-либо; остальные полки стали чуждаться преображенцев, тем более, что революционеры, считая их уже своими, стали играть Преображенский марш. Тяжелая кара, постигшая виновный батальон и всех высших его начальников, тоже произвела сильное впечатление не только в гвардии, но и во всей армии.

Среди населения этот инцидент тоже получил ложную оценку, так как большинство было склонно считать, что если даже первый полк гвардии является ненадежным, то вообще уже на войска рассчитывать нельзя! Между тем для всех знавших гвардию было ясно, что именно Преображенский полк по обучению и воспитанию является самым слабым, а потому наиболее доступным для всяких внешних влияний и подверженным всяким случайностям. Объяснялось это тем, что полком в течение целого ряда лет командовали лица очень милые, но в строевые начальники непригодные (напр., вел. кн. Константин Константинович в 1891—1900 г.), и в полку издавна среди офицеров установился весьма льготный взгляд на службу, вследствие чего главными деятелями в полку были старые фельдфебеля, заботившиеся только о внешнем порядке и личном своем обогащении. Наконец, полк страдал от хронического некомплекта офицеров: жизнь в полку была сопряжена с такими расходами, что была доступна только людям богатым, которые между тем предпочитали службу в гвардейской кавалерии.

Чтобы обеспечить полк средствами для того, чтобы он и впредь мог поддерживать свой богатый образ жизни и поддерживать хозяйство полка, даже при неумелом его ведении, государь, в конце 1905 года, пожаловал полку в собственность громадный участок земли (бывших когда-то огородов его) около казарм на Кирочной [2]). Постепенной продажей этой земли под постройку домов полк затем стал составлять себе большой капитал, вероятно, в несколько миллионов рублей.

---

[1]) По поводу истинного значения брожения в Преображенском полку см. Ленин, „Армия и народ", Сочинения, изд. 3-е, т. IX, стр. 795.

[2]) Инициатива этого пожалования принадлежала вел. кн. Владимиру Александровичу, представившему государю проект указа, который был передан мне государем для исполнения: переписки на бланке, испрошения подписи и контрасигнации. (Прим. в подлиннике).

Существование такого капитала, конечно, очень облегчало дальнейшее командование полком и пополнение его офицерами, так как неимущие стали получать из полковых сумм щедрую помощь.

Дороговизна жизни в гвардии приводила вообще к крайне нежелательным явлениям, так как лучшие ученики военных училищ весьма часто должны были выходить в армию по недостатку средств для службы в гвардии, а в гвардейские полки поступали посредственные по успехам, но обладавшие средствами; но и таких оказалось недостаточно для пополнения наиболее дорогих по жизни полков, а потому ежегодно, по выпуске училищ, возбуждались ходатайства о переводе в гвардию тупиц и неучей, которые, по прямому указанию закона, даже не имели права на такой перевод. Результаты получались самые отчаянные: гвардия заполнялась неучами, а армия стала негодовать, что такие неучи пользовались всеми преимуществами, даваемыми службою в гвардии, ставшими теперь уделом не лучших офицеров, а наиболее состоятельных.

Еще в 80-х годах вся армейская пехота пополнялась офицерами из юнкерских училищ, а офицеры из военных училищ были в ней редки. В то время преимущества службы в гвардии, пополняемой лучшими воспитанниками военных училищ, были еще вполне естественны; притом жизнь в большинстве полков гвардейской пехоты еще была доступна для людей с ограниченными средствами и даже (хотя с трудом и лишениями) для офицеров без всяких собственных средств. Но постепенно и армия стала получать офицеров с такою же подготовкою, как и гвардия, и привилегии последней стали анахронизмом, вызывавшим зависть и справедливое неудовольствие в армии.

Наиболее правильным было бы упразднить служебные преимущества гвардии, — главным образом, производство по линии из капитанов прямо в полковники,— но тогда это представлялось крайне трудным, так как гвардия только что сослужила большую службу правительству, и отнятие у нее привилегии представилось бы черною неблагодарностью [1]). Я поэтому пытался как-либо повлиять на упрощение и удешевление жизни в гвардии; беседовал я об этом с командирами полков и со старшими начальниками, но от всех получал один и тот же неутешительный ответ: таковы традиции; офицеры ведь люди взрослые и имеют право жить так, как они хотят и как им дозволяют их средства, а всякое вмешательство начальства в это дело рассматривалось бы как вторжение в частную жизнь офицеров. Я хорошо понимал, что дело обстоит именно так и что оно представляет громадные трудности, но я уже не хотел сделать попытку к его разрешению и обратиться за помощью к государю; рассказав ему, какие трудности в пополнении офицерами происходят от дороговизны жизни в гвардии и как она понижает качественный состав офицеров, я просил его, не найдет ли он возможным дать лично указания на жела-

---

[1]) Летом 1907 года я думал поднять вопрос о служебном сравнении гвардии с армией, введя в первой чин подполковника; переход совершился бы переименованием всех обер-офицеров в армейские чины с оставлением в своих полках, причем в течение нескольких лет существо дало бы несоответствие между чинами и должностями. Я об этом писал вел. кн. Николаю Николаевичу, который признал это преобразование несвоевременным. (Прим. в подлиннике).

тельность более скромной жизни в полках гвардии? [1]) К сожалению, я получил полный отказ. Государь мне сказал, что он хорошо знает жизнь офицеров гвардии, бывая запросто в полках, и что он находит ее вполне скромною. После этого говорить больше не приходилось: по личному масштабу государя, жизнь офицеров, конечно, была скромною, если не бедною; но ведь эту жизнь надо было мерить по совсем иному масштабу, по казенному содержанию, а на эту точку зрения государь не пожелал стать. К сожалению, ему не приходилось знакомиться ни с жизнью армейских частей, ни вообще с жизнью более скромною, чем в тех богатых полках, которые, по его мнению, жили скромно. Отметив выше яркое несоответствие между пополнением офицеров гвардии и их служебными преимуществами, я должен признаться, что мне не удалось сделать ничего для его устранения.

В течение лета в Красном Селе было 4 заседания Совета государственной обороны, причем мне удалось провести в нем основные положения нового закона об аттестациях. Мое первое представление по этому вопросу при рассмотрении его в Совете 22 сентября 1905 г. встретило в нем такую оппозицию, что я должен был взять проект обратно для передачи его на предварительное обсуждение командующих войсками в округах. Заключения эти были получены; большинство из них ярко восставало против полковых комиссий, относительно остальных мнения разделились. Главный штаб медлил внесением представления в Совет обороны. Тогда я сам написал вел. кн. Николаю Николаевичу письмо, в котором в общих чертах изложил принципиальную сторону дела и суть полученных заключений, и просил вновь поставить дело на обсуждение Совета. Ввиду возражений против полковых комиссий, я предложил временно, до указаний опыта, поставить вместо них дивизионные, но с добавлением в их состав председателя суда общества офицеров соответствующего полка. Письмо мое было разослано членам Совета и обсуждалось в заседании 20 июля в Красном Селе. Дебаты вновь длились $2^1/_2$ часа ($8^1/_2$ час — 11 час. вечера). На этот раз большинство уже явно склонялось в мою сторону. Причины такой перемены взглядов, я думаю, были разнообразны; с одной стороны, образование Высшей аттестационной комиссии наглядно убедило как в пользе коллегиального обсуждения, так и в несовершенстве получавшихся из войск аттестаций; с другой стороны, с самою идеею уже успели освоиться, и она уже не представлялась столь критическою, как 10 месяцев тому назад; наконец, оказывали влияние перемена в составе членов Совета [2]) и то, что моим письмом была, в сжатой форме, выдвинута принципиальная сторона дела.

Общее сочувствие моему проекту не разделял однако председатель Совета. Оторвав клочок бумаги, он на нем написал карандашом несколько слов и показал их своему брату, а затем и вел. кн. Сергею Михайловичу; я вопросительно взглянул на него, и он дал прочесть и мне; на ней стояло: «Если будут полковые комиссии, то я не останусь главнокомандующим». Я вернул бумажку с успокои-

[1]) Между прочим очень легко было бы запретить подношение букетов, устройство на маневрах павильонов с цветниками для императрицы и т. д. (Прим. в подлиннике).

[2]) В 1906 г. постоянными членами были: Гродеков, Розенкампф, Случевский, Мылов, Костырко и Дубасов. В 1907 г.: Розенкампф, Зарубаев, Вернандер, Протопопов и Диков. (Прим. в подлиннике).

тельным жестом, и, когда при голосовании очередь дошла до меня, я сказал, что я глубоко убежден в пользе полковых комиссий, но что, считаясь с возражением строевых начальников, я полагал бы для начала заменить их дивизионными с участием председателя суда общества офицеров данного полка.

Я подавал голос последним; до меня за полковые комиссии уже высказалось 7 голосов (вел. кн. Петр Николаевич и Сергей Михайлович, Диков, Зарубаев, Вернандер, Протопопов и Эверт), которые теперь примкнули к моему мнению. Против него высказались лишь председатель, послушный ему Розенкампф и (почему-то) Остроградский. Палицын же ухитрился не сказать ни да, ни нет.

Таким образом, я в Совете обороны одержал успех и добился принципиального одобрения моего проекта; по журналу Совета мнение большинства было высочайше утверждено. Оставалось только жалеть о том, что мне не удалось добиться этого успеха при первом рассмотрении дела и что 10 месяцев из-за этого пропали. Говоря об упомянутом первом рассмотрении, я указал на нежелательное тогда отношение членов Совета к военному министру; теперь, через год, это отношение уже успело измениться коренным образом.

Проведение дела в законодательном порядке состоялось только в конце года, но я расскажу о нем теперь же, чтобы более к нему не возвращаться. Разработка законопроекта, на первых порах хотя бы для пехоты и кавалерии (то-есть для главной массы войск), представила довольно большую сложность ввиду крайнего разнообразия и пестроты нашей организации. Я торопил работу, чтобы поскорее получить новые аттестации, но все же она поспела и была внесена в Военный совет лишь в конце сентября. При рассмотрении проекта в Совете он вызвал много мелких замечаний, почему Совет избрал свою комиссию для его подробного обсуждения; та выработала новую редакцию, не касаясь оснований проекта, как уже высочайше одобренных; ее проект должен был рассматриваться в заседании Совета 19 октября. В этом заседании мне раньше всего был поставлен вопрос, можно ли касаться упомянутых оснований? Я сказал, что можно, так как государь должен знать вполне искреннее мнение Совета; иного ответа нельзя было дать, так как иначе пошли бы разговоры, что я по столь важному вопросу не дал Совету высказаться; но тогда в Совете поднялась такая полемика и стали высказываться столь разноречивые взгляды, что стало очевидным, что Совет не скоро договорится до чего-либо. Я поэтому предложил Совету собраться в частное собрание для обмена мнениями и для выяснения всех сторон дела просил старшего из членов, Рерберга, созвать это собрание. В следующий четверг, 26 октября, оказалось, что Рерберг еще не созывал собрания, так как ему еще нужны были какие-то сведения; в следующее заседание, 2 ноября, я получил тот же ответ: тогда я заявил Совету, что я считаю дело спешным, а потому оно будет слушаться 9 ноября, и что, если Совету угодно обсудить его предварительно, то это надо сделать втечение недели; только тогда, в начале следующей недели, Совет собрался в частное заседание, в котором Поливанов давал подробные объяснения.

Наконец, 9 ноября дело было окончательно доложено Совету; опять начались дебаты и разнородные предложения, как устроить коллегии. Чтобы закончить разговоры, я записал сделанные три

предложения и затем опросил мнения, кто присоединяется к проекту главного штаба или к какому-либо из этих трех предложений? Голоса разбились совершенно; наибольшее число голосов (кажется, 8) получил проект Рерберга[1]), затем уже шел (6 голосов) проект главного штаба, а потом два остальных предложения.

Чтобы не испортить дела, я на этом покончил, не пытаясь свести голоса (иначе большинство могло бы получиться в пользу проекта Рерберга), а оставил 4 мнения; ни одно из них не имело за себя большинства голосов, а тогда дело представлялось на высочайшее благоусмотрение. Я так и сделал; журнал Совета я, после его подписания, взял с собою в личный доклад и попросил государя утвердить мнение № 2.

Таким образом я, наконец, 25 ноября 1905 г. добился своего, после более чем годовой борьбы сначала в Совете обороны, а затем в Военном совете. Трудность проведения дела в Военном совете служила доказательством того, что я был прав, не внеся дела прямо в этот Совет: даже теперь, по одобрении государем оснований реформы, он ее тормозил и хотел изуродовать, а до этого одобрения он вовсе провалил бы ее. Очевидно, Военный совет с трудом шел на новшества и требовал пополнения членами, более знакомыми с современными обстановкою и нуждами войск.

Задержка в рассмотрении дела в Военном совете привела к тому, что мы новых аттестаций не могли получить к новому году, а получили их лишь в начале 1907 года, и только тогда могли начать составление новых кандидатских списков и начать освобождение армии от нескольких сот сверхштатных штаб-офицеров, тормозивших все производство в армии.

Новый закон об аттестациях был принят в войсках весьма сочувственно, так как он давал большую гарантию в правильности аттестаций, но впоследствии многим пришлось разочароваться в нем, когда выяснилось, что по новым аттестациям целая масса офицеров действительно увольняется от службы.

Упорный противник этого закона в. кн. Николай Николаевич впоследствии неоднократно говорил мне, что аттестационные комиссии в его округе действуют отлично.

Я говорил выше об учреждении новой должности моего помощника и о назначении на нее Поливанова. Такого помощника я желал иметь, главным образом, для замещения меня в разных заседаниях, но весною и летом заседаний уже стало меньше, так как старый Государственный совет уже закрылся, в новый Совет из Думы не поступало никаких дел, а потому он и не собирался, а в Думе тоже не приходилось бывать. Второю задачею я ставил своему помощнику разработку более важных общих вопросов, касавшихся компетенции нескольких главных управлений; я не выделял в его ведение каких-либо частей министерства, так как все более важные я находил нужным иметь в своих руках, чтобы ближе знать их состояние, а менее важные были, вместе с тем, и необременительными.

---

[1]) Помнится, он низшую коллегию проектировал в составе трех лиц: начальника дивизии и командиров своей бригады и полка. (Прим. в подлиннике).

На первых же порах Поливанову были заданы две большие работы: выяснить все наши недочеты и нехватки и составить соображения о сжатии организации армии.

Для выполнения первой работы ему приходилось собирать материалы по всем главным управлениям, знакомясь попутно с их работою и личным составом. Весь материал был собран лишь к концу 1906 года, причем выяснилось, что для полного снабжения армии всеми необходимыми ей органами и средствами (в том числе вооружение, запасы, казармы) и для приведение крепостей в боевую готовность потребуются единовременные расходы в размере до 2-х миллиардов рублей [1]). Я должен оговориться, что составленный Поливановым перечень наших потребностей не составлял какого-либо законченного плана, строго обдуманного, согласованного во всех своих частностях и исчерпывающе полного, а лишь являлся серым материалом, исходя из которого можно было бы разработать такой план, как только выяснились бы средства, на которые можно было рассчитывать для его осуществления. В ту пору на это не имелось в виду никаких средств, в данную же минуту ценность этого перечня заключалась в том, что он для меня являлся своего рода memento существующих недостатков и нехваток, подлежащих хоть постепенному пополнению за счет имеющихся скудных средств.

В частности этот перечень мне открыл глаза на крайне печальное состояние наших крепостей, с которыми я по прежней своей службе был почти незнаком. Оказалось, что все наши крепости были далеко не закончены, вооружены по большей части устарелыми орудиями и не имели нужных запасов. На довершение постройки верков и на снабжение крепостей современною артиллериею и запасами нужно было около 800 млн. рублей, то-есть такая сумма, добыть которую нечего было и думать. На одни инженерные работы в крепостях требовалось около 300 млн. руб., а ежегодно на это отпускалось всего около 6 млн. рублей! Таким образом, все эти работы могли бы быть выполнены лишь через 50 лет, а между тем при быстром усовершенствовании техники можно было предвидеть, что производимые сегодня работы уже через 15—20 лет окажутся устарелыми и никуда негодными. В современном их виде крепости были неспособны выдержать осаду, а лишь могли несколько задержать противника, заставляя его подвозить к ним свои осадные средства; скорое падение их не представляло сомнения, а между тем и войска и население возлагали на крепости преувеличенные надежды, не подозревая, что они вовсе не отвечают ни своему назначению, ни названию. Чтобы выйти из этого положения, я видел лишь одно средство: сократить число крепостей и обратить все имеющиеся средства, равно как и получающиеся сбережения, на приведение в порядок немногих важнейших крепостей; сбережение на содержании крепостных управлений и войск могли составить порядочную сумму.

Вопрос о сокращении числа крепостей и о выборе крепостей, подлежавших упразднению, находился в зависимости от стратегических соображений, которыми ведал Палицын. Разговоры мои с ним на эту тему не привели ни к чему; он мне отвечал, что раньше всего

---

[1]) Суммы потребных постоянных расходов я не помню. (Прим. в подлиннике).

надо выработать общий план обороны страны, над чем он и трудится, а уже затем можно говорить о крепостях; кроме того, все наши крепости и в современном их состоянии принесут пользу, задерживая противника. Разговоры на эту тему в Совете обороны тоже не привели ни к чему, так как Совет признавал, что, не зная еще плана обороны, он в этом вопросе разбираться не может. Этот план обороны был выработан Палицыным к осени этого года, но Совету обороны он не был сообщен, почему отказ Совета рассматривать вопрос о крепостях и после того оставался в силе. Видя, что от Палицына я ничего не добьюсь, я поручил разработку вопроса Вернандеру и затем все же внес его в Совет обороны, который, по особому моему настроению, рассмотрел его хоть отчасти летом 1907 года.

Второю работою Поливанова явилось составление соображений о сжатии и упорядочении организации нашей армии. Численность армии, особенно после новых формирований, произведенных на Востоке по злосчастной фантазии Куропаткина, возросла до того, что не могло быть и речи о дальнейшем ее увеличении, а между тем состав отдельных частей был до того слаб, что от этого страдало обучение войск; артиллерия и инженерные войска, по сравнению с пехотою, были малочисленны; обозных войск у нас почти не было; вся организация армии была до того путаная, создана без общего плана, что я сам (бывший профессор военной администрации) не знал твердого числа состава разных частей в мирное время и что они формируют в военное! Чтобы устранить эти недостатки, не увеличивая численности войск, было лишь одно средство: уменьшить число составных частей армии, чтобы за счет освобождающихся людей упрочить организацию остальных частей и создать недостающие части специальных родов оружия. На необходимость сократить число войсковых частей указывали еще два обстоятельства: недостаток офицеров и значительность внутреннего расхода людей.

Обе работы велись Поливановым втечение всего лета. Он поселился на даче в Царском, чтобы быть ближе ко мне. Обычно он бывал у меня по понедельникам утром, и мы с ним гуляли часа по два по моему саду, причем он по конспекту докладывал свои дела. Организационные преобразования были разработаны к осени и внесены в Совет обороны, но там они застряли. Вел. кн. Николай Николаевич не нашел возможным менять что-либо в то время в организации войск, и дело это затормозилось надолго.

Красносельский лагерный сбор шел своим чередом. Государь присутствовал лишь на заключительных занятиях в лагере с 1 по 5 августа: 3-дневных маневрах бригады против бригады, однодневном корпуса против корпуса (Данилов и Саранчев), общий парад и скачки.

На этих занятиях пришлось присутствовать и мне. В предпоследний день, 4 августа, у меня лошадь была очень тряская, и во время езды за государем рысью, у меня сильно заломило в пояснице. Это было вполне естественно, так как я уже много лет не ездил верхом в поле, а только садился верхом, чтобы за государем объезжать войска на плацу, да и вообще вел вполне сидячую жизнь. Однако боль была так сильна, что я должен был отстать от свиты и, вдвоем с ординарцем, добираться шагом к экипажу; столь же мучителен был и следующий день. С болью в пояснице я после того промучился недели две; было больно даже от толчков при езде на моторе.

По окончании каждого маневра главнокомандующий[1]) делал разбор его. Все слезали с лошадей, вел. князь садился на холмик и рядом с ним государь и мы, начальствующие лица; кругом — много офицерства, стоя и сидя; начальники отрядов, стоя перед главнокомандующим, докладывали о своих предположениях и действиях, причем тут же выяснялись ошибки. Разбор длился 1—1½ часа и являлся, по своему тону, крайне симпатичным собеседованием, притом весьма поучительным, чуждым разноса.

При следующем моем личном докладе у государя, 8 августа, я ему сказал, что мне очень понравился тон этих разборов. Он мне ответил, что, зная вел. князя, думал, что ему придется сглаживать его резкости, но таковых не было. Я ему рассказал, что я уже говорил по этому поводу вел. князю, что он, видимо, взял себя самого на строгий мундштук! Затем государь меня спросил, сколько времени я уже в должности? Я ответил, что 14-й месяц. Государь сказал, что какое это было время! Я ответил, что для меня самое тяжелое в нравственном отношении время было в октябре—ноябре 1905 года, когда в войсках были беспорядки и когда для их успокоения пришлось роспускать запасных, не взирая на то, что войск совсем нехватало!

Действительно, к этому времени уже становилось легче на душе и, хотя страна еще далеко не была спокойна и отдельные террористические акты продолжались, но чувствовалось, что кризис уже миновал и что скоро наступит время, когда войска можно будет вернуть к их прямому делу.

Из таких террористических актов упомяну о трех: о покушении на Столыпина и об убийстве Мина и графа Игнатьева.

Покушение на Столыпина было произведено днем, 12 августа, на даче министра внутренних дел, на Аптекарском острове, близ Ботанического сада. В этот день, к 4½ часам, у Коковцова собралось небольшое совещание: Бирилев, Шванебах (контролер) и я. В 4¾ ч. было получено по телефону известие, что Столыпин убит. Мы немедленно решили ехать к нему на дачу. У подъезда были две коляски: Бирилева и моя. Бирилев повез Коковцова, а я Шванебаха. На Троицком мосту мы встретили курьера Шванебаха, возвращавшегося с островов, который нам сообщил, что сам Столыпин цел. Дачу Столыпина мы застали полуразрушенною; он сам остался цел, но искалечены были все находившиеся в передней, а в комнате над нею были тяжело ранены его дочь и легко — его сын. Их при нас увезли в больницу, и Столыпин тоже покинул дачу[2]). Вслед затем ему было отведено помещение в запасной половине Зимнего дворца, по Комендантскому подъезду, где собирался Совет министров, а на лето ему отводился Елагинский дворец.

Почти одновременно в Петергофе был убит командир л.-гв. Семеновского полка ген. Мин, вызвавший ненависть революционеров подавлением бунта в Москве. О том, что покушение на него готовится, было известно, и его охраняли, но это не помогло. Его похоронили 16 августа в склепе под полковою церковью.

---

[1]) Вел. кн. Николай Николаевич.

[2]) Я вернулся в Царское в 8-м часу, и мой секретарь по телефону сообщил о происшествии камердинеру для доклада государю. (Прим. в подлиннике.)

Граф Алексей Павлович Игнатьев, мой бывший начальник (1881—82), был убит в декабре 1906 года; он был членом Государственного совета и, насколько знаю, не имел ни значения, ни влияния, так что убийство его не могло быть объяснено ничем, кроме слепого фанатизма юноши, принявшего его за видного политического деятеля.

Наряду с такими террористическими актами угасающая революция ознаменовала себя мелкими беспорядками и хулиганством. Для более энергичной борьбы с ним по проекту Столыпина были учреждены военно-полевые суды с таким упрощением судопроизводства, что смертные приговоры получались в кратчайший срок, то-есть то, чего от меня требовал государь тотчас по моем вступлении в должность и на что ни я, ни даже Павлов не шли, так как мы допускали упрощение и ускорение правосудия лишь в пределах, не угрожавших самому понятию о правосудии. В проект Столыпина (не знаю, кем составленный) мне лично пришлось вставить статью о том, что эти суды в военное время образуются в армии, чем только и могло быть мотивировано самое название этих судов. Положение об этих судах было утверждено 20 августа.

Государь мне неоднократно указывал на необходимость выделения политически неблагонадежных людей в особые рабочие части, которые могли бы назначаться на государственные работы. Я отвечал, что вполне сочувствую удалению из войск этих элементов, но не вижу способов к его выполнению, так как в упомянутую категорию должны будут попадать люди не по суду, не за совершенные действия, а по подозрению и усмотрению начальства, которое само будет под влиянием наговоров фельдфебелей. Между тем для этих людей, ни в чем не уличенных, предположено наказание, похожее на каторжные работы и, во всяком случае, более тяжелое, чем отдача в дисциплинарный батальон, производимая лишь по суду. Произвольное назначение по одному лишь подозрению столь тяжелого наказания не вяжется с законом и должно вызвать неудовольствие в войсках. Ввиду моего отказа провести эту меру государь поручил Бирилеву разработать эту меру по соглашению со мною для чинов армии и флота. Вследствие этого 25 августа у Бирилева собралось совещание: мы двое и наши главные прокуроры; после четырехчасовой беседы мы единогласно пришли к заключению о совершенной невозможности выполнить желание государя. За это решение государь впоследствии высказывал свое неудовольствие Бирилеву, а мне он 30 сентября высказал [1]), что он недоволен решением комиссии Бирилева и что если никто другой не берется выслать неблагонадежных на работы, то он возьмет это на себя. К счастью, он этого не сделал.

В округах, по мере надобности, образовывались отдельные батальоны, в которые переводились ненадежные люди, — мера вполне законная и достаточно действительная, так как войска освобождались от этих элементов, а вместе с тем не было ни жестокости, ни мести за убеждения, усвоенных Столыпиным и внушаемых им государю.

Вообще, я Столыпина виню в жестокости, которой он однако не имел мужества выказывать явно, предоставляя другим отвечать за акты ее проявления. Считая нужным отвечать многочисленными

---

[1]) Это было на моем 104-м личном докладе (8×13=104). [Число, кратное 13, по суеверному мнению Редигера, приносило ему несчастье. — *Ред.*].

казнями на революционный террор, он для получения смертных приговоров предавал сотни людей военному суду[1]), но не решился в Думе отвечать по этому вопросу сам, а взвалил это на военное ведомство; опасаясь смягчения смертных приговоров со стороны утверждавших их временных генерал-губернаторов (все из войсковых начальников), он секретною инструкциею потребовал, чтобы они их не смягчали без его разрешения, перелагая таким образом на них ответственность за свои (Столыпина) постановления. Для подавления революционного террора, несомненно, нужна была власть сильная и строгая, но всякая власть прежде всего должна уважать закон и действовать открыто, честно принимая на себя ответственность за свои действия.

Я уже упоминал выше, что полнота власти, которою Совет министров был облечен в отсутствии Думы, вскружила головы ему и, в частности, его председателю. В отношении армии это выразилось в том, что на нее стали смотреть, как на полицию, точно она не имела других задач, кроме восстановления и поддержания порядка в стране! Войска продолжали трепать безбожно, требуя от них караулы не только для охраны банков, казначейств и тюрем, но и почтово-телеграфных отделений и даже винных лавок! Войска должны были охранять железные дороги и сопровождать поезда, нести наряды по усилению полиции, недостаточность которой усугублялась громадным в ней некомплектом чинов. Хуже всего войска трепались на Кавказе, но и, например, в Варшаве нижние чины ставились на улицах в помощь городовым или вместо них. Войска при этом расстраивались, в них не производилось занятий, а нижние чины, взятые в полицию, скоро перестали быть солдатами[2]). Все мои протесты против такого злоупотребления нарядами от войск были тщетны: Столыпин не соглашался на убавку нарядов. Коковцов же не давал денег ни на усиление полиции, ни на учреждение собственной охраны при учреждениях министерства финансов и на железных дорогах, а Совет министров к моим заявлениям, что войска не обучаются, относился вполне хладнокровно, так как считал, что о новом боевом употреблении армии на долгое время не может быть и речи, так как Россия до того ослаблена и разорена, что ей надолго нужен мир во что бы то ни стало, а при таких условиях вопрос об обучении войск можно отложить, заботясь пока лишь о наиболее насущном — о водворении в стране порядка и безопасности.

О необходимости сокращения нарядов я часто докладывал государю, и он говорил об этом Столыпину, но и это не оказывало влияния и не помогало делу, и армия оказалась всецело в распоряжении гражданских властей. Неудивительно, что я стал получать беспрестанные жалобы на войсковых начальников (доходившие до просьбы их сменить) и на отдельные войсковые части за то, что они недостаточно энергично помогают гражданским властям, или же настойчивые ходатайства о чрезвычайных наградах лицам, угодившим этим властям. По жалобам приходилось делать расследования, причем большинство

---

[1]) Постановления о передаче дел в военный суд поступали ко мне периодически, целыми пачкам, на печатных бланках за подписью товарища министра Макарова. (Прим. в подлиннике.)

[2]) Втечение первых 10 месяцев 1906 года войска призывались гражданскими властями 2 330 раз, причем им в 158 случаях приходилось применять оружие. (Прим. в подлиннике.)

их оказывалось неосновательными, и по наградным ходатайствам — запрашивать заключение начальства, чтобы награды доставались только людям достойным. Такого рода критику его заявлений Столыпин считал для себя обидною — он ожидал от меня послушного исполнения своих желаний.

Еще хуже обстояло дело с жандармами и полицией, которые действительно несли крайне тяжелую и опасную службу и заслуживали всяких наград и поощрений. На беду все жандармы и большая часть полицейских состояли в военных чинах, и Столыпин, не спрашивая военного министра, им испрашивал чрезвычайные награды, особенно производство в военные чины, причем они обходили лиц, служащих в войсках; я протестовал и потребовал соблюдения закона, чтобы такие награды испрашивались только с моего согласия. Такое требование, обращенное мною к всесильному председателю Совета министров, показалось даже странным. Тогда я решил поставить вопрос ребром. Столыпин сообщил мне, что государь по его докладу согласился на производство, на 6 декабря, в генерал-майоры полковника бар. Нолькена (б. томского губернатора), состоявшего в чине полковника всего 2 года, тогда как по выслуге такого срока никто в армии не мог быть производим. При следующем моем личном докладе, 10 октября, я доложил об этом государю. Он мне сказал, что производства он не обещал, а лишь предоставил Столыпину сообщить мне о своем ходатайстве, ввиду того, что окончательное испрошение чина, по закону, принадлежит мне. Вместе с тем государь признал, что производство бар. Нолькена невозможно. После доклада я заехал к Столыпину сообщить ему об этом., Столыпин вспылил и сказал, что он уже сообщил бар. Нолькену о предстоящем производстве и что, если оно не состоится, то он не может оставаться в должности! Я очень хладнокровно ему ответил, что последний вопрос не подлежит моему суждению, но что я не могу допустить, чтобы лица, лишь носящие военный мундир, обгоняли истинно военных, служащих в войсках. Он мне стал говорить о тягости и опасности службы по министерству внутренних дел; я согласился с ним, но предложил переименовать военных в гражданские чины и затем производить их во что угодно и давать им придворные звания. Он мне сказал, что на известных должностях нужен, для авторитетности, известный чин. Я ему возразил, что ведь «у вас самого какой-то смешной для вашего положения чин [1]), и это вам не мешает!»... В результате бар. Нолькен остался без производства.

Этот инцидент заставил быть осмотрительнее в испрошении наград и соблюдать закон о необходимости согласия военного министра, но мои отношения со Столыпиным он испортил [2]). Я ему еще раньше, 7 сентября, объяснил, что у меня решительно нет возможности бывать в заседаниях Совета министров, почему я лишь могу туда по-

[1]) Действительного статского советника. (Прим. в подлиннике)

[2]) Помню еще один курьезный случай, когда начальнику Выборгской тюрьмы в Петербурге полковнику Иванову испрашивали чин генерала. Я отказал. Вслед затем на каком-то придворном торжестве статс-дама Нарышкина стала меня просить за него. Я отказал, но предложил ей похлопотать о переименовании его в гражданский чин и чтоб ему дали звание шталмейстера; она крайне удивилась этому предложению, но я ей пояснил, что, если она считает звание шталмейстера неподходящим для начальника тюрьмы, то я считаю, что генеральский чин еще меньше подходит к этой должности. (Прим. в подлиннике).

сылать Поливанова, если он желает видеть в нем представителя военного министерства.

Хуже всего было однако то, что мне не удавалось добиться убавки нарядов от войск, несмотря на то, что это грозило порчею всей армии. Государь это сознавал, но считал внутреннее положение настолько серьезным, что не оказывал мне поддержки. Вначале сентября ко мне приехал помощник командующего войсками Варшавского округа ген. Гершельман (Федор), доложил лично о трудном положении войск округа, и я 7 сентября повез его для доклада того же Столыпину, но и это, конечно, не помогло.

Для освобождения войск от нарядов было лишь одно средство: усилить полицейскую стражу и улучшить ее организацию настолько, чтобы она могла взять на себя выполнение этих нарядов. О состоянии этой стражи я знал от жандармского генерала бар. Медема, ездившего инспектировать ее: она имела в то время крайне пестрый состав: так, например, была одна отличная сотня, сформированная целиком из увольнявшихся в запас нижних чинов Стародубского драг. полка, а наряду с нею были сотни решительно ни на что не годные; все зависело оттого, кто и из какого материала сформировал сотню, кто ею командует и разбирает ли гражданское начальство людей сотни к себе в конвой и для посылок или же дает им служить в сотне.

Очевидно, что одним упорядочением существовавшей стражи можно было достигнуть многого, но я 7 сентября предложил Столыпину еще большее: сократить численность армии и сформировать взамен стражу из нижних чинов обязательной службы, по образцу уже существовавших жандармских дивизионов; хотя жертва была тяжела, но я думал хоть этим путем спасти армию от разложения. Предложение мое было принято с удовольствием и передано для разработки не то в департамент полиции, не то в штаб корпуса жандармов, да там и застряло: министерство внутренних дел все не могло остановиться на каком-либо плане организации полиции. Сначала я напоминал о своем проекте, а затем по успокоении страны и уменьшении нарядов, я сам не пошел бы на его осуществление. Само министерство внутренних дел, зная, что в его распоряжении имеются войска, мало заботилось об упорядочении полицейской стражи; расстройство же армии не заботило его вовсе. Не видя никаких способов добиться освобождения армии от нарядов, я в конце сентября написал длинное письмо вел. кн. Николаю Николаевичу, уехавшему в свое имение, взывая к его помощи, но и он не мог мне помочь, пока в конце года не были вызваны в Петербург некоторые командующие войсками, которые своими заявлениями о службе и состоянии войск поддержали мои хлопоты.

Совет министров не придавал боевой готовности армии никакого значения. Весьма резко этот взгляд выразился в августе месяце этого года при суждении об употреблении экономических капиталов войсковых частей, бывших на войне. Когда вследствие войны и внутренней смуты мы вступили в период самого острого безденежья, Совет министров стал обращать в казну разные специальные капиталы и, конечно, пожелал получить и экономические капиталы войсковых частей, бывших на войне, по крайней мере, тот прирост, который они получили во время войны. Моя попытка отстоять эти суммы заявлением, что они суть плод бережливости войсковых частей, была легко парализована заяв-

лением в Совете кн. Васильчикова [1]), что войска, наоборот, никакой бережливости не проявляли, и если, несмотря на это, все же получались большие экономические суммы, то лишь вследствие назначения в армии совершенно преувеличенных цен для всякого рода покупок. Заявление это вполне отвечало истине, и его нельзя было оспаривать. Совет министров поэтому решил вернуть в казну эти деньги, как излишне с нее полученные; я настаивал на том, чтобы из них войскам были оставлены те суммы, которые нужны для восстановления войскового имущества, пришедшего во время войны в негодность; я указывал, что без этого войска не в состоянии мобилизоваться вновь и что всякая попорченная вещь, если не будет тотчас исправлена, совсем пропадет, и ее придется потом заменять новою, что обойдется втридорога [2]), но все эти доводы были напрасны: Совет находил, что говорить о возможности новой мобилизации было чуть что не смешно, а новые расходы в неизвестном будущем его тоже не пугали, так как раньше всего надо было найти деньги, чтобы сейчас покрыть настоятельные расходы. Поэтому Совет единогласно постановил отобрать у войск, бывших на театре войны, всю ту сумму, на которую их экономические капиталы увеличились во время войны.

Положение мое было очень трудное. Подчиниться решению Совета значило обречь на долгое расстройство значительную часть нашей армии; я мог подать отдельное мнение и просить государя утвердить его, но на успех такого ходатайства я не рассчитывал, между тем такой шаг был опасен, так как, если бы государь все же утвердил мнение большинства, то я уже безусловно должен был бы подчиниться. Я поэтому решил отдельного мнения не подавать, предоставить Совету постановлять то, что ему было угодно, и испросить на это утверждение государя, а самому — не исполнять этого решения. Это тоже было неисполнением высочайшего повеления, но я перед этим не остановился, так как не мог допустить расстройства армии.

Во всех частях, бывших в походе, были образованы комиссии для определения сумм, нужных для приведения их имущества в полный порядок; эти суммы были им оставлены, и только излишки отданы в казну. Всего таким образом войскам было оставлено 11 878 000 рублей, и их материальная часть вновь была приведена в порядок. Ни государю, ни вел. кн. Николаю Николаевичу я ничего об этом не докладывал.

Совет министров вскоре узнал о моем неповиновении и упрекал меня в нем, но я заявил, что иначе поступить не мог; за это мне стали задерживать отпуск всяких денег, заявляя, что у меня еще есть 11 миллионов; я на это заявлял, что денег этих уже нет и что, если мне не будут давать то, что причитается, то войска останутся без положенного довольствия, а на это и Совет не решался; одним словом, из всего этого вышли только мелкие, надоедливые шиканы. Только впоследствии государственный контролер в своем отчете за 1907 год доложил государю о том, что я, вопреки высочайше утвержденному мнению Совета министров, не сдал 11,9 млн. руб., а мне зимою 1908/09 г. пришлось доложить государю обстоятельства этого дела. Но об этом будет речь впереди.

---

[1]) Главноуправляющий землеустройством и земледелием; во время войны был одним из главноуполномоченных «Красного креста». (Прим. в подлиннике).

[2]) Как на пример, я указывал на поломанную повозку обоза: если ее не починить сейчас (с расходом в несколько десятков рублей), то она быстро обратится в хлам, которого уже нельзя чинить, и придется заменять новою повозкою. (Прим. в подлиннике).

Главным инициатором отобрания у войск экономических капиталов был, очевидно, Коковцов. Это ему не помешало в 1909 году письменно докладывать государю (по поводу состояния Владивостока), что он никогда не отказывал в средствах на насущные нужды армии! А между тем какая нужда могла быть острее, чем восстановление способности войск мобилизоваться! О какой готовности к отпуску средств могла быть речь, когда у войск еще хотели отобрать средства, им самим так настоятельно нужные? Весь эпизод с отобранием экономических капиталов, в общем, очень характерен: он рисует взгляд Совета министров на общее положение России, которое признавалось им столь бедственным, что о подготовке армии к внешней борьбе нечего было и думать; он рисует также тогдашнее безденежье, заставлявшее не только сокращать расходы, но и отбирать в казну капиталы, считавшиеся до того времени частными; наконец, он характерен для общей финансовой политики Коковцова, которой поддался и весь Совет министров: ради экономии не останавливаться перед расстройством части государственного механизма, за которую он, Коковцов, сам не отвечал, и ради получения сейчас 11 миллионов рисковать расходом в будущем в 30—50 миллионов, которые еще неизвестно когда и какому министру финансов придется добывать. Сделанное же им в 1909 году заявление (о котором мне еще придется говорить) было лишь выражением его самоуверенной хвастливости и лживости.

Скажу здесь несколько слов о характере заседаний Совета министров. Они происходили 2 раза в неделю, по вторникам от 10 часов вечера до 2—3 часов ночи и по пятницам от 3 часов до 6—7 часов дня [1]), притом сначала на даче Столыпина, а затем в Зимнем дворце, около помещения Столыпина, по Комендантскому подъезду; сначала в них бывали лишь министры, а затем на них стал присутствовать персонал канцелярии Совета, почему они тогда происходили в зале за Александровскою залою, где висит картина Полтавской победы. Заседания имели в общем характер дружеской беседы, в которой Столыпин предоставлял всем высказываться свободно, почти никогда не останавливая никого. Этим страшно злоупотреблял Коковцов, длинные речи которого, вероятно, заполняли половину заседаний; он говорил почти по каждому вопросу, потому что большинство их имело связь с финансами, и кроме того он обладал удивительною памятью и умением говорить красно, но непременно длинно. Всякая речь его начиналась извинением, что он вновь должен просить Совет уделить ему внимание на несколько минут, затем следовали — изложение, почему он этот вопрос считает важным, история его знакомства с ним, указание, чего и по каким причинам он касаться не будет, и, наконец, изложение предмета; все это излагалось гладко и красиво, но не в несколько минут, а в ¼ или ½ часа или того дольше. Когда такие длинные речи приходилось выслушивать позднею ночью, они становились просто невтерпеж! К сожалению, Столыпин привык вставать очень поздно и работать по ночам; у прочих министров служба тоже начиналась поздно, и они могли высиживать пол ночи; у меня же во вторник утром был доклад у государя, приходилось вставать в 8—8½ часов утра, по возвращении с личного доклада выслушать доклады и заниматься бумагами, не успевая отдохнуть днем,

[1]) По вторникам — по делам, вносимым в Совет, и по пятницам — по общим политическим вопросам. (Прим. в подлиннике).

почему я к вечеру совсем уставал и в заседании Совета мучительно боролся со сном. После заседания Совета я опять не успевал выспаться, так как в среду с утра должен был весь день слушать доклады. Поэтому понятно, до чего ненавистны были мне словоизвержения Коковцова! Я невольно вспоминал Бисмарка, который от министров, своих сотрудников, требовал, чтобы они умели уяснить даже самые сложные вопросы в кратком докладе, отнюдь не длиннее 10—15 минут!

Собственно военные дела лишь в виде исключения попадали в Совет министров и то потому, что они касались денежных вопросов. Во всех этих вопросах Совет был против военного министра и поддерживал всякое возражение Коковцева; это было вполне понятно: при тогдашнем безденежьи и громадных потребностях всех ведомств, желавших расширить и улучшить свое устройство и деятельность, всякое лишнее ассигнование на армию уменьшало сумму средств, на которые другие ведомства могли рассчитывать; армия же (как я уже упоминал) тогда не пользовалась расположением Совета, считавшего, что с удовлетворением ее нужд можно не спешить. Кроме того, поддержка Коковцова в подобных вопросах другими министрами отчасти объяснялась и тем, что успех их собственных ходатайств об отпуске им самим тех или иных средств в значительной степени зависел от его отношения к этим ходатайствам; этим же объясняется и значительное влияние, которым Коковцов пользовался в Совете.

По закону министры должны были сами бывать в Совете и не имели права вместо себя присылать кого-либо другого, но 1 августа я не мог быть в Совете, так как я с утра и до 6 часов вечера был в Красном Селе, на параде войск и на скачках, и я впервые вместо себя послал в Совет Поливанова, которому я постепенно передал, почти полностью, участие в заседаниях Совета, которые я стал посещать лишь для участия в обсуждении важнейших вопросов.

Я уже говорил о трудности защищать в Совете интересы армии, и я не мог претендовать на Поливанова, если он не успевал в этом. Но потом оказалось, что он и не особенно усердно защищал наши интересы и, действительно, за это приобрел то, чего он добивался, — расположение Совета и, в частности, Коковцова, а вместе с тем и надежду стать моим преемником.

В октябре было решено одно весьма сложное дело—относительно земель Кубанского войска. Земельные наделы казаков этого войска, вследствие прироста населения, становились недостаточными, и для их увеличения приходилось наделять станицы дополнительными юртами из запасных земель войска, сдававшихся до того в аренду. Наиболее нуждались в дополнительном отводе земель нагорные станицы, а отводимые запасные земли были в низовой части войсковой земли, и низовые станицы хотели получить их для себя. Назревал весьма острый конфликт между теми и другими, и наказный атаман ген. Михайлов видел из него лишь один выход — созыв «войсковой рады» из представителей всех станиц для полюбовного разрешения спора; Михайлов вполне рассчитывал на успех этой меры. Созыв «рады», учреждения древнего, но уже давно не созывавшегося, вызывал большие сомнения, и, в случае неудачи, меня обвинили бы во введении у казаков парламентизма; но иного выбора не было, и я испросил у Военного совета, а затем и у государя, разрешение на эту меру. Михайлов был прав: в собравшейся раде все эгоистические соображения замолкли, кубанцы почувствовали себя

членами одного общества и разрешили вопрос дружно и по совести. В знак благодарности за оказанное им доверие, приведшее к столь благополучному разрешению острого кризиса, в 1907 и 1908 гг. 15 кубанских станиц [1]) оказали мне честь избранием меня в свои почетные старики. Это избрание было тем приятнее, что оно не было простым знаком почтения к военному министру, а благодарностью за услугу, оказанную славному Кубанскому войску.

В начале октября 1906 года произошло событие, ярко оттенившее хаотическое устройство нашего высшего военного управления. Дело касалось офицерской кавалерийской школы, подчиненной генерал-инспектору кавалерии Остроградскому, а следовательно, мне неподведомой. Школу принимал вновь назначенный начальник ее ген. Мейнард; обходя помещения нижних чинов, он увидел на стенах кроме образков еще массу листков и картинок духовного содержания и приказал убрать весь этот «хлам», так как он является местом скопления пыли и нечисти. Ближайшее начальство поняло это распоряжение так, что надо убрать и образки, висевшие над кроватями. Из-за этого в школе пошло неудовольствие, а протопресвитер о. Желобовский написал обо всем вел. кн. Николаю Николаевичу (вероятно, как бывшему генерал-инспектору кавалерии); великий князь по телеграфу просил меня немедленно убрать Мейнарда.

Прямой начальник Мейнарда Остроградский уехал не то на инспекцию, не то в свое имение; я вызвал к себе его начальника штаба Пряженцова и, переговорив с ним о деле, дал ему предписание о том, что я устраняю Мейнарда от должности, на что я формально имел право, так как статьи закона о правах военного министра не были изменены и школа была мне подведома наравне со всеми другими частями армии. Через два дня, 3 октября, я при личном докладе доложил государю, что я устранил от должности не подчиненного мне генерала, и он признал мое распоряжение правильным. По расследовании дела Мейнард был уволен со службы.

---

[1]) А именно: Рязанская, Пашковская, Новодмитриевская, Ключевая, Черноморская, Ильская, Марьянская, Шапсугская, Полтавская, Платнировская, Баговская, Нефтяная, Брюховецкая и Старощербаковская и Смоленский хутор станицы Смоленской. (Прим. в подлиннике).

Царская цензура и жандармы о Кларе Цеткин.

Клара Цеткин — пламенный борец, революционер, отдавший все свои силы делу освобождения рабочего класса, своей литературной деятельностью не могла не обратить на себя внимания царской цензуры.

И с точки зрения содержания и по форме ее произведения относились к числу наиболее опасных для капиталистического строя и российского самодержавия.

Крайне характерно, что царские цензоры подчеркивали две основные отличительные черты литературных работ Клары Цеткин, а именно, что это документы революционного марксизма и что в них ведется беспощадная борьба с российским самодержавием. О редактировавшемся Кларой Цеткин журнале «Gleichheit» цензоры писали: «Gleichheit» проявляет крайне враждебное отношение к существующему в России образу правления... Вместе с тем названный журнал является органом боевого социализма...» И еще: «Во всех прочитанных мною номерах ни разу не было статьи, которая хотя бы до некоторой степени представляла научный интерес или трактовала даже о мирной социал-демократической догматике» (разрядка наша. — *Ред.*).

Царская цензура подчеркивала таким образом коренное отличие позиции Клары Цеткин и ее журнала от оппортунистической литературы правых и центристов, от «мирной социал-демократической догматики».

Одновременно русская цензура обратила особое внимание на форму работ Клары Цеткин, на «страстность изложения» ею идей революционного марксизма, на ее «пламенные призывы к классовой борьбе», пробуждавшие «несознательные элементы из их долголетней спячки».

Этими причинами и объясняется резко отрицательное отношение царской цензуры ко всем произведениям Кл. Цеткин, которые попадали в поле ее зрения.

Попадавшие на рассмотрение цензуры произведения, связанные с именем Кл. Цеткин, состоят из двух основных групп: с одной стороны, это — заграничные издания, как, например, ее брошюра «Der Student und das Weib» и редактируемый ею журнал «Gleichheit», с другой—те русские переводы ее брошюр, которые явочным порядком были изданы во время революции 1905—1907 гг. Сюда относятся: «Школьный вопрос», «Десять заповедей и имущие классы» А. Гоффмана с письмом к нему Кл. Цеткин и «Начало женского рабочего движения в Германии». Издавать же в России произведения Кл. Цеткин легальным порядком при наличии царской цензуры было совершенно невозможно.

Подлинники печатаемой ниже группы документов хранятся в Ленинградском отделении Центрального исторического архива (ЛОЦИА), в фондах трех

цензурных учреждений: Главного управления по делам печати, Петербургского комитета по делам печати и Центрального комитета цензуры иностранной.

Материалы подготовлены к печати Л. И. Полянской.

Доклад цензора П. Висковатова Центральному комитету цензуры иностранной о брошюре Клары Цеткин «Der Student und das Weib», Berlin, 1899, 20 стр., от 20 марта 1899 г.[1]).

Брошюра чисто социал-демократического содержания, написанная горячо, с характером воззвания. «Воздух в наши дни тяжел (грозовой). Всюду зародыши, которые с наступающим солнечным днем разовьют в миллионах ощущений стремление к освобождению[2]). Но не будем предаваться иллюзиям. Служба делу свободы — тяжелая служба: она не дает ни золота, ни милостей. Все надо приносить в жертву и покидать и мать и братьев»[3]).

В эту брошюру вошли все новейшие учения и сочинения по социальному вопросу. Много говорится о всечеловеке. Vollmensch — как бы по стопам Ницше, который не раз цитируется.

«Только социальный переворот может облагодетельствовать людей. Как человек с мозолистыми руками, так и ученый и художник могут добиться полноты своего человеческого совершенства не иначе, как только путем торжества социализма»[3]). (19).

...Словами: «Вперед! на борьбу за освобождение всего человечества! Вперед! На борьбу за высшее проявление человеческой свободы для женщин и мужчин!»[3]) (20) полагаю закончить[4]).

Пав. Висковатов.

Отношение Петербургского комитета по делам печати на имя прокурора Петербургской судебной палаты о возбуждении судебного преследования против лиц, виновных в напечатании брошюры Клары Цеткин «Школьный вопрос», и о наложении ареста на брошюру от 21 июня 1910 г.[5]).

Главное управление по делам печати препроводило в С.-Петербургский комитет по делам печати экземпляр брошюры под заглавием «Клара Цеткина. Школьный вопрос. Доклад, читанный на третьей жен-

---

[1]) ЛОЦИА. Фонд Центрального комитета цензуры иностранной. Рапорта за 1899 г., рапорт № 926. На подлиннике резолюция председателя комитета гр. А. Муравьева: «Запретить и не выдавать».

Царская цензура иностранных изданий, возглавлявшаяся Центральным комитетом цензуры иностранной, применяла две формы запрещений: запрещение для обращения в публике, с выдачей запрещенного издания по особым разрешениям лицам, имущим доверие, и запрещение абсолютное, когда печать по разрешительным запискам не допускалась. Эта вторая, более строгая форма запрещения и была применена к брошюре Кл. Цеткин «Der Student und das Weib».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) В подлиннике цитата на немецком языке.

[4]) Последнее слово вследствие неразборчивости почерка встановлено предположительно.

[5]) ЛОЦИА. Фонд Гл. управления по делам печати, 1 отд., 19 0 г., д. № 110, лл. 3—4. В основу сообщения Петербургского комитета по делам печати положен доклад цензора Тучапского, рассматривавшего эту брошюру.

Статья 73 уголовного уложения определяла наказания за «богохульство, поношение православной веры или вообще христианской веры». Петербургский окружной суд в заседании 5 июля 19.0 г. не нашел в содержании брошюры признаков преступления: «Призе-

ской конференции в Бремене». Перевод с немецкого М. З. Книгоиздательство «Утро» (улица Жуковского, № 38, кв. № 38). Отдел IV Библиотека по народному образованию, № 1. Цена 4 коп. Типография СПБ. т-ва печ. и изд. дела «Труд» (Фонтанка, 86).

Названная брошюра заключает в себе обсуждение разных вопросов о народной школе, причем автор брошюры высказывает требование, чтобы школа была исключительно светской (стр. 10). «Религия должна быть изгнана из школы. Ей нечего делать в школе ни по моральным, ни по педагогическим соображениям. Религиозное воспитание прежде всего имеет назначением служить интересам господствующих классов. Оно имеет целью не способствовать развитию религиозного чувства, а поддерживать экономическое и социальное порабощение трудящихся классов. Оно имеет ввиду не заботу о поддержании в учащихся религиозного духа, а механическое вбивание в голову догм, стоящих в вопиющем противоречии с данными науки и действительности. И в силу этого оно безнравственно. Преподавание религии в народной школе прежде всего противоречит требованиям этики, оно отравляет ее ядом догматики. Преподавание, которое вместо того, чтобы повести детей по пути научного познания и исследования, вдалбливает им в голову всякий хлам в виде мертвых формул, сфабрикованных в давно прошедшие времена с целью сковать умы, такое преподавание должно быть заклеймено именем безнравственного. К тому же религиозное преподавание отмечено печатью самого узкого конфессионализма и воспитывает в детях не уважение и терпимость к чужим убеждениям, а учит в каждом иначе мыслящем видеть еретика и относиться к нему с презрением.

Но и с педагогической точки зрения мы требуем удаления религиозного преподавания из школы. Ни один предмет не преподается в таком противоречии с элементарнейшими требованиями педагогики. Преподавание религии не способствует развитию мыслительных способностей, но умерщвляет их, так как на место изучения и исследования оно выдвигает веру в авторитет слова; память обременяется мертвым балластом, и чрезмерное развитие памяти в ущерб мыслительным способностям отбивает всякую охоту к учению» (стр. 10).

Усмотрев, ввиду изложенного, в означенной брошюре признаки преступления, караемого ст. 73 угол. уложения изд. 1903 г., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к законной ответственности, по силе приведенной статьи закона, виновных в напечатании брошюры и 2) наложить на нее арест на основании ст. 3, отд. 4 временных правил для непременной печати 26 апреля 1906 г.

Сообщая о сем, в дополнение к отношению своему от 17 сего июня за № 872, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против представителя книгоиздательства «Утро» (сведения о нем будут доставлены вашему превосходительству старшим инспектором типографий в С.-Петербурге), а

денные места из брошюры касаются не сущности религиозного учения, а имеют своим предметом лишь оценку принятого в немецких германских школах способа преподавания религиозного учения и значения этого последнего, причем в этих местах не заключается поношения ни священного писания, ни церковных догматов, ни христианской веры вообще». На этом основании арест, наложенный на брошюру по распоряжению Петербургского комитета по делам печати, был отменен.

равно и против других лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр брошюры при сем препровождается.

Исп. об. председательствующего член комитета граф Голобин

Секретарь [подпись].

Отношение Петербургского комитета по делам печати на имя прокурора Петербургской судебной палаты о возбуждении судебного преследования против лиц, виновных в напечатании брошюры Клары Цеткин «Начало женского рабочего движения в Германии», и о наложении ареста на брошюру от 12 мая 1912 г[1]).

От помощника начальника Московского губернского жандармского управления в Коломенском и Бронницком уездах при отношении от 1 мая [1912 г.] за № 131 поступил на рассмотрение С.-Петербургского комитета по делам печати экземпляр брошюры под заглавием: «Клара Цеткина. Начало женского рабочего движения в Германии». Перевод с немецкого. СПБ, 1907 г. Типография Я. Левенштейна (Екатерингофский пр., 10—19). Цена 7 коп.

Названная брошюра дает краткий очерк женского рабочего движения в Саксонии. Автор ее указывает, что женщина наравне с мужчиной должна бороться за социализм и «сплочение пролетариата как революционного класса, который должен претворить свое социальное самосознание в социальную силу» (стр. 11).

Усматривая, ввиду изложенного, в содержании означенной брошюры признаки преступления, караемого п. 2 ст. 129 уг. ул., С.-Петербургский комитет по делам печати постановил: 1) привлечь к уголовной ответственности, по силе вышеуказанной статьи закона, виновных в напечатании этой брошюры и 2) наложить на нее арест на основании ст. 3, отд. 4, временных правил для неповременной печати от 26 апреля 1906 г.

Сообщая о сем в дополнение к отношению своему от 10 мая за № 1178, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство возбудить судебное преследование против лиц, могущих оказаться виновными по тому же делу.

Экземпляр брошюры при сем прилагается.

Председательствующий А. Катенин.

За секретаря А. Андрияшев.

---

[1]) ЛОЦИА. Фонд Гл. управления по делам печати, 1 отдел., 1912 г., д. № 233, л. 3. В основу сообщения Петербургского комитета по делам печати положен доклад цензора Андрияшева, рассматривавшего эту брошюру.

Пункт 2 ст. 129 уголовного уложения говорит о возбуждении к ниспровержению существующего в государстве общественного строя. Петербургская судебная палата в заседании 21 мая 1912 г. признала в брошюре признаки этого преступления и утвердила наложенный на нее арест. Дело об издании и распространении было прекращено в 1913 г. за истечением «давностного срока».

Доклад цензора М. И. Макаревского Петербургскому комитету по делам печати о наложении ареста на книгу А. Гоффмана «Десять заповедей и имущие классы» с письмом к автору Клары Цеткин по поводу этой брошюры и о привлечении к уголовной ответственности виновных в напечатании ее и в частности переводчика Ф. Капелюша от 18 августа 1912 г.[1]).

От Главного управления по делам печати 27 июля 1912 г. за № 8454 в комитет на рассмотрение поступила брошюра под заглавием: «А. Гоффман. Десять заповедей и имущие классы», с письмом к автору Клары Цеткин по поводу этой брошюры. Перевод с 10-го немецкого издания Ф. Капелюша. Книгоиздательство «Мысль» А. Миллер. Лейпциг — С.-Петербург. 1906 г., 61 стр., 8°. Электропечатня Я. Левенштейн, Екатерингофский просп., 10—19. Склад издания при юридическом книжном складе «Право». СПБ, Владимирский проспект, 19.

Как видно из содержания озаглавленной брошюры и приложенного к ней в качестве предисловия письма известной деятельной поборницы социализма Клары Цеткиной, эта книжка предназначена для широких народных масс, которые «не относятся еще сознательно к недостаткам буржуазного строя, не доискиваются их причин, не стремятся найти выход из своего печального положения, не питают надежды освободиться от него путем борьбы против капиталистического строя». Настоящая брошюра, предназначенная для самой широкой пропаганды и выдержавшая в Германии 10 изданий, по признанию той же Цеткиной, «стремится пробудить несознательные элементы из их долголетней спячки» и заставляет «задуматься о нашем общественном строе» (3 стр.). Это — своего рода социалистическая пропедевтика, и автор брошюры является, так сказать, предтечею «евангелия социализма» (59 стр.).

Автор задался целью показать, каким образом имущие и образованные классы, обвиняющие обычно рабочий народ в том, что он будто бы «ищет только удовольствия, забыл бога и потерял всякую нравственность», сами оказываются явными и злостными нарушителями нравственного кодекса, изложенного в десяти заповедях. По собственным его словам, автор имеет в виду «поднести зеркало части наших имущих и господствующих классов и заявить ей: «Познай самого себя» (6 стр.). И, действительно, он в своей книжке шаг за шагом обвиняет имущие классы в резких уклонениях от исполнения требований всех десяти заповедей закона божия.

Изобличая греховность представителей капитализма, в противовес рабочему классу, автор стремится вместе с тем подчеркнуть всю ненормальность существующего общественного строя, оттеняет несправедливость взаимных отношений между господствующими классами — эксплоататорами и рабочим классом — эксплоатируемыми и особенно отмечает непомерную болезненную алчность, отличающую имущие классы. При этом автор считает своим долгом вырвать зло с корнем, т. е. устранить причины, порождающие эти болезни. Он указывает на Ф. Лассаля, который, по его словам, «нашел для современного общества прививку против бациллы «мании наживы». «Карл Маркс усовершенствовал его открытие, и мы, — говорит автор, — должны так долго прививать его народу, пока последний, вооруженный светочем правды и науки не уст-

[1]) ЛОЦИА. Фонд Петерб. комитета по делам печ ти, 1912 г., дело № 122, лл. 4 — 5.

гранит современный строй и не заменит его другим, разумным строем во благо всего человечества» (27 стр.).

Таким образом, и в общем характере своей революционизирующей проповеди, вооружающей читателя против современного строя общества, и в приведенном месте автор, несомненно, стремится и призывает к ниспровержению существующего в государстве общественного строя.

В другом месте своей брошюры, полемизируя с неким диаконом Блоком и утверждая, что христианство служит для большинства собственников лишь внешними ширмами, украшением и не более, автор позволяет себе следующие богохульные выражения по отношению к господу нашему Иисусу Христу: «Имущие классы, или собственники,—по словам Гоффмана, — обращают нуль внимания на учение какого-то нищего иудея из Назареи» (55 стр.).

Ввиду изложенного, усматривая в книжке Гоффмана признаки преступлений, караемых ст. 773 и 129, п. 2, угол. улож., полагал бы против лиц, виновных в напечатании означенной брошюры, возбудить уголовное преследование по силе означенных статей закона, а на самое издание, согласно 1213 [11] ст. угол. судопр., наложить арест[1]).

Член комитета Михаил Макаревский.

Доклады младшего цензора барона Каульбарса председателю Центрального комитета цензуры иностранной гр. Муравьеву о журнале «Gleichheit» от 11 декабря 1913 г., 15 и 22 января 1914 г.[2]).

Этот еженедельный журнал, в коем сотрудничают почти исключительно женщины, является боевым органом революционного социализма. Со свойственной женщинам страстностью изложения почти все статьи кончаются пламенными призывами к классовой борьбе. Все нумера должны быть запрещены.

Для примера приведу в № 3 стихи на стр. 34; там же на стр. 45-й: «Вновь возрождающееся рабочее движение в России старается помешать правительству использовать религиозные суеверия, расовые предрассудки, инстинкты грабительства и убийства. Этим целям должен был служить процесс Бейлиса. Еврейский и христианский пролетариат реагировал на процесс забастовкой и смелой атакой на царский режим». На стр. 74, № 3, 1-й столбец: «Царская банда преступников». «Процесс на вечные времена останется памятником кровавого царизма». № 4-й начинается статьей «Monarchen-fabrikation von Gottes Gnaden».

Журнал подлежит безусловному запрещению[3]).

Младший цензор барон Каульбарс.

---

[1]) Петербургская судебная палата в заседании 26 ноября 1912 г. утвердила арест, наложенный на эту брошюру Петербургским комитетом по делам печати. Привлечения к ответственности виновных и ее напечатания произведено не было за «недоказанностью факта распространения брошюры и за истечением давностного срока для предъявления обвинения».

[2]) ЛОЦИА. Фонд Центр. комитета цензуры иностр., рапорты за 1913 г., № 9811 и за 1914 г. №№ 320—21, 481. «Die Gleichheit» («Равенство»)— центральный орган международного социалистического женского движения. Его редактором Кл. Цеткин состояла с 1892 г. по 1917 г., когда была снята шейдемановским с.-д. руководством.

[3]) На подлиннике резолюция председателя комитета гр. Муравьева: «Запретить все 4 нумера».

И эти два номера (№№ 7 и 8), как и все последние предшествующие, подлежат запрещению, так как в яркой, возбуждающей, агитационной форме проповедуют классовую борьбу, насильственное ниспровержение капиталистического строя, экспроприацию орудий производства и проч.

Укажу для примера в № 7 стр. 97 и 98 и в № 8 стр. 114. № 7, стр. 98: «Здесь эксплоатируемые и порабощенные, там эксплоататоры и поработители, как бы они ни назывались: рабами и господами, подданными и феодальными князьями, рабочими и капиталистами. Внешние формы изменились, но попрежнему бедный распинается на кресте частной собственностью». «Час экспроприации экспроприаторов будет истинным праздником, вместо христианских для освобожденного человечества».

№ 8, стр. 114, по поводу войн говорится: «Общество, которое допускает убийство сотен тысяч, чтобы тысячи обогащались, гнило до основания. Оно не может быть исцелено; оно должно быть низвержено и разрушено. И победа наступит тем скорее, чем скорее массы пролетариата усвоят основные принципы борьбы за свое освобождение», и т. д. [1]).

Младший цензор барон Каульбарс.

И этот номер (№ 9), также, как и предыдущие, почти сплошь представляет страстное воззвание и призыв к классовой борьбе для достижения идеалов боевого социализма. Не только одна какая-либо статья, а весь номер пестрит страстными призывами к борьбе, обращенными к женщине, которая должна мужественно стать рядом с мужчиной в ряды пролетариата для достижения высших идеалов обездоленного человечества. Из процензированных мною 9 номеров журнала «Gleichheit» 8 оказалось запрещенными Центральным комитетом [цензуры иностранной]. Сотрудниками журнала являются большею частью женщины, а редактором состоит известная социал-демократка Клара Цеткин. Стоимость номера 10 пфеннигов, а годовой абонемент — 2 марки 60 пфеннигов, т. е. немного более одного рубля. В самом журнале часто указывается его цель — пропаганда; так, напр., в № 9 на стр. 129 указывается: «Обязанностью вашей является всячески распространять настоящее образцовое воззвание (статья в журнале) или другие аналогичные, если бы таковые были изданы на местах». Во всех прочитанных мною номерах ни разу не было статьи, которая хотя бы до некоторой степени представляла научный интерес или трактовала даже о мирной социал-демократической догматике. Наоборот, весь журнал есть сплошная страстная пропаганда, рассчитанная на малоразвитую среду, и определенная цель пропаганды: «приобщить и женщину к общему пролетарскому движению и втянуть ее в классовую борьбу». Ниже мною цитированы отдельные места из различных номеров журнала, подтверждающие приведенные здесь соображения, и по совокупности всех изложенных данных, по дешевизне, общедоступности изложения и определенной агитационной цели, преследуемой журналом «Gleichheit» и в связи с запрещением 8 но-

---

[1]) На подлиннике резолюция председателя комитета гр. Муравьева: «Запретить оба номера».

меров из 9 рядовых имею честь ходатайствовать о запрещении ввоза означенного журнала в пределы империи.

Младший цензор барон Каульбарс.

Выдержки из отдельных номеров, преимущественно касающихся России: . . . . . [1]).

В № 9: «Вакханалия империализма огненными словами указывает, как горько приходится объединенному интернациональному пролетариату, и в этом оборонительном союзе рабочего люда всех стран должны принимать участие и женщины. Они должны, они обязаны стоять в первых рядах. Женщины, докажите, что вы понимаете положение, что вы исполните свой долг!» [2]).

Младший цензор барон Каульбарс.

Доклад начальника Главного управления по делам печати министру внутренних дел от 29 января 1914 г.[3]).

Выходящий в гор. Штуттарте, журнал на немецком языке «Die Gleichheit. Zeitschrift für Interessen der Arbeiterinnen» проявляет крайне враждебное отношение к существующему в России образу правления, каковой именуется журналом «кровавым царизмом», правительство же русское называется «царской бандою преступников». Вместе с тем названный журнал является органом боевого социализма, призывая объединенный интернациональный пролетариат, в особенности женщин из рабочих классов, к борьбе с современными государственными формами правления и капитализмом.

Ввиду такого направления этого издания я полагал бы необходимым воспретить журнал «Die Gleichheit. Zeitschrift für Interessen der Arbeiterinnen» ко ввозу в империю, на приведение какового предположения в исполнение имею честь испрашивать разрешение вашего высокопревосходительства.

Начальник Главного управления
по делам печати граф Татищев.

---

[1]) Опускаем цитаты из №№ 3—8 журнала «Gleichheit», как приведенные в предшествующих докладах цензора.

[2]) На подлиннике резолюция председателя комитета гр. Муравьева: «Представить в Главное управление о запрещении всего издания».

[3]) ЛОЦИА. Фонд Гл. управления по делам печати, 4 отдел., 1914 г., д. № 6, л. 13. На подлиннике резолюция министра внутренних дел Маклакова: «Согласен».

Из записной книжки архивиста.

Записки А. И. Козьмина.

(1917 г.)

Автор публикуемых записок А. И. Козьмин был пом. главнокомандующего Петроградским военным округом при Керенском. В 1905 году, в момент наивысшего подъема революционой волны, когда красноярские рабочие под руководством местной большевистской организации фактически захватили в Красноярске власть, А. И. Козьмин, бывший тогда прапорщиком, примкнул к революционному движению. Во время сдачи красноярских мастерских правительственным войскам Козьмину удалось скрыться. Через некоторое время он из Сибири бежал за границу. В начале империалистической войны он решил «отдать себя в руки правосудия» и вернулся в Россию. Военный суд приговорил его к смертной казни, которая была заменена каторжными работами.

По своим политическим убеждениям Козьмин был эсером. В поисках «своего» человека из среды военных на чрезвычайно ответственный пост пом. главнокомандующего Петроградского военного округа Керенский остановился на Козьмине, «старом революционере, знающем солдатскую среду», как Козьмин сам себя рекомендует.

С мая 1917 г. Козьмин был помощником главнокомандующего войсками Петроградского округа, а в сентябре был назначен вр. исполняющим должность командующего войсками и затем помощником генерал-губернатора Петрограда и его окрестностей. Таким образом Козьмин был в центре всех событий 1917 г. Он по своему служебному положению был одним из организаторов борьбы с революционным пролетариатом и революционными солдатами в июньские и июльские дни. Он руководил подготовкой контрреволюционных сил перед Октябрем.

В своем докладе на экстренной конференции петроградской организации большевиков 29—30 (16—17) июля 1917 г. т. Сталин вскрыл гнусную, палаческую роль этого Козьмина в июльские дни: «6 июля Козьмин по телефону к Кшесинской передал требование, чтобы через ½ часа дворец Кшесинской и Петропавловская крепость были очищены, в противном случае Козьмин грозил двинуть вооруженные силы. ЦК решил всеми силами избежать кровопролития. ЦК делегировал меня в Петропавловскую крепость, где удалось уговорить присутствующих матросов не принимать боя, так как положение повернулось таким образом, что мы стоим не против контрреволюции, а против Советов. В качестве представителя Центрального исполнительного комитета я еду с Богдановым к Козьмину. У него все готово к бою: артиллерия, кавалерия, пехота. Мы уговариваем его не применять вооруженные силы. Козьмин недоволен, что «штатские своим вмешательством всегда ему мешают» и неохотно соглашается подчиниться настоянию Центрального исполнительного комитета. Для меня очевидно, что военные эсеры хотели крови, чтобы дать «урок» рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им выполнить свое желание. Контрреволюция пошла в наступление: разгром «Правды» и «Труда», избиения и убийства наших товарищей, закрытие наших газет и т. п. Во главе контрреволюции стоит Центральный комитет кадетской партии, за ним штаб и лица командного состава армии, — та буржуазия, которая хочет вести войну, наживаясь на ней»[1]).

Роль штаба, как одной из трех главных сил контрреволюции, так очерчена В. И. Лениным после июльских дней: «Генеральный штаб и командные верхи армии, с сознательной или полусознательной помощью Керенского, коего да не видней эсеры называли теперь Кавеньяком, захватил в руки фактическую го-

---

[1]) И. Сталин, «На путях к Октябрю», статьи и речи (март—апрель 1917 г.), стр. 84—85.

сударственную власть, перейдя к расстрелу революционных частей войска на фронте, к разоружению революционных войск и рабочих в Питере и Москве, к подавлению и усмирению в Нижнем, к арестам большевиков и закрытию их газет не только без суда, но и без постановления правительства. Фактически основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура; этот факт затемнен еще рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений, но это несомненный факт и настолько коренной, что без понимания его ничего понять в политическом положении нельзя» [1]).

Ясно, что записки одного из виднейших руководителей этой «военной диктатуры» в 1917 г. должны были бы представлять исключительный исторический интерес. К сожалению, до нас дошли только весьма неполные черновые наброски этих записок.

Записки не дают материала как раз о таких важнейших событиях, участником которых был сам Козьмин, как июльские дни. А между тем именно эта часть записок представляла бы особенный интерес, как свидетельское показание одного из «военных эсеров», которые — по вышеприведенным словам т. Сталина — хотели крови, чтобы дать «урок» рабочим, солдатам и матросам».

Но даже в таком виде, в каком сохранились эти записки, они представляют известную ценность для характеристики состояния петроградского гарнизона и настроений штаба Петроградского округа, офицерства и т. д.

Преображенцы и павловцы «во время прохода (церемониальным маршем) на приветствие Керенского или совсем не отвечали или на роту раздавалось несколько голосов». Целый ряд полков (Московский, 180 п., 1-й пулеметный, Финляндский и т. д.) Козьмин именует «ленинскими полками». «Из толпы [Московского полка], окружившей министра, во время речи кто-то даже крикнул что-то неприличное по адресу его». Не забудем, что эти записки Козьмина относятся к маю 1917 г.

В целом Козьмин вслед за «генералами штаба» характеризует состояние гарнизона в следующих выражениях, проникнутых — с одной стороны, барским презрением к «темной» народной массе, с другой стороны—страхом перед неудержимо нарастающими силами пролетарской революции: «Полная парализация командования. Приказ Совета р. и с. д. о невыходе из казарм лишил власти главнокомандующего, отнял у него все до последнего солдата. Солдатская масса, в большинстве неграмотная, анархическая, увлекающаяся личными выгодами, начинает становиться хозяином положения. Испробовав влияние своего штыка в разрешении политических вопросов, она становится на путь преторианства. И, как все преторианцы, она, считая себя создательницей революции и единственной ее защитницей, перестает работать. Занятия воинские прекращаются, солдаты начинают предаваться картежной игре и шляньо по городу. Культурная работа существует только номинально. Преторианство доходит до того, что Финляндском полку, когда он разрывает георгиевский флаг главнокомандующего округом генерала Корнилова. Совершается преступление, которое оказывает колоссальное демонализующее влияние на гарнизон и остается безнаказанным. Совет р. и с. д. — единственный, кто мог в данный момент восстановить дисциплину, замалчивает прискорбный факт. 3-я рота Финляндского полка, совершившая это, отныне становится героем всего полка, по ее поведению равняется весь полк.

Убитую власть главнокомандующего Совет, не понимая ее значения, не торопится восстановить и после того, как миновала надобность в данном им приказе. Штаб округа не может сделать ни одного вооруженного наряда. В это самое время банды вооруженных людей захватывают частные дома. Из 100 000 гарнизона нельзя взять ни одного вооруженного солдата для противодействия вооруженному захвату.

Комитет частей, отнявши всю власть у командного состава, старясь возможно быстрее поспеть за увлекаемой крайней пропагандой массой, сам теряется и сменяется этой массой».

И далее: «Главнокомандующий... не имеет возможности вызвать из казармы взвода вооруженных солдат хотя бы для прекращения разбоя... Власть Керенского в момент его вступления в военное министерство была похожа на пустой орех. С виду красивый и вкусный, а разгрызть—там труха»...

Говоря о состоянии гарнизона в сентябре, Козьмин подчеркивает возросшую «активность имеющихся в каждом полку большевистских групп», перечисляет полки, вынесшие большевистские резолюции, указывает, что «в отношении командного состава полки в лице своих комитетов выражают недоверие к некоторым своим офицерам и требуют их отвода», солдатские комитеты «в подавляющем большинстве далеко выходят за рамки, предоставленные им законом», и т. д.

---

1) В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, т. XXI, стр. 26.

О командном составе Петроградского гарнизона Козьмин говорит: «Действительно, как могли люди, воспитанные на старых началах воинской службы, со школьной скамьи рассматривающие солдата не с точки зрения солдата и гражданина, могли спокойно подписываться под тем, чего требовала декларация прав? Наиболее вспыльчивые откровенно говорили, что все новые правительственные мероприятия в армии бесполезны и даже вредны. И если представители старой армии никак не могли сдвинуться со своих позиций, то представители нового направления уже слишком неосмотрительно шли вперед, стараясь возможно глубже демократизировать армию. Между теми и другими стояла стена, за которую нельзя было перейти»...

В другом месте, в связи с работой комиссии по выработке уставов внутренней и гарнизонной службы, Козьмин говорит еще более определенно: «Работа делается людьми только потому, что дано им распоряжение собраться, но в дело, ради которого они собрались, они не верят»...

О начальнике штаба Серебрянникове он пишет: «Он, как и большинство старых генералов, не верил в возможность воссоздать разваливающийся петроградский гарнизон через принципы, возглашенные декларацией правительства».

«Сторонники дореволюционной армии как-то уныло молча соглашались... в значительной степени в надежде, что все, что делается, есть нечто временное, на смену чему придет что-то другое, — возможно, что и старое»... «Петроградское гвардейское офицерство, всегда ласкаемое двором..., если оно даже сочувствовало удалению монарха как отдельной личности, то ни в каком случае не могло быть на стороне полного уничтожения монархии».

Как мы видим, публикуемые записки, несмотря на наличие в них никчемной безграмотной болтовни их автора о массе, которая «опять пойдет за теми [читай: Керенскими и Козьмиными], которых она оттолкнула в дни реакции» и т. п., являются довольно интересными свидетельскими показаниями о состоянии петроградского гарнизона в целом, начиная с его командной верхушки, на которую Козьмин опирался в борьбе с пролетарской революцией, и кончая солдатской массой [1]).

Вл. Максаков.

---

[1]) Записки А. И. Козьмина хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции.

[1917 г.]

В ночь на 6 мая я получил письмо от военного министра с рескриптом на мое имя. А. Ф. Керенский предложил мне как старому революционеру, знавшему солдатскую среду, вступить на пост помощника главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. Как во сне, сбылась моя мечта, которую я лелеял, сидя в одиночной камере Ярославской каторжной тюрьмы, вновь, когда у массы откроются глаза, когда она опять пойдет за теми, кого оттолкнула в дни реакции, стать с нею в одни ряды для завоевания и укрепления того свободного строя, который дал бы жизнь и красоту миллионам русских тружеников. Развал гарнизона, отсутствие твердой авторитетной военной власти Керенский видел и считал меня, зная впродолжение 14 лет мою жизнь, способным взять в руки эту власть и направить ее на благо демократии.

На утро Керенским был назначен объезд гарнизона. По телефону я пригласил к себе генерал-квартирмейстера Петроградского округа утром, чтоб с ним проехать в гв. Егерский полк раньше прибытия туда министра.

В гв. Егерском полку я впервые вступил на военную службу, и мне хотелось видеть его первым теперь вновь после полной гражданской смерти воскресшим. Приехавший утром полковник Балабин рассматривал меня взволнованно и удивленно. В первый раз в жизни ему пришлось представляться поручику (из прапорщиков, на основании закона о зачете времени, проведенного в состоянии лишения прав, в срок службы, я произведен был в поручики). Первая поездка не обошлась без приключений. На Гороховой наш автомобиль наскочил на столб и разбился. Егерский полк был извещен о моем приезде и построился покоем на главном дворе своих казарм с хором музыкантов на правом фланге. Полк взял на караул. Я был настолько взволнован, что не заметил даже всего фронта. Поздоровался я: «Здравствуйте, товарищи!» Когда солдаты сгруппировались вокруг меня, я приветствовал их как старый егерь, выброшенный старым режимом из жизни и теперь вновь возвращенный волею свободного народа.

Меня приветствовал от имени полка, кажется, прапорщик Матушев, председатель комитета. В честь меня кричали «ура», играла музыка.

Встретив затем Керенского, я вместе с ним поехал по полкам.

Керенский в черном пальто, в мягкой шляпе, таким, каким видел его также в великие Февральские дни, встречался повсюду с большим энтузиазмом.

Речь смелая, резкая, повелительная, казалось, спаивала революционных солдат в одно целое могучее. Солдаты поднимали его на руки, многочисленные толпы, собиравшиеся вокруг казарм, останавливали автомобиль. Каждый хотел взглянуть на того, кого так вознесла высоко стихийная волна. Повсюду фотографы ловили каждый характерный момент великого министра. На Марсовом поле выстроились преображенцы и павловцы. Преображенцев Керенский призвал быть достойными создавшего полк великого гения Петра. Павловцам нарисовал картину чаяний, которые ожидали от них цари, подбирая солдат, лицами похожих на императора Павла I, и как жестоко они ошиблись. Полк, на который они рассчитывали, как на непреодолимую опору против народа, стал в первых рядах в борьбе за народ. Все Марсово поле было покрыто народом. Трудно было пройти. Преображенцы и павловцы прошли церемониальным маршем.

Во время прохода на приветствия Керенского или совсем не отвечали или на роту раздавалось несколько голосов.

Это несколько смутило как Керенского, так и его свиту. Но объяснили тем, что трудно отвечать на ходу, и успокоились. Но показатель был важен. Мы видели, как проходили не солдаты перед своим главою, когда каждое слово, обращенное к ним, вызывает невольный отклик от всего существа, а вооруженные люди, показывавшие своему товарищу, как ходят с ружьем на плечах.

Каждому полку Керенский представлял меня как своего помощника в деле организации армии, поднятия дисциплины.

После смотра я поехал в штаб. Меня встретил начальник штаба генерал-майор Серебряников и провел в зал, где собрались все чины штаба. Главнокомандующий ген. Корнилов и его помощник генерал Радкевич были отставлены. Я фактически вступил в управление округом. Признав весь штаб округа к дружной совместной работе на благо государства и демократии, я обошел и поздоровался со всеми. Завтракал в офицерской столовой с высшим начальством штаба, и затем беседой с начальником штаба и дежурным генералом закончился мой день. Прохождение перед фронтом, приветствия, распаркивания и козырянье высших чинов, газетные интервьюеры, — все это сразу так ошеломило меня, что детально знакомиться с чем-либо не имел возможности. Тем более, что генералы штаба рассматривали меня с недоумением, с какой-то испытующей улыбкой и на все вопросы отвечали общими фразами но при этом они не допускали и тени какой-либо фамильярности, спрашивали разрешения сесть, курить, были предупредительны до крайности, но в то же время холодны, как лед. Казалось, они хотели меня уничтожить утонченностью своего воинского обращения и дисциплины.

На следующий день мы встретились с А. Ф. Керенским на смотру Гвардейского экипажа, затем поехали опять по полкам. Сегодня предстояло осмотреть так называемые «ленинские полки» — Московский, 180-й, 1-й пулеметный, Финляндский и т. д. Тревогу вызывал Финляндский полк. Несколько дней назад этот полк разорвал георгиевский флаг главнокомандующего округом. Но все вышло сверх ожидания. Солдаты 180 полка, ярко большевистского, окружив А. Ф., не дали ему уйти, подняли на руки и таким образом донесли его до автомобиля.

В 1 запасном сфотографировал несколько групп. Здесь А. Ф. произвел в генерал-майоры полковника Неслуховского, командира 1 запасного полка за то, как выразился А. Ф., что «в тот момент, когда мы в Думе, призывая народ к свержению, сами еще не знали, защитит ли народ Думу от протопоповских городовых или нет, полковник Неслуховский первый предложил свою помощь Думе». Представляя меня, Керенский сказал: «Я поставил во главе вас человека, перенесшего каторгу за борьбу в одних рядах с такими же, как вы, солдатами. Ему я поручил организацию гарнизона и восстановление дисциплины».

Из всех «ленинских» полков только «московцы» смотрят несколько сумрачно. Из толпы, окружившей министра, во время речи кто-то даже крикнул что-то нелестное по адресу его. В Московском полку была наибольшая убыль офицеров в февральские дни. Во главе четырех рот стояли подпрапорщики. Керенский произвел их в прапорщики. День был солнечный, теплый. Смотря на движущихся по тротуарам петербуржцев, А. Ф. сказал: «Несколько месяцев назад я также мог попасться кому-либо навстречу среди многочисленных прохожих». Объезд закончился посещением Морского училища, где А. Ф. поздравил гардемаринов с выпуском в мичмана. При выходе из Морского училища Керенского встретили офицеры броневого дивизиона. Перебросившись несколькими словами, Керенский сел с ними в автомобиль и уехал. Я не сказал никому ни слова.

Я сильно жалею, что, представляя меня всем пехотным полкам, он поехал один к броневикам, которые играли такую важную роль в гарнизоне.

«Возможно ли это опять вновь?»—спросил он меня. «Едва ли»,—ответил я. «Если революция рухнет, то она погребет под развалинами и нас с вами».

Посетив еще Гельсингфорс, Керенский выехал через день на фронт. На вокзал собралась многочисленная публика, все высшее военное командование Петрограда. Поезд отошел при звуках марсельезы. Стоя на площадке последнего вагона, Керенский прощаясь сказал мне: «Поручаю вам, надеюсь, что по возвращении вы его[1]) мне представите в надлежащем виде».

Знакомство с гарнизоном кончилось, но оно было поверхностное. Во всяком случае, из всего виденного вырисовывалась светлая возможность. Назначение на пост военного министра человека народа, и при том социалиста, вдохнуло новую жизненную струю в солдатскую массу. Казалось, что если ее теперь направить надлежащим образом, то можно спасти гарнизон от начавшегося разложения. И я поставил себе задачей объединение гарнизона вокруг высшего командования. Я был за главнокомандующего, и мне был полный простор в моих начинаниях.

По приезде в штаб я вызвал к себе генерал-квартирмейстера полковника Балабина. Ему я высказал свои задачи: 1) объединение командного состава с солдатами, 2) производство в прапорщики подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров, бывших на фронте, имеющих боевые отличия и оказавших особые заслуги делу освобождения народа. Основанием этому мне послужило желание военного министра, высказанное мне во время объезда гарнизона, применить приказ о производстве на фронте к солдатам Петроградского гарнизона, как первого совершившего надлом старого режима. Помимо награждения за революционные заслуги я в этом производстве видел средство влить в офицерскую среду новую струю офицеров непосредственно из народной среды и этим объединить их всех с солдатами, 3) поднятие дисциплины путем нравственного воздействия на солдат через школу и лекции и 4) усиление занятий в казармах.

Прежде всего мне необходимо было ознакомиться подробно с гарнизоном — как с командным составом, так и с солдатами.

Относительно командного состава я дал распоряжение вызвать всех начальников частей Петроградского гарнизона и окрестностей на собеседование. Последнее состоялось 8 и 9 мая. Мною было предложено собранию офицеров высказаться относительно мер к поднятию в войсках дисциплины, относительно мер к поднятию образовательного уровня офицеров, не проходивших военного курса, и о строевых занятиях в частях. Начальник 1-го конского запаса Бек-Мармарчев с горячностью кавказца нарисовал картину солдатской распущенности, царившей в частях, выражающейся зачастую в оскорблениях офицеров и в неповиновениях приказам. Центральным вопросом обсуждения стал вопрос о дисциплине. Многочисленные ораторы, высказывавшиеся 8-го и 9-го, разбились на два резко очерченных лагеря. Одни, рассматривая дисциплину как безусловное подчинение младшего старшему, независимо от внутреннего единения подчиненных с начальствующими, как меры восстановления дисциплины рекомендовали: 1) обязательную присягу для войск Петроградского гарнизона, хотя бы и в форме иной, чем была выработана Гучковым, 2) безусловное уничтожение выбора начальствующих лиц, 3) восстановление власти начальников и обязательное отдание чести одиночными людьми и командами своим прямым начальником, 4) установление правильных занятий в частях — словесных и строевых, 5) строгое наблюдение за исполнением существующих уставов внутренней и гарнизонной службы.

Для проведения в жизнь всего сказанного необходимы относительно всех пунктов приказы, подписанные Керенским, и вообще полное использование авторитета последнего среди солдатских масс. И, кроме того, создать общественный руководящий орган при штабе округа из представителей частей гарнизона со включением туда представителей Совета р. и с. д.

Другая часть ораторов, рассматривая дисциплину с точки зрения ее основания, заключающегося во взаимном доверии и уважении начальников и подчиненных, доказывала необходимость дисциплины только на службе, предоставляя всем воинским чинам полное гражданское равенство вне ее. Чтобы достигнуть доверия, необходимо сближение офицеров и солдат, необходима организованность офицерства для наилучшего влияния на солдатскую массу. Чтобы вызвать наибольшее уважение к себе, офицеры должны работать и поднять уровень своего политического мировоззрения на современную высоту, дабы можно было отвечать на запросы, предъявляемые солдатами и вызываемые жизнью.

Чтобы вызвать наибольшее доверие к себе солдат, необходимо с достодолжным вниманием отнестись к созданным революцией демократическим организациям, как комитеты и советы рабочих и солдатских депутатов, причем единственной высшей властью признать только Исполнительный комитет с. р. и с. д. и установить даже наказание за неподчиненность ему. Далее они считали чрезвычайно важным скорейшее изменение

[1]) Так в подлиннике.

уставов в духе совершившихся событий.

Со своей стороны, указав, что дисциплина в армии — подчинение младшего старшему есть центр сущности всякой армии, есть основная ось, вокруг которой должна вращаться вся творческая работа в армии, я сказал, что особенно в настоящий исключительный политический момент все мероприятия, какого бы характера они ни были, будут действительны, принесут желательный результат только в том случае, когда они будут проводиться в жизнь командным составом, пользующимся несомненным доверием солдатских масс. Доверие солдат явится только тогда, когда они будут знать, что офицерство уже навсегда покончило со старым и не питает никаких надежд на его возвращение. Я предложил всем присутствующим торжественно поклясться в защите свободы народа. Все присутствующие встали и торжественно произнесли: «Клянемся!». Затем принимается единогласно предложенная мною резолюция: «Начальники отдельных частей Петроградского гарнизона и его окрестностей на собрании 9 мая торжественно поклялись в том, что они до последней капли крови будут служить демократии в достижении ею демократической республики и того социального строя, который будет выработан на Учредительном собрании. Исходной точкой при разработке вопросов воспитания, дисциплины и порядка в войсках должна быть идея демократизации армии».

Под этой резолюцией подписываются все, за исключением Бек-Мармарчева, который оставил зал за несколько минут до начала подписывания из-за болезни, как он сказал.

Окончательная резолюция была вынесена 11 мая.

В виду существования комиссии по выработке уставов внутренней и гарнизонной службы при военном министре решено было собранием делегировать туда 3 членов от офицеров гарнизона.

По поручению особого совещания при военном министре по преобразованию армии управляющим делами особого совещания инженерных войск капитаном Смольяниновым был представлен этому совещанию проект устава внутренней службы. Проект, базируясь на декларации прав, старался не нарушать основ дисциплины. Определяя общие обязанности, он говорит: «Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан, и потому они обязаны, не щадя жизни, защищать свое государство и его свободу. Все военнослужащие обязаны беспрекословно повиноваться своим начальникам на службе, с достоинством и уважением относиться к ним вне службы. Все военнослужащие должны поддерживать в своих частях воинскую дисциплину». Начальником автор проекта считает каждого военнослужащего, который в силу надлежащего приказа или распоряжения постоянно или временно руководит служебной деятельностью других воинских чинов и несет за них ответственность. Неисполнение приказаний начальника влечет за собой предание военно-уголовному суду.

Весьма детально в проекте разработаны функции комитетов.

Я присутствовал на нескольких заседаниях совещания и всякий раз выносил впечатление, что работа делается людьми только потому, что дано им распоряжение собраться, но в дело, ради которого они собрались, они не верят. По крайней мере, это можно было сказать про большинство собрания, состоявшего из представителей высшего командования, начиная с командиров батальонов. Действительно, как могли люди, воспитанные на старых началах воинской службы со школьной скамьи рассматривающие солдата не с точки зрения солдата и гражданина, могли спокойно подписываться под тем, чего требовала декларация прав? Наиболее вопиющие откровенно говорили, что все новые правительственные мероприятия в армии бесполезны и даже вредны. И если представители старой армии никак не могли сдвинуться со своих позиций, то представители нового направления уже слишком неосмотрительно шли вперед, стараясь возможно глубже демократизировать армию. Между теми и другими стояла стена, за которую нельзя было перейти. Одни, насколько только возможно, хотели удержать власть начальников, другие во что бы то ни стало хотели уменьшить ее, усиливая в то же время влияние выборных организаций. Молодая революционная часть офицеров была слишком политична и вследствие этого упускала сущность дела. Нет армии там, где начальник является только подголоском выборной организации, а именно на такую роль низводили всякого начальника все демократизаторы армии. Сторонники дореволюционной армии как-то уныло молча соглашались, отчасти, возможно, из соображений не обострять слишком с таким трудом налаживавшиеся отношения между солдатами и офицерами, а в значительной степени — в надежде, что все, что делается, есть нечто временное, на смену чему придет что-то другое, — возможно, что и старое.

Результаты совещания были весьма плачевные. Уставов так и не видел никто.

Об офицерской организации.

Вообще офицерство, как корпорация, сплоченного единого целого не представляло. До революции оно стояло в стороне от интересов общественной жизни, если не считать чрезвычайно маленькие исключения в виде отдельных единиц. Захлестнувшее вихрем революцией, оно начало метаться в разные стороны. Некоторые сразу перекрасились в красный цвет и стали plus royalistes que roi même. Произошло это под влиянием паники перед тем напором недоверия и озлобления, которые хлынули на них со стороны освободившихся из-под субординации солдатских масс. Спасая себя, они признали даже самый опасный для армии лозунг — выборность офицеров. Уже 4 марта командир запасного гв. Егерского батальона подает заявление в батальонный комитет о необходимости назначить в наряд по службе революционные войска и наряда исключительно выборных в роты офицеров. Обезличенное по инициативе приказа № 1 всеобъемлющей в полку ролью комитета, офицерство и не могло занять иной позиции. Особенно это можно сказать про петроградское гвардейское офицерство, всегда ласкаемое двором. Если оно даже сочувствовало удалению монарха как отдельной личности, то ни в каком случае не могло быть на стороне полного уничтожения монархии. Размах же революции с первого момента стал республиканским. И офицерству, не исключенному из рядов войска, пришлось занять несколько ложное положение. И как это психологически явствует в таких случаях — одни слишком перегнули палку в сторону демократичности и были слишком деятельными, а другие — напротив — замерли на месте и стали инертны. Те и другие таили в душе надежду на другие времена. Часть офицерства, преимущественно молодая, в душе порвала со старым, но итти самостоятельно не могла еще и должна была тянуться за теми из своих товарищей, которые глубже испытали на себе тяжесть старого режима и вернулись теперь к жизни из тюрем и каторг. Самое важное — как те, так и другие стояли далеко от жизни, и из взаимных их работ не могло выйти результатов. Так это и вышло.

Что представляли из себя солдаты? Прежде всего — выбившуюся из-под начала толпу, имеющую жизненным только одно стремление — не попасть под начало вновь и стихийное недоверие к своему начальнику. Народ, никогда не живший жизнью, основанной на правде и законности, а исключительно на указке начальника, взглянул на революцию прежде всего как на освобождение от начальника. Приказ № 1 осветил [?] этот фермент бунтарства в солдатском мозгу. Солдаты прогнали из своих полков не только тех офицеров, которые проявили какую-либо инициативу в защите старого режима, но и тех, которые, став на их сторону во время революции, были известны в прежнее время как строгие и взыскательные начальники. Прапорщиков Пшигода и Семенова исключают из гв. Егерского батальона за строгость по отношению к солдатам; прапорщиков Гиршгейда, Талат-Келпши, Рерберта и Клеберта — из-за нерусской фамилии; поручика Скалона за барский, высокомерный способ держать себя. Солдаты не хотят видеть в офицере начальника и гонят от себя того, который им не нравится. Солдаты хотят видеть в офицере человека, исполняющего офицерские обязанности и им подчиненного.

Солдаты не доверяют офицерам настолько, что на все совещания офицеров посылают для наблюдения солдат. Так, комитет гв. Егерского полка на заседании 3 марта единогласно постановил: «На всякие совещания офицеров в собрании лейб-Егерского полка командировать представителей от нижних чинов по одному от каждой роты и команды». Как свое «я» — части выделили, во исполнение приказа № 1, комитеты — ротные, батальонные и полковые и им подчинили, не считаясь ни с законами, ни с установившимися традициями, все и вся.

По решению, принятому комитетом гв. Егерского запасного батальона от 5 марта, внесению на обсуждение комитета подлежат все вопросы, вытекающие из новых принципов жизни батальона. Приказом № 1 принцип жизни всякой воинской части был изменен в корне, и, следовательно, решению комитета должны подлежать все вопросы батальонной жизни.

Во главе батальона становится отныне комитет. Роль командира — уже подчиненная. Комитеты берут на себя ответственность за все поступки, в пределах батальона совершенные. Это видно из протокола комитета гв. Егерского батальона от 20 марта. В действительности же комитеты были безответственны не только за поступки солдат, но и за свои. Комитет принимает в полк офицеров, исключает их по постановлениям рот, утверждает в ротах и командах выборных офицеров. Комитет контролирует денежную отчетность всех чинов полка. Он постановляет, что аресты кого бы ни было производятся только постановлением комитета. Он налагает взыскания за проступки и передает дело в высшую судебную инстанцию, когда проступок солдата заслуживает более строгого наказания. До появления новых уставов и законов комитет гв. Егерского батальона приня-

мает кару за самовольную отлучку: 1) за отлучку на день рядовых под арест на 3 дня, фронт. под арест на 4 дня, унтер-офицеров под арест на 5 дней. Последние могут быть и разжалованы. За кражу подлежит арестованию и разжалованию.

В комитете баллотируется священник для церкви. Комитет делает выговоры офицерам. Так, за нежелание участвовать в манифестации, устраиваемой батальонным комитетом 25 марта, 3 офицера прапорщика получают от комитета выговор.

В комитете поднимается даже вопрос об отношении к приказам главнокомандующего Петроградского военного округа. Вначале комитет относится отрицательно к таким вопросам; так, 30 марта комитет гв. Егерского батальона постановляет: приказ главнокомандующего обсуждению не подлежит, а вопрос о подчинении ему или нет принципиально недопустим. Впоследствии под давлением массы, которая не хочет иметь начальника, которая анархически настроена, вопросы о подчинении приказам главнокомандующего решаются иначе.

В начале своей деятельности комитеты не считают нужным входить в обсуждение деятельности правительства. Так, например, комитет гв. Егерского полка 2 марта на первом своем заседании постановил: «Все бумаги, исходящие от Временного правительства, скрепленные подписью адъютанта, по его распоряжению, подлежат немедленному, неуклонному и безусловному исполнению». 5 марта тот же комитет учреждает комиссии по расследованию дел о преступлениях лейб-егерей против Временного правительства. Впоследствии под давлением масс, взвинченных крайними агитаторами, он становится в иное положение к правительству. Комитет увлекается в своей деятельности за толпой. 21 апреля комитет гв. Егерского полка выносит резолюцию: «С чувством крайнего недоумения выслушал батальонный комитет гв. Егерского полка опубликованную ноту Временного правительства к союзным правительствам. Определенно разрывая связь с собственными еще недавними заявлениями и заявлением революционной демократии, Временное правительство создало пропасть между официальными выразителями государственности и убеждениями и стремлениями свободного народа. Зачем и почему это было сделано? Почему такая нота подписана товарищем председателя Исполнительного комитета министром Керенским?

Эти вопросы, как кошмар какой-то непреодолимой силы, во весь рост встали перед нами и всем революционным народом. Решить их здесь на батальонном комитете является невозможным, не взирая на определенно отрицательное отношение к самой ноте. Мы с нетерпением ждем окончательного авторитетного решения Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов, этого органа народного доверия и народной воли, корректированной общим учетом реальных народных сил.

Мы дружно обязаны сплотиться при Исполнительном комитете Совета р. и с. д. в надежде, что он защитит страну от контрреволюционной политики.

В эту тревожную, трудную и грозную минуту не только поворота в управлении страной, но и возможных осложнений извне, батальонный комитет гв. Егерского полка тем более считает необходимым всех егерей призвать к спокойствию и стойкости.

Егеря в тяжелые минуты должны оказаться на высоте, быть охранителями революционных организаций и общественности вообще и явить доказательство внутренней гражданской силы и устойчивости.

Батальонный комитет считает недопустимым в момент политического кризиса влияние военных вооруженных сил, с какой бы стороны таковые не появлялись, как дезорганизующих революционный народ.

Батальонный комитет протестует против появления на улицах демонстрирующих вооруженных войск в то время, когда войска обязаны быть стражами спокойствия и безопасности.

Живая творческая общественность решит сама этот исторический спор. Мы ждем решений».

Февральская революция преемственно передала власть от царя Временному правительству и сделала его единственным верховным вершителем судеб страны до Учредительного собрания, перед которым оно и ответственно. Еще 2 марта перед комитетом стоит только Временное правительство. 21 апреля в главах комитета Исполнительный комитет Совета р. и с. д. есть уже орган народной воли, есть верховная власть. Сложившееся за два месяца сознание егерей подтверждается Финляндским полком реально силой оружия. Несмотря на то, что егерский комитет протестует против выхода войск на улицу с оружием для решения политического кризиса, самое прикосновение комитета егерей к разрешению этого кризиса, а не предоставлению ему разрешиться путем «живой творческой общественности», уже есть вооруженное вмешательство в творческую общественность. В казарме ли или на улице полк всегда есть вооруженная сила. С 25 апреля у правительства не стало опоры в

виде вооруженной силы. Эта сила перешла к Совету. И Совет депутатов, издав приказ по гарнизону выходить из казарм вооруженными не иначе, как только по его приказаниям, издал своего рода второй «приказ № 1», который принес громадный вред петроградскому гарнизону и всей революции, поскольку петроградский гарнизон влиял на нее. Этим приказом Совет аннулировал в глазах и без того анархически настроенных солдат высшее командование, отсек голову у петроградского гарнизона. С этого момента штаб округа, как бы на основании закона, выраженного приказом Совета, не имел ни одного вооруженного солдата в своем распоряжении. Штаб округа и главнокомандующий ведут ныне канцелярскую работу, переговаривают с солдатами, но не командуют.

И если бы не стремление нашей демократии углублять революцию во все ее углы, сколь благотворной могла бы быть деятельность комитетов в области просвещения в большинстве случаев неграмотных солдатских масс! И комитеты работали в этом направлении. Они устраивали библиотеки, организовывали культурно-просветительные комиссии, устраивали собеседования на темы о текущих событиях. И здесь — гонька впереговонку партий, желание каждой захватить солдатскую массу в свои руки, сделав то, что поток пропаганды захлестнул простой, еще не привыкший к вдумчивости и работе мозг солдата-крестьянина, и неграмотные так и остались неграмотными, но, захваченные одним порывом: «бери возможно больше», они стали опорой не власти народной и законной, а...[1]).

И если бы одни не стремились во что бы то ни стало воспламенять больше и больше анархизм некультурного человека, а другие — во что бы то ни стало поспеть за ними, комитеты могли бы оказать колоссальную услугу и в деле организации частей, как боевых единиц, не говоря уже об улучшении хозяйственной стороны в полках. Тогда, действительно, наша родина могла бы со славой продолжать в мире путь к торжеству всемирной демократии.

Вот телеграмма, посланная 27 марта в действ. гв. Егерский полк: «С глубоким волнением выслушав доклад представителей делегации (действ. полка), батальонный комитет с проникновением склоняет головы перед мужественною решимостью родного и дорогого полка продолжать до конца возложенное дело. Протянутую нам руку дружбы с трепетом жмем и считаем своим гражданским и солдатским долгом обещать приложить все старания и усилия, чтоб оказаться на высоте. Мы верим, что дружными усилиями офицеров и солдат полка и батальона создадутся силы для защиты свободы внутри страны и перед надвигающимся врагом. Мы все с вами».

Здоровое, бодрое настроение было и на фронте. Из доклада на заседании батальонного комитета гв. Егерского полка 19 апреля делегата от 16 гренадерского Мингрельского полка Михаила Комарова видно, что на фронте полное единение солдат с офицерами. Одежда и пища значительно улучшены. Вооружение старых частей вполне достаточно, неудовлетворительно только вновь формируемых, что продолжение войны желательно лишь до тех пор, пока враждебные народы, помимо своего правительства, не заявят согласия на наш лозунг: «Мир без аннексий и контрибуций». Но раз принцип начальника был дискредитирован в глазах солдата, то и комитет, в тот момент, когда он начал поступать неугодно эгоистическим инстинктам толпы, стал в ее глазах начальником, и начались попытки его видоизменять, выражать недоверие отдельным членам комитета. Комитет гв. Егерского батальона создал справедливую для всех и мало нарушающую жизнь части систему отпусков. Но почти через месяц председатель батальонного комитета прапорщик Матушевский подает в отставку — по его заявлению, «ввиду дезорганизаторских выступлений многих представителей рот и команд по вопросу об отпусках, не считающихся ни с постановлениями батальонного комитета, ни с тем, что происходит в других частях Петрограда и фронта, ни с постановлениями Совета р. и с. д., соблюдающих свои личные выгоды и таким образом вносящих дезорганизацию в батальон».

Итак что мы видим в военном Петрограде перед вступлением Керенского на пост военного министра и меня на пост помощника главнокомандующего войсками Петроградского военного округа? В штабе округа еще при генерале Корнилове для контроля всех его распоряжений Исполн. ком. Совета р. и с. д. были посланы 14 человек. Полная парализация командования. Приказ Совета р. и с. д. о невыходе из казарм лишил власти главнокомандующего, отнял у него все до последнего солдата. Солдатская масса, в большинстве неграмотная, анархическая, увлекающаяся личными выгодами, начинает становиться хозяином положения. Испробовав влияние своего штыка в разрешении политических вопросов, она становится на путь преторианства. И, как все преторианцы, она, считая себя создательницей революции и

[1]) Неразборчиво.

единственной ее защитницей, перестает работать. Занятия воинские прекращаются, солдаты начинают предаваться карточной игре и шляянью по городу. Культурная работа существует только номинально. Преторианство доходит до верху в Финляндском полку, когда он разрывает георгиевский флаг главнокомандующего округом генерала Корнилова. Совершается преступление, которое оказывает колоссальное деморализующее влияние на гарнизон и остается безнаказанным. Совет р. и с. д. — единственный, кто мог в данный момент восстановить дисциплину, замалчивает прискорбный факт. 3-я рота Финляндского полка, совершившая это, отныне становится героем всего полка, по ее поведению равняется весь полк.

Убитую власть главнокомандующего Совет, не понимая ее значения, не торопится восстановить и после того, как миновала надобность в данном им приказе. Штаб округа не может сделать ни одного вооруженного наряда. В это самое время банды вооруженных людей захватывают частные дома. Из 100 000 гарнизона нельзя взять ни одного вооруженного солдата для противодействия вооруженному захвату.

Комитет частей, отнявши всю власть у командного состава, стараясь возможно быстрее поспеть за увлекаемой крайней пропагандой массой, сам теряется и сменяется этой массой.

Мне часто приходилось слышать: Керенский получил власть, он мог сделать то-то. Я скажу, что фактически реальной власти он не получил ни полка, так как в его распоряжение не было дано ни одного вооруженного солдата. Ему солдаты кричали «ура», его носили на руках, но этим они не отдавались в распоряжение его как министра, а кричали «ура» тому моральному авторитету старого борца за народное право, который он носил в себе. При проходе мимо него церемониальным маршем молчат на его приветствия те самые солдаты, которы ½ часа тому назад кричали «ура», когда он говорил речь. Те солдаты, которых мы объезжали 6-го, не могли сказать по отношению Керенского: «Он в нас, и мы в нем», что необходимо, чтобы войска были опорой той власти, которую представляет лицо.

В чем была наша сила, Керенского и моя? Керенский — как военный министр, я как главнокомандующий — были нолем. Тринадцатилетняя общественная деятельность среди демократии Керенского, Красноярское движение, жизнь в изгнании за границей, каторга — вот силы, которыми мы обладали и которые нужно было использовать, чтобы главнокомандующий и военный министр, как таковые, вне моральной силы, заключенной в личности, имели силу. Это необходимо было для существования армии, для существования государства.

Во всякой организованной жизни народа, тем более в момент падения старого традиционного режима, необходим бдительный контроль над исполнительной властью. Но этот контроль должен быть над центром этой власти, а никак не над отдельными ее частями. Министра встречают везде бурными овациями, выражают на словах полное доверие все, начиная от солдата, а главнокомандующий, которого он назначил и которому он доверяет, и даже больше — никто не высказывает недоверия, не имеет возможности вызвать из казармы взвод вооруженных солдат хотя бы для прекращения разбоя. Власть Керенского в момент его вступления в военное министерство была похожа на пустой орех. С виду красивый и вкусный, а разгрызть, там — труха. Я понимал всю трудность работы, которая свалилась на мои плечи. Но я надеялся на свое моральное влияние, на тот ореол, который создали мне Красноярск и каторга, — наконец, я верил, что та любовь к родине, к счастью и благу народа, которая долгие годы несчастий горела во мне, даст мне силы увлечь и солдатские массы на путь творчества и защиты родины.

Александр Федорович уехал, главнокомандующим Петроградским военным округом еще до моего назначения был назначен генерал Половцов, но о нем ничего не было слышно. Главным начальником округа остался я.

Я работу разделил на штабную и гарнизона. Генерал-квартирмейстер штаба полковник Балабин проявил большую энергию во время Февральских событий, был действующим лицом в борьбе против генерала Иванова. Будучи членом Военной комиссии при Государственной думе, он был хорошо осведомлен об общественных настроениях как в Совете депутатов, так и в других организациях. Помимо того, он хорошо знал всю структуру штабной организации, что для меня особенно было важно. Таким образом, со стороны военно-технической я был обеспечен. Полная готовность полк. Балабина прийти мне на помощь во всякий момент делала его для меня человеком очень ценным. Начальником штаба был генер. штаба Серебряников. Знакомый с технической стороной военного дела, ген. Серебряников был большим простаком в общественно-политических вопросах. Он не понимал задач, которые возлагал на начальника штаба переживаемый политический момент. Он, как и

большинство старых генералов, не верил в возможность воссоздать развалившийся петроградский гарнизон через принципы, возглашенные декларацией правительства. Так же, как у большинства подобных, у Серебрянникова недоставало смелости сказать это прямо, и эта двойственность отражалась его неопределенностью и замалчиванием [1]).

Самым важным вопросом момента была реорганизация гвардейских частей петроградского гарнизона. Вопрос этот был поднят еще на гарнизонном собрании 17 апреля, по инициативе главнокомандующего Корнилова, ввиду возможных движений неприятеля на Петроград, а следовательно и необходимости петроградскому гарнизону самостоятельно выступить на защиту центра революции. Вопрос на собрании прошел в положительном смысле. Командный состав поддерживал идею реорганизации не только из соображений будущей обороны Петрограда, но и в видах облегчения восстановления дисциплины в частях, приведенных в более стройный вид. В Петрограде были запасные гвардейские батальоны, служившие для пополнения гвардейских полков на фронте.

Роты батальона состояли более, чем из 1 000 человек. Управление такими частями после революции стало крайне затруднительным. Солдаты не были разбиты на части с достаточным количеством офицеров. Занятия строевые не было возможности вести, по общему заключению офицеров. То же можно сказать и про культурно-просветительную работу.

Часть руководителей солдат в Совете депутатов взглянула на вопрос несколько иначе. Она увидела в стремлении реорганизовать гарнизон попытку командного состава забрать солдат в свои руки и из таких соображений стала возражать против реорганизации.

Техническая сторона проекта была разработана детально штабом под руководством полк. Балабина. Батальон реорганизовывался в полк 3-батальонного состава, причем 2 батальона действующих, третий предназначался для пополнения фронта. Доклад о реорганизации был сделан полк. Балабиным в президиуме комиссии обороны. На этом заседании было мое первое знакомство с деятельностью Совета. Встречен я был приветственной речью председателя т. Завадье и аплодисментами, как старый работник и революционер.

На заседании комиссии обороны в полном составе вопрос о перефоомировании тоже прошел при голосовании, но здесь встретились возражения. Возражали подпоручик гвард. артиллерии Калинин и штабс-капитан броневого дивизиона Филоненко. Первый, не критикуя созданного штабом плана переформирования, выдвигал свой план, состоящий в создании отборного кадра революционных войск из всех частей гарнизона. Этот революционный кулак должен стать опорой революции в Петрограде и в случае надобности борьбы с внешним врагом мог бы развернуться в армию. Идея была хорошая и могла оказать большую услугу государству и революции, если бы при выполнении ее не пришлось неминуемо натолкнуться на паническое состояние руководителей Советов и партий, на создавшуюся в гарнизоне независимость не только отдельных частей, но и в каждой части отдельных рот. Если б можно было, выбравши самое лучшее в военном отношении из всей гвардии, остальных распустить, то не было лучшего решения вопроса, как предлагал подпор. Калинин. Но при этом прежде всего пришлось бы натолкнуться на противодействие солдат самих, которые успехом выступления в феврале стали в такое автономное положение, что с их взглядами не приходится не считаться. Кроме того выделению подлежали бы лучшие солдаты в военном отношении, наименее затронутые пропагандой, а таковые сейчас бы заставили Совет стать подозрительным. И дело переформирования получило бы излишнюю затяжку. Другой оппонент, штабс-капитан Филоненко, считавший себя, очевидно, великим стратегом, в продолжение более чем час с большим треском и шумом доказывал ненужность заботы о создании в Петрограде боевых единиц с точки зрения стратегической. Полковник Балабин весьма обстоятельно с цифровыми данными опроверг доводы Филоненко и этим вопрос покончил. На вопрос мой впоследствии, «что представляет из себя Филоненко», он ответил: «трескучий господин». Комиссия обороны перенесла вопрос о переформировании на общее заседание солдатской секции, где он также разрешился положительно. Одобрил проект и Исполнительный комитет. Таким образом, Совет солдатских депутатов, можно сказать, в целом высказался за приведение гарнизона в надлежащий вид. Еще в президиуме комиссии обороны я высказался относительно моего желания организовать при штабе небольшой совещательный орган из представителей частей гарнизона, представителей городского самоуправления, под председательством главнокомандующего. Этот орган должен был послужить связью между штабом и солдатами, осведомлять их о деятель-

[1]) Так в подлиннике.

почти штаба и придавать авторитет принимаемым им решениям. Представитель от городского самоуправления был необходим, так как — много вопросов воинской жизни, которые затрагивают общественно-городские интересы.

Но здесь я в первый раз испытал воочию ту узкость, в которой пребывали деятели Совета. Ведь не было ни среди членов штаба, а тем более у меня, который искренно готов был служить интересам демократии, никаких контрреволюционных замыслов. Наиболее авторитетные деятели комиссии высказались за подробное рассмотрение этого вопроса. В результате это совещание при главнокомандующем мы с изволения Исполнительного комитета получили в . . . .[1]), да и то в крайне уродливой форме. Но об этом впоследствии. Еще горшая участь постигла мое предложение созвать при штабе съезд представителей частей гарнизонов Петрограда и окрестных городов. Я хотел слышать непосредственный голос масс в самом важном для меня вопросе — поднятие дисциплины. Но сочувствия этому я не встретил, и вопрос затерся.

* * *

Одно из первых своих посещений я сделал в Финляндский батальон. Я приехал именно в ту роту, которая недавно так враждебно встретила генерала Корнилова. Несмотря на то, что было 11 часов утра, в роте не было ни чистоты, ни порядка: кто спал, кто пил утренний чай, в нескольких местах небольшие группы играли в карты. Несмотря на предупреждение рота не построилась. С большими стараниями удалось отыскать фельдфебеля, дежурного и дневального так и не видел. Во время разговора все-таки держались в пределах почтительности и уважения. В других ротах было немного лучше. Но на каждом шагу видно было отсутствие руководящего начала казарменной жизни. На дворе и на улице происходили занятия, офицеров не было, учение производили унтерофицеры. Отсутствовали воинский дух и выправка в этих занятиях.

Отметив все это, я издал приказ по округу, где, указав на все упущения, встреченные мною в Финляндском батальоне, я призвал солдат к дружной работе и установил 8 часов необходимого пребывания солдат в казарме. В эти 8 часов должны были войти все занятия, как воинские, так и лекции, обучение грамоте и т. д. Приказ произвел впечатление. Солдаты почувствовали руку, командный состав приободрился.

* * *

Несмотря на переход Совета р. и с. д. в руки большевиков, настроение гарнизона нельзя назвать большевистским вполне. Одновременно с усилением большевиков в Совете возросла активность имеющихся в каждом полку большевистских групп. Собрание в 200—300 человек, устроенное Троцким и Каменевым в гв. Егерском полку, вынесло большевистскую резолюцию в духе последней резолюции Совета. Приблизительно такого же характера дело было и в Волынском полку. На митинге броневых дивизионов в Петрограде 30 сентября была вынесена резолюция, гласящая, что они будут подчиняться исключительно Совету. Здесь, как и в Егерском полку, энергичной и активной частью была незначительная кучка.

В. М. Чернов, говоривший в весьма умеренном тоне, имел мало успеха.

Яркое большевистское настроение в 6 саперном батальоне но это на мой взгляд, является желание [1]) частей батальона противодействовать возможному выходу этого батальона на фронт.

Занятия во всех частях очень слабы.

Обобщая вообще жизнь всего гарнизона, можно сказать, что в нем небольшая часть, тесно связанная с большевистским Советом, весьма активна. Настроение же прочей части можно назвать пассивным, даже апатичным. Можно сказать, состояние близкое к тому, что было в июльские дни, — только наблюдается бо́льшая сдержанность и организованность и несомненно бо́льшая дисциплинированность. Однако замечается и то, чего тогда не было. Это — выжидательное положение и в некоторых случаях искусственная левизна тех групп, которые, по моему глубокому убеждению, в действительности довольно «право» настроены.

Весьма значительную роль приобретают полковые комитеты. Создаются комитеты бригадные; пока их работа и влияние незначительны.

Отношение полковых комитетов к власти в большинстве случаев сдержанное, но встречается и большевистское. Полковой комитет 170 полка вынес недоверие штабу Петроградского округа, якобы, за его контрреволюционность. Комитет запасной химической роты высказался абсолютно отрицательно по отношению к Временному правительству, составленному на основе коалиции. Гвардейский флотский экипаж поддерживал

[1]Неразборчиво.

[1]) Так в подлиннике.

Центрофлот, заявляя, что он в борьбе Центрофлота с Временным правительством будет защищать свое выборное учреждение.

Комитеты полков, расформированных за 3-5 июля и после восстановленных, непрерывно требуют возвращения своих высланных из Петрограда рот.

В отношении командного состава полки в лице своих комитетов выражают недоверие к некоторым своим офицерам и требуют их отвода. Гвардейский Гренадерский полк выражает недоверие своему командному составу и обвиняет начальников в безучастности к жизни полка и ее устройству, в непосещении ими рот и пр. (Наряжено по этому поводу расследование).

3 пехотный запасной полк ходатайствует о смещении командира полка и командиров двух рот. 180 полк также просит о назначении нового командира.

Измайловский полк выражает недоверие своему командиру.

Павловский полк отводит командира одной роты и т. д.

Причины такого отношения к командному составу отчасти кроются в последних событиях, связанных с Корниловым, и отчасти с событиями 3-5 июля. Командира 3 запасного отводят за то, что он 3 июля отдал распоряжение о выступлении, а после подавления восстания сам же преследовал беспощадно своих подчиненных.

Но одновременно с этим значительная деятельность комитетов проявляется в просветительной деятельности солдатских масс и в стремлении поднять на должную высоту несение гарнизонной службы. Так, например, комитетом 3 пехотного запасного полка ассигновано 55 тысяч руб. на приобретение типографии и ее оборудование; 1-м пулеметным полком возбуждено ходатайство перед командиром полка об ассигновании из полковых сумм 10 000 руб. на увеличение книг полковой библиотеки. Комитеты гв. Преображенского и гв. Измайловского полков решили принять всесторонние меры воздействия в отношении лиц, небрежно относящихся к несению караульной службы.

Замечается также стремление комитетов противодействовать нравственному падению солдат: пьянству, карточной игре и т. д. Это было в гв. Кексгольмском полку.

Замечается особая нервность и подозрительность в отношении контрреволюционных движений. Например, на заседании бригадного комитета 7 пехотной запасной бригады, по заслушании предложения члена Исполнительного комитета Союза георгиевских кавалеров притти им на помощь в деле составления отдельных рот из георгиевских кавалеров, было заклеймено стремление некоторых георгиевских кавалеров к выделению в отдельные части, как стремление реакционных элементов использовать ведомую ими обманным путем массу георгиевских кавалеров в своих политических целях.

Рассматривая деятельность комитетов со стороны прав, предоставленных им законом, можно сказать, что в подавляющем большинстве комитеты далеко выходят за рамки, предоставленные им законом.

Рассматривая деятельность комитетов за вторую половину сентября, можно только указать на 5 железнодорожный рабочий батальон, комитет которого действует строго в законных рамках. По донесению командира, комитет занят только хозяйственными делами.

Весьма отрадно отметить появляющееся в комитетах стремление к законности.

В целях введения деятельности комитетов и в других войсках и войсковых организациях в законные рамки существует политический отдел при штабе округа; выполняя свою задачу, он воздействует на эти организации частью разъяснением, частью привлечением к законной ответственности, частью внося предложения в соответствующие правомочные учреждения об изменении того или иного приказа или закона.

Для большего выяснения недостатков в деятельности упомянутых организаций предложено отправить в несколько полков комиссии, состоящие из представителей политического отдела штаба, судного отдела штаба, государственного контроля.

На эти комиссии возложена задача дать полную картину жизни войсковых частей с точки зрения законности и целесообразности. Материал, собираемый этими комиссиями, может послужить основанием для разработки соответствующих законоположений, чтобы в тех случаях, когда жизнь требует изменения законов, их изменить и таким образом жизнь полков и их организаций ввести в законные рамки. В тех же случаях, когда будут замечены умышленный или неумышленный произвол, не вызываемые потребностями жизни, виновные должны быть привлечены к ответственности.

Помимо указанных комиссий политическому отделу штаба округа постоянно приходится наряжать различные другие комиссии, главным образом для урегулирования отношений между солдатами и командным составом. Таким комиссиям я придаю большое значение как

с точки зрения воспитательной, так и потому, что во многих случаях столкновения между командным составом и солдатами происходят вследствие взаимного непонимания друг друга. Чрезвычайно важна также в настоящий момент связь штаба округа с общественно-политическими и гражданскими организациями, особенно с профессиональными союзами. Это объясняется следующим: солдаты в свободное время нанимаются на вольные работы и этим вторгаются в жизнь организованных рабочих.

Разгрузка Петрограда и залежи на станциях требуют весьма часто рабочие воинские силы. Беспорядок в этой работе, а также неаккуратное выполнение солдатами подобных нарядов побудили штаб создать рабочую комиссию, которая, установив нормы труда, в то же время воздействовала бы на полки в смысле требования аккуратного выполнения работы. Комиссия начала функционировать, но результата пока еще нет. Представители полка заявляют, что солдаты будут работать по разгрузке узла независимо от того, какой груз — частный или казенный, не иначе, как по 2 коп. с пуда или поденно не менее 7-8 рублей. Окончательно вопрос комиссией еще не решен. Отправлены для ознакомления делегаты на совещание грузоотправителей и на места работы.

Есть еще одна сторона политического отдела штаба округа — это культурно-просветительная. В единении с комитетом культурно-просветительных организаций армий и флота при Совете рабочих и солдатских депутатов, культурно-просветительное отделение штаба ставит себе задачей насаждение школ грамотности и чтения популярных лекций по общенаучным и текущим вопросам в частях. Грамоту и просвещение я считаю единственной базой, на которой может создаться демократическая армия.

Несмотря на все затруднения, которые приходилось испытывать в своей работе культурно-просветительному отделу, несмотря на очень недавнее его утверждение, все-таки культурно-просветительному отделу при совместной работе с комитетом культурно-просветительных организаций армии удалось устроить в 24 частях школы грамоты и постоянно устраивать лекции на разные темы.

Недавно утверждено при культурно-просветительном отделе совещание из представителей комитетов культурно-просветительных организаций армии и флота для регулирования работы. Теперь культурно-просветительным отделением приобретается типография.

Настроение офицеров можно назвать подавленным вследствие той атмосферы, которая создалась в частях в связи с выступлением Корнилова.

Для поднятия знаний офицеров, произведенных из солдат, организуются 10-недельные курсы по вопросам военной техники и общеобразовательным. Желание иметь такие курсы выражено было самими прапорщиками еще 19 июня на мною созванном собрании для обсуждения курсов. Политическая обстановка мешала организовать эти курсы. Ныне приказ о курсах уже подписан.

* * *

Общее собрание запасного броневого автомобильного дивизиона вынесло резолюцию, в которой заявлено, что он подчиняется распоряжениям только Совета р. и с. д.

Вызванные мною тов. председателя и секретарь дивизионного комитета сказали, что команда мастерских ярко большевистского настроения и под влиянием этой команды могла быть вынесена более резкая резолюция по отношению к Временному правительству, в силу этого и была составлена такая компромиссного характера резолюция. В то же время дивизионный комитет полагает, что дивизион в целом все-таки будет подчиняться распоряжениям Временного правительства.

16 пешая Ярославская дружина на соединенном заседании дружинного и ротных комитетов 23 сентября постановила: «Завод «Бавария» обещался платить дружине за несение караульной службы по 250 руб., и эти деньги должны быть выданы солдатам».

7 октября я вызвал для переговоров по поводу этого постановления командира и председателя комитета указанной дружины. Мною им было указано на незаконность такого постановления, что за несение караульной службы никакой платы взимать недопустимо. Из переговоров выяснилось, что караул на заводе «Бавария» дружина несет не по приказу, а самовольно, без ведома отдела нарядов штаба округа.

9 октября командир дружины донес мне, что названный караул уничтожен.

Расследование же самого дела я поручил начальнику судного отделения штаба округа.

Гв. Московский резервный полк на заседании комитета и солдат нестроевой роты 27 сентября постановил: «1) Мы с своей стороны правительству не даем никакой поддержки, потому что оно вышло из буржуазного класса и торгово-

промышленных цензов; 2) мы заявляем: нас не обманут никаким Демократическим совещанием и никакими Предпарламентами. Мы верим только нашим Советам р. и с. д., за власть их мы будем бороться не на жизнь, а на смерть. По первому требованию Советов р. и с. д. мы идем на защиту их».

Крестьяне о Брестском мире в 1918 г.

Печатаемые ниже документы — постановления и резолюции крестьянских волостных и сельских собраний Краснослободского уезда Пензенской губернии, относящиеся к февралю—марту 1918 г., служат интересной иллюстрацией к настроению крестьянских масс в период переговоров Советской власти с германским империализмом о заключении сепаратного мира.

«Крестьянин не хочет войны и на войну не пойдет. Можно ли сказать теперь крестьянину, чтобы он пошел на революционную войну?.. Перманентная крестьянская война — утопия. Революционная война не должна быть фразой. Если мы не подготовлены, мы должны подписать мир», заявил В. И. Ленин на вечернем заседании ЦК партии 18 февраля 1918 г. [1]), решительно отметая демонстративный, в сущности—антикрестьянский, тезис Троцкого «ни войны, ни мира» и тесно смыкающуюся с ним авантюристскую тактику «левых» коммунистов, защитников немедленной «революционной войны».

Крестьянство великолепно сознавало тяжесть и унизительность условий мира, ультимативно предъявленных буржуазно-помещичьей Германией молодой Советской республике, но безоговорочно принимало эти условия, не менее ясно видя невозможность борьбы обескровленной и разоренной страны с подавляюще сильным противником.

«Заслушав телеграмму Совета народных комиссаров о требованиях Германии и принимая во внимание наше положение, продовольственную разруху и пр., постановили принять условия мира с Германией... ибо худой мир лучше доброй ссоры», записывают в своей резолюции крестьяне с. Курташек Обороченской волости, и эта установка — о невозможности ведения войны — красной нитью проходит через все приводимые здесь полтора десятка таких же резолюций, вынесенных в глухом и к тому же разнонациональном углу Пензенской сугубо-крестьянской губернии.

Правильность исторически проверенной позиции В. И. Ленина характерно подчеркивается тем обстоятельством, что крестьянство, отвергая войну, шло в то же время навстречу гениальной ленинской концепции «передышки», накопления и организации сил для новой войны с надвигающейся буржуазной контрреволюцией и интервенцией союзных держав.

«Мы просим Всероссийский Совет солдатских и крестьянских депутатов приступить к немедленному вооружению всех деревенских граждан и вооружить против буржуазной контрреволюции» (резолюция Рыбкинского волостного комитета 14 февраля 1918 г.).

«Теория передышки, — говорил Ленин на VII съезде РКП(б), — отвергаемая потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью» [1]).

Миллионные крестьянские массы, не зная этой теории, но инстинктивно провозглашая ее, утверждали тем самым жизненную необходимость Советов, свою кровную связанность с Октябрьской революцией, давшей им землю и окончание войны, свою волю к борьбе с посягающей на эти завоевания контрреволюцией российских помещиков и буржуазии.

* * *

Подлинники печатаемых документов хранятся в Центральном архивном управлении Мордовской Автон. области, откуда они извлечены для печати И. Г. Барановым.

Документы печатаются по новой орфографии, но с соблюдением фонетических особенностей подлинника. Пунктуация частично исправлена. Многочисленные подписи под некоторыми резолюциями, в целях экономии места, опущены.

Резолюция [2])

1918 года февраля 13 дня.

Мы, нижеподписавшиеся граждане Пензенской губернии Краснослободского уезда Бозарно-Дубровской волости села Казловки, сего числа имели на общим собрании в присутствии нашего председателя сельского комитета Мирона Игнатьевича Самохина, вынесли резолюцию: войну прикратить и заключить мир на

[1]) Ленин, Собрание сочинений, изд. 3, т. XXII, стр. 258.

[1]) Ленин, Собрание сочинений, т. XXII, стр. 326.

[2]) На рукописном подлиннике штамп с надписью: «Печать сельского старосты с. Козловки Б. Дубров. вол.».

[условиях], предложенных германским правительством к Петроградскому Центральному исполнительному комитету. Присоединяемся к Совету солдатских, рабочих, кристьянских депутатов, к 116 голосам заключение мира, требуем нашего согласия. Приняли единогласно, что и удостоверяет председатель сельского комитета Мирона Игнатевича Самохина.

По неграмотности приложил печать.

Секретарь Трофим Совельев Быков.

[Резолюция] [1]).

1918 года февраля 13 дня.

Мы, нижеподписавшиеся Пензенской губерни Краснослободского уезда, Оброченской волости села Перевесия Государственного, быв сего числа в общем собрании на сельском сходе, в присутствии местного нашего сельского председателя Никонора Николаева Акишева, имели суждение о предложении нам германского ультиматума относительно условий мира, советом постановили и единогласно заявили о прекращении войны.

Председатель Никонор Акишев.

Секретарь Андрей Шнфанов.

[Резолюция].

1918 года 13 февраля было общее собрание граждан дер. Булдыгиной Поляны, Оброчинской волости, Краснослободского уезда, Пензенской губерни, из общего числа 71 домохозяина в числе 48 человек, находившихся на собрани, под председательством местного нашего гражданина Никиты Акимова Курашкина, которым собрание объявлено открытым, и приступили к обсуждению настоящего вопроса и что мы граждане согласно копии телеграмме секретаря Народного комиссариата Горбунова о предложении немцами мира на следующих условиях: 1. Аннексия Лифляндии, Естляндии и Курляндии. 2. Демобилизация армии гвардии Красной армии. 3. Вывод войск из Финляндии. 4. Прекращении войны с Радой. 5. Отказ права агитации [против] империалистического строя в Германки. 6. Безпошлинный вывоз руд из России и проч. Обсудив сей вопрос, общее собрание единогласно постановило: настоящему предложению Германии и Совета народных комиссаров ввиду полного недостатка материального и продуктивного снабжения армии, что единогласно постановили присоединиться Совету Центрального исполнител комитета, т. е. о заключении предложенного мира.

Председатель собрания гражданин Н. Курашников.

Секретарь М. Цыганов.

[Резолюция].

1918 года февраля 13 дня граждане Пензенской губ., Краснослободского уезда, Оброченской волости, села Оброчного 1-го общества, быв сего числа на свободно собранным сельским сходе под председательством товарища солдата-гражданина Григория Корнеевича Романова, слушали телеграмму секретаря Народного комиссариата Горбунова о предложении немцами условия мира, единогласно 51 голосами постановили: предложенные условия немцами мира, хотя считаем и позорными для России, но, принимая во внимание полную разруху в стране, мир заключить желаем.

Председательствующий Гр. Романов.

Секретарь Филяев.

[Резолюция] [1]).

1918 года февраля 13 дня.

На общим собрание гражд. д.д. Матвеевки и Баймеговки обсуждался вопрос по делу копии с копии телеграммы секретаря Народного комиссариата Горбунова; общим собранием постановили—признали, что эта телеграмма контрреволюционная, номера не имеется, просим волостной совет проверить по существу, назначить лиц от волости в уезд или в губернию для проверки, и мы, граждани, доверяем этим лицам, если она исходит от высшей советской власти, и что Советская власть признает, мы не препятствуем.

Сельский совет.

Председатель Кузнецов.

Секретарь Сутягинев.

Постановление [2]).

1918 года февраля 13 дня мы, нижеподписавшиеся граждане село Курташек Оброченской волости, Краснослободского уезда, Пензенской губернии, согласно телеграммы вынесли резолюцию... февраля 1918 года, [под] председательством Константина Игошева и при секретаря Тимофея Сергеева. Заслушав телеграмму Совета народных комиссаров [о] требова-

[1]) Рукописный подлинник снабжен печатью со штампом: «Печать сельского старосты с. Перевесия государственных Оброч. волл.».

[1]) Рукописный подлинник снабжен печатью сельского старосты д. Матвеевки Оброч. волости.

[2]) Рукописный подлинник снабжен печатью сельского старосты с. Курташек Оброч. волости.

ниях Германии и принимая во внимание наше положение, продовольственную разруху и проч., постановили принять условия мира с Германией и присоединиться к 116-ти голосам общероссийского Съезда народных комиссаров, ибо худой мир лучше добрый ссоры.

В чем и подписуемся грамотные граждане: [следуют подписи].

Председатель комитета К. Итошев.
Секретарь Т. Сергеев.

Резолюция [1]).

1918 года февраля 14 дня Введенский вол. совет [2]) крестьянских депутатов получил телиграмму от народных комиссаров, в виду неясности телиграммы предлагаю выбрать делигатов для выяснения, если справедливо доверяем нашему народному правительству ведение свещенной войны и о прикрощении войны.

Принятая общем собрание Введенского вол. совета крестьянских депутатов, мы, граждане, заслушав телиграмму секретаря Горбунова о принятии предложения германского мира, решили и высказываемся за прекращение этой кровавой бойни и протистуем против насилия германских полчиц, наступающих на обезоруженных русских солдат, не желающих убивать друг друга; тоже протистуем против нарушения правила ведения войны, условленного семидневного срока о начала перемирия, чтобы начать наступление. Мы, русские граждане, взываем к совести наших германских товарищей, т. е. крестьян и рабочих, прикратить и с их стороны тоже кровопролитие и насильственное присоединение малых народов Курляндии, Лифляндии Исляндии [3]) и Польши. И протистуем против вмешательства в наши внутренние дела вашей буржуазии. Товарищи, вспомните братство народа и обратити ваши штыки против ваших врагов, которые нас унетают; мы, русские, сделали все, свергли царизым, сергли капитализм и еще раз взываем — не губите нашу свободу вместе с тем и вашу, а также и всего утнетенного народа; мы доверяем нашей народной власти ведение справедливой свящонной войны и заключение мира.

Председатель Введенского вол. совета
крест. депут. Д. Суслин.

[1] Текст, кроме подписей, написан на машинке.

[2] В подлиннике: «Введенского вол. совета».

[3]) Так в подлиннике. Следует: «Эстляндии».

Резолюция [1]).

1918 года февраля 14 дня.
С. Рыбки [но].

Собравшийся сего числа волостной комитет под председательством Григория Андреева Ушакова при секретаре Павле Илюшкине, члене Павле Попове, обсудив вопрос относительно войны с немцами и предложение немцев мирных переговоров, согласно телеграммы народного комиссара Горбунова, приступил к разбору дела и большинством голосов представ. обществ постановил: во что бы не стало заключить мир на предъявленных условиях немцами. Так как Россия, в виду внутренней разрухи и беспорядков, вести войну не в состоянии, просим Всероссийский совет солдатских и крестьянских депутатов приступить к немедленному вооружению всех деревенских граждан — вооружить против буржуазной контрреволюции.

Председатель комитета Г. Ушаков.
Секретарь П. Илюшкин.
Член П. Попов.

Резолюция населения Сивинского волостного земства [2]).

1918 года февраля 14 дня в 2 часа по полудни в здание Сивинского волостного земства явились от 11 [3]) обществ всего волостного земства уполномоченные, где и заявили члену Краснослободского уездного исполнительного комитета крестьянских депутатов Григорию Александровичу Манину, что телеграмма от 24 февраля по новому стилю с. г., присланная Петроградским Центральным исполнительным комитом рабочих и солдатских и крестьянских депутатов о предложенных Германией условиях мира России, на их местных сельских сходах была ими прочитана и содержание ее усвоено, а потому мы, уполномоченные от наших обществ, заявляем волю народа в следующем: принимая во внимание настоящее тяшкое положение нашего отечества, предложенные условии мира Германией России находим вполне приемлимы и желаем немедленно заключения мира с Германией и возвращения наших военнопленных на родину (в чем и подписуемся); а также торжественно изъявляем волю и готовность от всего населения Сивинского волостного земства сплотиться

[1]) Подлинник написан чернильным карандашом и снабжен печатью Рыбкинского волостного правления, Краснослободского уезда, Пензенской губ.

[2]) Рукописный подлинник снабжен печатью Сивинского волостного правления.

[3]) Первоначально: «12».

дружно и крепко с Советами исполнительных комитетов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов против буржуазных классов, стремящихся уничтожить упомянутые советы, в чем и подписуемся.

1918 года февраля 14 дня настоящая резолюция действительно подписана собственноручно уполномоченными от 11 обществ [следует ряд подписей], при чем присовокупляется, что уполномоченные от общества с. Авсоры не участвовали, как воздержавшиеся, что Сивинская волостная земская управа удостоверяет.

Председатель Исаев.
Члены Н. Ломакин.
Грачев.
Секретарь Полонский.

Постановление[1]).

1918 года февраля 15 дня, мы, нижеподписавшиеся, Пензенской губернии, Краснослободского уезда, Джанченской волости, избранные от сельских обществ, в числе 73-человек, во главе Джанченского волостного совета крестьянских депутатов, быв сего числа на общем собрании, где нам была прочитана телеграмма секретаря народных комиссаров относительно предложенных Германией мирных условий.

Выслушав копию телеграммы и обсудив оный текущий момент, общее собрание единогласно постановило: считать навязанные нам немцами мировые условия тяжкими, но, принимая во внимание усталость от войны и общую разруху страны, признать, что мы войны вести не можем.

Председатель совета Я. Ларюшкин.
Члены: Ст. Нестеров.
Секретарь Мих. Тренькин,
избранные от сельских обществ.

Протокол заседания Саранского совета р. с. и к. депутатов, состоявшегося 23 марта 1918 г.[2]).

Заседание открыл председатель Совета Ф. С. Каплев при участии 92 членов в 12 ч. дня.

Слушали: «6. Доклад о чрезвычайном Съезде советов.

Постановили: 6. а) Считая заключение мира на очень тяжелых условиях очень тяжелым, Совет признает действия Центрального комитета правильными, и 2) так как другого исхода при тех ужасных причинах, в каких находится наша страна, другого выхода не было; б) доклад делегата Жукова принять к сведению.

Протокол Тенишевского волостного совета 26 февраля 1918 г.[1]).

Тенишевский волостной совет в заседании 26 февраля 1918 года, выслушав телеграмму Центрального исполнительного комитета о вынесении резолюции о войне и мире с Германией, обсудив этот вопрос, совет находит, что мирные условия, указанные нам, были обещаны перед захватом власти 26 октября 1917 года, новые же условия мира совсем неприемлемы; ведение же войны, при полном развале армии и железных дорог, при отсутствии хлеба и всего необходимого для ведения войны, совершенно немыслимо, а потому постановил: вопрос о войне и мире предоставить решить центральной власти и в своих деяниях чтобы эта власть дала отчет всему трудовому народу.

Председатель совета [подпись].
Секретарь [подпись].

Постановление собрания граждан Слободско-Дубровской волости.

1918 года, февраля 26 дня мы нижеподписавшиеся граждане Слободско-Дубровской волости, на общем собрании, разобрав условия мира, предложенного германцами, усматривается[2]) в этих предложениях угрозу революционному движению в России, а потому надеется, что Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которым мы всецело доверяем, идя на невозможные уступки требованиям германцев, не решатся принять только те из них, которые могут помешать развитию и укреплению нашей революции.

Председатель управл. [подпись].
Члены управл. П. Сольников.
[подпись].
Секретарь [подпись].

Резолюция Мамолаевского волостного собрания от 26 февраля 1918 года[3]).

Раз Совет народных комиссаров, а также и все и мы, здесь присутствующие, признаем, что в настоящее время наша армия находится при полной дезорганизации, почти вся демобилизована, что та

[1]) Рукописный подлинник снабжен печатью Джанченского вол. правления.

[2]) Подлинник представляет рукописную выписку, без подписей.

[1]) Рукописный подлинник снабжен печатью Тенишевского совета и подписями.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Подлинник написан на машинке, с поправками, сделанными от руки.

армия, которая осталась на фронте, бежит в панике от наступающих немцев, оставляя в руках врага всю артиллерию, фураж, раз эта армия не может разрушать железнодорожные пути и уничтожать мосты с целью остановить неприятеля, то в настоящее время, по нашему мнению, мы не можем остановить врага, который при этом, по газетным сведениям, занял уже Двинск. Принимая затем во внимание, во-первых, переживаемый нами продовольственный кризис, во-вторых, утомление всех от войны, собрание высказывает свое мнение, что войну в настоящее время вести мы не в состоянии.

Имея затем в виду, что продолжение[1]) войны отразится на советской власти и войной можем погубить эту власть, Мамолаевское волостное собрание постановило: не продолжать войну, дав свое согласие Совету народных комиссаров на заключение мира с Германией.

Председатель [подпись].
Товарищ председателя Клюков.
Секретарь [подпись].

Протокол[2]).

На заседании 3-го съезда Синдоровского вол. съезда[3]) под председательством председателя Демитрия Матросова, секретаря Алексея Юрина.

1. Обсуждался вопрос о поступившей срочной телеграмме от Центрального совета р. с. к. депутатов Петрограда, в числе присутствующих членов (59) поступило к избранию временного продезеума, конде[да]тами было внесено:

1) Демитрий Матросов, 2) Василий Чуджев[1]), 3) Герасим Молиновский, 4) Степан Синбаев, 5) Алексей Юрин.

Открытой болатеровкой, при помощи поднятие рук, вынесена, что Демитрий Матросов получил 38 — п. р., за 21, воз. 4-х. Василий Чужаев[1]) за 2, п. 2 р., 14 воз. Герасим Молиновский за 1, п. 30 и 6—воз. Степан Цинбаев[1]) 22 за, п. — 10. Алексей Юрин 14 за, 19 п, 9 — воз.

Секретарем избран Алексей Юрин.

По избранию прадезидиума председатель вол. съезда с. к. р. депутатов объявил заседание открытым,

1-е) о предложении мира Германией, вол. съезд с. р. к. депутатов принята согласно телеграммы из Центрального Петроградского совета р. с. и к. депутатов за 58 — и 1 воз.

Предложонная Германией условия мира согласно полученной телеграммы признаем приемлимы.

Председатель Матросов.
Секретарь А. Юрин.

От редакции.

В XLIX т. „Красного архива" на стр. 10 сноску надо читать: „Опубликовано в сборнике" Пролетарская революция на Дону", вып. III, стр. 84. На стр. 32 сноску надо читать: «1) Опубликовано в сборнике „История ВКП(б) в документах", т. I, стр. 164.»

[1]) В подлиннике: «с продолжением».
[2]) Подлинник рукописный. Дата отсутствует.
[3]) Так в подлиннике.

[1]) Так в подлиннике.

Ответственный редактор Я. Берзин
Редакционная коллегия: В. Максаков (зам. отв. редактора), В. Малаховский, И. Меницкий, Ф. Ротштейн.